

Нина Самарина

СВЕКОЛЬНЫЙ КВАС

A large circular graphic with a pink-to-red gradient, a small red circle, and a grey semi-circle at the bottom.

Наталья Анатольевна Гарипова

СВЕКОЛЬНЫЙ КВАС

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69107503

SelfPub; 2023

Аннотация

Гале нравилось в Лене все: имя, внешность, манеры. В школе она стала ее тенью, той самой "некрасивой подружкой". Лена превратилась в ее кумир и вечный предмет зависти одновременно. Девочки выросли, их пути разошлись. Елена жила так, как могла, ну а Галина двигалась вперед, постоянно сверяя свой внутренний компас с бывшей подружкой.

Содержание

Галина	4
Елена	30
Галина	56
Елена	78
Галина	100
Елена	114
Галина	144
Елена	167
Галина	181
Елена	199
Эпилог	212

Наталия Гарипова

Свекольный квас

Галина

1.

Галина ненавидела много вещей в своей жизни, но самое первое, что она терпеть не могла, было ее собственное имя. Она осознала это еще в школе. Галя училась в 80-е, поэтому в их классе было пять Наташ и три Лены, которых все время путали между собой, но у них были нормальные девчачьи имена. Галя была одна, но что это за имя такое?! Так звали, например, школьную директрису, над которой тихо подсмеивались за ее рейтузы невероятной голубизны. Она ходила в темно-синей юбке, блузке с бантом и значком «Отличник народного просвещения РСФСР». Но стоило ей приподнять руки, как из-под строгого наряда выглядывали голубые представители швейной промышленности, заканчивавшиеся почти у колен Галины Ивановны.

– А Галку-то зовут точно так же, как директрису! – однажды осенило главного задиру Лешу.

Кстати, Алексеев в их классе тоже было трое.

– Эй, панталоны! – тут же подхватил его дружок Костик, обращаясь к Гале.

– Сам ты панталоны, – обиделась она.

– Панталоны, панталоны! – не унимался мальчишка.

Галя не выдержала и огрела его по голове учебником. В этот момент в класс вошла учительница начальных классов, тоже, между прочим, Галина, но только Михайловна.

– Что случилось, Вержакова?

– Ничего. – Галя села на место.

– Вы все должны помнить, что учебники – библиотечные, мы сдадим их в конце года. Если они будут рваные или грязные, я снижу вам итоговую оценку за поведение. Поняла, Вержакова?

– Панталоны, – задыхаясь от смеха, прошептал одними губами Костик, на секунду поймав взгляд девочки.

Это дурацкое прозвище надолго приклеилось к Галине, как и обида. На мальчишек и, конечно, на родителей.

В тот день второклассница пришла домой и первым делом спросила у мамы:

– Почему вы меня Галей назвали?

– Потому что так захотела твоя бабушка, ну и нам с папой это имя понравилось, звучное такое. А чего спрашиваешь?

– Да так, могли бы Леной назвать. Нормальное имя, как у всех девочек, – пробубнила Галя.

Мать только пожала плечами и занялась домашними делами. Ей было не до капризов дочери.

На следующий день в школе Галя внимательно рассмотрела всех трех Лен, которые учились в ее классе.

Первая – Лена Урбанович. Она очень гордилась тем, что родом из Белоруссии и ездит каждый год в Гомель к бабушке и дедушке на лето. Лена привозит оттуда немыслимой красоты резинки для волос и необычные тетрадки, которые днем с огнем не найти в городке средней полосы России. Лена Урбанович не была красавицей, но эти вожаделенные резинки делали ее милашкой. Галя решила, что хочет точно такие же, она даже мысленно присвоила их себе, представляя, как стоит перед зеркалом с двумя косичками, которые заканчиваются синими пластмассовыми шариками. В общем, Галя поняла, что она завидует Лене Урбанович не только из-за имени, но и из-за ее курчавых волос.

Вторая – Лена Титова. Гале нравилось, как она аккуратно умеет заполнять тетрадки: буква к буквке, черточка к черточке, почерк у нее был просто идеальный. Галина Михайловна всегда ставила ее в пример.

Ну и Лена Шарафеева. Это была идеальная девочка с высокими татарскими скулами, смуглой, слегка оливковой кожей и огромными карими глазами. За ней увивались полкласса, в коридоры крыла начальной школы забегали даже пятиклассники, чтобы глянуть на Лену Шарафееву.

Выбирая для себя, какой бы Леной ей хотелось стать, Галя решила, что все трое заслуживают быть запечатленными, срисованными и примеренными на себя. Девочка жадно следила за каждой из них, стараясь повторять заразительный смех Урбанович, идеальный почерк Титовой и слегка при-

щуренный взгляд Шарафеевой. Так длилось довольно долго, почти до конца учебного года, пока Лена Урбанович не заметила, что Галя Вержакова без зазрения совести взяла из ее пенала простой карандаш. Да не какой-то обыкновенный, на котором написано «Слава труду!», а самый что ни на есть ценный – монгольский, который из заграничной командировки привез папа.

После скандала, двойки за поведение и разбора на классном собрании Галя поняла, что завидовать нужно скрытно, стараясь не только не вызвать подозрений у предмета своего вожделения, но и усыпить его бдительность. В общем, надо дружить. Ей казалось, что рядом с Ленами она и сама станет Леной, а не какой-то там Галей в панталонах.

Начать дружить с Урбанович не составило особого труда. Оказалось, достаточно уговорить маму дать денег на упаковку блеклых фломастеров «Пицунда», которые в середине 80-х продавались в канцелярских магазинах.

– Это тебе за карандаш, – чистосердечно протянула Галя Лене Урбанович набор фломастеров.

– Ты что, я не могу взять, меня мама заругает. – У девочки заблестели глаза.

– Бери, скажешь, что купила сама на ярмарке солидарности, – предложила Галя.

И Лена взяла.

С Титовой было вообще просто. Галя постаралась и смастерила себе тетрадь под названием «Дневник друзей». Была

такая мода: пишешь вопросы в тетради, а потом даешь заполнить на них ответы разным людям, чаще всего подружкам или одноклассникам. Чем богаче разрисована тетрадка, чем больше в нее вклеено картинок, тем лучше. Галя три дня на каждой странице своего «Дневника друзей» выводила цветы, принцесс и завитушки. Поэтому, когда она дала заполнить его Лене Титовой, ей не было стыдно перед девочкой с самым лучшим почерком в классе. На почве этого одноклассницы и подружились.

Самым крепким орешком оказалась Лена Шарафеева. Ей противопоставить Галя ничего не могла. Оставалось лишь смотреть, как ее провожают до дома мальчики, услужливо поднося портфель и покупая мороженое в вафельном стаканчике на последние 10 копеек. Галя сгорала от зависти к однокласснице, и незаметно это чувство трансформировалось в какую-то болезненную любовь. Она начала ревновать Шарафееву к ухажерам, к ее красивой маме и даже к учительнице, которая не очень жаловала Лену, считая ее плохим примером для других девочек, ведь октябренку и будущему пионеру не подобает иметь длинные ресницы и ноги, как у забавного оленёнка. Гале тоже хотелось, чтобы ненавистная Галина Михайловна вызвала ее к доске, как Шарафееву, и, обращаясь к классу, дурацким гнусавым голосом сказала:

– Ребята, давайте скажем Лене, что девочке принимать подарки от мальчиков неприлично. Вы же все сегодня видели, что принесла она в класс?

Одноклассники зашептались. Да, все знали, что Дима, влюбленный в Шарафееву, принес ей бумажную куклу с бумажными одежками. Лена тогда улыбнулась, взяла книжку, из которой предстояло вырезать гардероб и его обладательницу, и очень искренне сказала спасибо, легко коснувшись плеча Димы. И это вместо того, чтобы начать фыркать и морщить нос, как поступила бы на ее месте любая уважающая себя второклассница.

Галя жадно впитывала каждый жест Лены, наблюдая эту сцену, она была готова одновременно стать и самой Леной, и Димой, и толпой детей, которые обсуждали происшествие.

В итоге Галя стала тенью Лены Шарафеевой. В начальной школе Лена просто жила своей жизнью и не замечала серую мышку Галю, в средних классах они подружились. Как-то случайно оказались за одной партой в начале года, и так и проучились до мая.

Заполнила Лена Шарафеева и ее анкету.

«Любимый цвет» – «Желтый».

«Любимый предмет в школе» – «Литература».

«Кем ты хочешь стать?» – «Аптекарем».

Этот пункт всегда вызывал в Гале странное чувство. Почему Лена вдруг захотела работать в аптеке? Она же такая красивая, ей бы на телевидении быть ведущей. Но аптекарь, так аптекарь. Галя примерила на себя эту роль и тоже решила, что, когда вырастет, будет аптекарем. И желтый цвет ей теперь нравился больше, чем зеленый.

Еще один вопрос, на который она с замиранием сердца ждала ответа: «Как ты относишься к хозяйке анкеты?» – «На тебя всегда можно положиться».

И Галя была готова услужить Лене во всем: дать списать домашку, подежурить в классе, подделать подпись класснухи в дневнике. Шарафеева была уверена, что любой, кто находится с ней рядом, просто обожает ее и делает всё, чтобы оставаться в поле магнетизма красивой девочки. В принципе, она была права, особенно насчет Гали, но Лена не знала, что любовь подруги не была бескорыстна. Каждый день и каждый час Галя завидовала, с упоением глядя на жизнь самой популярной одноклассницы. И, конечно, в итоге и на нее начал падать отсвет обаяния подруги. Окружающим стало казаться, что, раз Лена Шарафеева сидит с Галей Вержаковой, ходит с ней вместе домой и на дневные сеансы в кинотеатр, сплетничает у школьного забора, значит, есть что-то такое, чего они раньше не замечали в этой серой мышке со старомодным именем и дурацким прозвищем Панталоны.

– Галь, погнали на речку купаться в субботу, – однажды предложил ей все тот же одноклассник Леша.

Первое, что хотела ответить Галя, – «иди сам с дохлыми рыбами купайся». Но она подумала, что бы сказала на ее месте Лена, если бы ей не очень хотелось идти на грязную мелкую речушку, протекавшую по окраинам их небольшого промышленного городка.

– Леш, так жарко, давай лучше просто погуляем в парке.

Галя не раз наблюдала, как мальчишки сливались, когда Лена вот так, мягко, начинала диктовать им свои условия: не дурачиться в грязных от ила трусах на глинистом берегу, а прилично одеться, прийти в парк и вести разговоры.

– Ой, я забыл, в субботу мать просила с ней на дачу ехать. Давай потом, – предсказуемо дал заднюю Леша.

– Как хочешь. – Галя пожала плечами, в точности повторив жест одноклассницы.

В общем, до конца школы она научилась виртуозно копировать Шарафееву. И в старших классах девочки стали близкими подругами.

Кстати, Лена Урбанович к этому времени перебралась с родителями в Белоруссию. Ну а Лена Титова перешла в гимназию. И в классе осталась всего одна Лена.

Галя почувствовала, что появилось вакантное место.

«А что, я тоже могу стать Леной... Лена Вержакова – нормально же звучит», – мечтала девочка. Паспорт ей уже выдали в 16 лет с дурацким, на ее взгляд, именем Галина.

«Вот выйду замуж, поменяю и фамилию, и имя», – твердо решила она.

2.

Наступили 90-е годы, жизнь была не сахар, родители и той и другой тянули, как могли. Ну а для девчонок наступила студенческая жизнь. И им все же пришлось расстаться.

Лена готовилась в областной университет, она хоть и не без проблем, но поступила с первого раза. Предсказуемо сре-

ди экзаменаторов в комиссии были не только женщины. Профессора-мужчины с филфака, естественно, привыкли к красивым студенткам, их на этом факультете всегда было предостаточно, но в Лене Шарафеевой был особенный магнетизм, так что на устном экзамене ей было несложно получить балл повыше.

– Галка, привет! – крикнула в трубку Лена. – Я поступила! Поздравь!

Она звонила подруге с переговорного пункта на почте. В общежитии, куда ее определили, нельзя было говорить по междугородной линии. Да и заселение начиналось только в конце августа, впереди было целое лето.

– Поздравляю, молодец. – Галя постаралась быть искренней, но это выходило не очень. Именно сейчас рвалась пуповина, которая долгие школьные годы связывала ее с подругой. Девушке казалось, что без Лены от нее самой останется лишь жалкая горстка никому не нужных, блеклых и скучных мыслей, некрасивая походка и тяжелые щиколотки. Не будет той, которая все эти годы подсвечивала унылую жизнь Гали. Она была уверена, что без Лены будет никому не нужна, особенно парням.

– Ну а ты? Ты поступила? – Лена пузырилась от счастья.

– А что я? Тебе везет, ты в большой город уехала, а меня вот мать с тобой не пустила. Так что, конечно, поступила, чего ж тут не поступить.

– Ты ко мне на каникулах будешь приезжать, не кисни, –

беззаботно прокричала в трубку Лена.

Галя же понимала, что никуда она не поедет на каникулах. Во-первых, летом мать всегда запрягала ее в огороде, она бы не отпустила ее поехать к подружке. Во-вторых, у них в семье денег особо не водилось, никто ей не даст и рубля, чтобы поехать развлекаться к Лене. Она и поступала-то в техникум на технолога металлообработки, чтобы устроиться на местное предприятие к отцу в цех и сразу начать нормально зарабатывать. На дворе стоял 1992 год, и пока никто не мог знать, что уже через два года предприятие приватизируют и настанут трудные времена.

– Поздравляю тебя, Лена, всего тебе самого наилучшего, – официальным тоном произнесла Галя. Она говорила с домашнего телефона, родители были на работе, поэтому не видели, как дочь с силой брякнула трубку, схватила подушку с дивана и уткнулась в нее раскрытым кричащим ртом.

Именно в этот момент для Гали закончилось детство, но никуда не исчезло тягучее чувство зависти и ревности. Ей было обидно, что теперь красавица Лена будет учиться в большом городе, без нее смеяться над шутками умных студентов, зубрить свои странные филологические предметы, пить вино и целоваться в загадочных подворотнях с лучшими парнями курса. А что останется Гале? Скукота в заштатном городишке, студенты-технари, которые и двух слов связать не могут, а в компаниях предпочитают пить не вино, а водку, зубрежка какого-нибудь материаловедения и мате-

ринский пилеж по поводу и без.

Вдоволь наплакавшись в подушку, Галя встала и прошлепала в ванную. Из зеркала на нее смотрела девчонка с опухшими глазами.

«Первым делом нужно избавиться от этой дурацкой косы», – решила Галя. Она перекинула свою довольно толстую косу со спины на грудь, на ее конце была яркая резинка, теперь такие можно было купить в любом ларьке, и Лене Урбанович было бы нечем хвастаться.

«Фу, уродина». – Галя пошарила в тумбочке под раковиной и извлекла из ее недр большие ножницы. Она решительно приставила их к косе и начала резать, волосы поддавались неохотно, поэтому пальцы побелели и занули.

«Все равно отрежу!» – Галя продолжала уничтожать косу, которую растила со школы.

Когда дело было сделано, она расстроилась еще больше, потому что на голове образовалась какая-то ерунда: ни косы, ни нормальной прически. Девушка опять кинулась в слезы.

«Это все Ленка виновата, это из-за нее я страдаю! Пусть у нее все будет плохо, пусть ее выпнут из универа, пусть она спутается с каким-нибудь уродом! Пусть у нее лицо прыщами покроется! Пусть она залетит от первого встречного!» – Галя изрыгала самые страшные проклятья для девушки тех лет. В конце концов ей стало легче.

– Галя! Боже мой, что ты с собой натворила! – всплеснула руками мать, когда пришла вечером домой. Она была до-

вольно молодая женщина, ей не было и сорока лет, но дочке она казалась старухой.

Мама поставила тяжелые сумки из магазина в коридоре, разулась и взяла дочь за плечи. Повернула ее из стороны в сторону и задумчиво произнесла:

– Я дам тебе денег, только сходи в парикмахерскую и приведи в порядок свою голову.

Длины волос Гале хватило, чтобы сделать модную и недешевую тогда стрижку «американка». Она ей шла, делала лицо милее, так что впервые она почувствовала на себе взгляды парней, когда рядом не было Лены. Это оказалось приятно. Но все равно 1 сентября, среди студентов, чувствовала, что как будто занимает не свое место, будто взгляды парней принадлежат не ей, а Лене, которой и в помине не было рядом.

Прямо на первой паре к ней подсел кудрявый парнишка в кожаной куртке. Наличие этого предмета в гардеробе буквально кричало о том, что ее обладатель очень крут. И тут было два варианта для 17-летнего паренька: или куртку ему купили родители, а значит, в семье водились деньги, или он взял ее сам, ошиваясь с «настоящими пацанами», крышевавшими рынок и все ларьки в округе. В общем, снимать этот паспорт благосостояния в аудитории он даже не собирался.

– Привет, – бросил он Гале и сел, скрипнув рукавами.

– Привет. – Она покосилась на кожаное великолепие.

– Я Костя, а ты?

– Лена, – неожиданно даже для себя сказала Галя.

– Листок есть?

Галя молча взяла тетрадь и вырвала из середины двойной лист.

– Вот, – протянула она бумагу.

– Спасибо, Ленок. Можно так тебя называть?

Галя точно знала, что если бы какой-то парень удумал назвать Лену Шарафееву Ленок, он получил бы вежливый, но очень твердый отказ, после которого никому бы не захотелось продолжать фамильярничать. Но Галя была сражена лихостью, кудрями и кожаной курткой, поэтому ответила:

– Да, конечно.

– Ты сегодня после пар свободна?

– Да, – не задумываясь ответила девчонка.

– Погуляем?

Галя утвердительно кивнула и сделала вид, что очень внимательно слушает лектора.

Она влюбилась в Костю, как кошка. Уже через неделю жарких поцелуев в подъезде он предложил после занятий заглянуть к нему домой.

– Мамка на работе, – пояснил парень.

Галя не могла сопротивляться его обаянию, до Кости у нее ни разу не было парня, который провожает до дома и не отпускает в подъезде по полчаса, плотно прижав к себе и обдавая запахом табака и молочной карамели, которую он закидывал в рот после каждой выкуренной сигареты.

Кстати, к этому моменту он знал, что Галя вовсе не Ле-

на. Глупо было с ее стороны скрывать имя, учились-то они в одной группе.

– Да, Лена было лучше, – высказался Костя, когда кто-то из преподавателей назвал ее Галиной Вержаковой.

Она сжалась. Невинное вранье делало ее чуть смелее с Костей, словно подруга поддерживала ее и подсказывала, как правильно себя вести с парнем.

– Галя, – громко сказал Костя и замолчал.

– Что?

– Я тебя не звал, просто привыкаю.

– Извини.

– Извиняю, – благосклонно ответил мальчишка и смело положил ей руку на коленку под партой, а потом медленно и уверенно повел ее вверх по ноге.

– Ты чего? Люди кругом. – Галя попыталась скинуть ладонь.

– Ничего, Галя, не суетись. – Он жестко глянул на девчонку и даже не подумал прекратить.

Она обмякла и поняла, что сопротивляться бесполезно, тем более, ей и самой нравилось, что Костя уделяет ей такое внимание. Гале все казалось, что она недостойна такого красавца в кожаной куртке. Поэтому просто уставилась на преподавателя, который, стоя спиной к студентам, что-то монотонно говорил и писал на доске.

А Костя и правда был из местных пацанов, его уважали свои и опасались посторонние, особенно те, что учились с

ними в одном техникуме. Тогда балом правили группировки, и все, кто в них входил, автоматически получали в молодежной среде «золотой пропуск», они могли позволить себе почти всё, правда, только на своей территории.

Дома же Костя был любящим сыном: мать и не подозревала, что он может нагло выгрести половину кассы из какого-нибудь ларька с сигаретами и шоколадками. Она воспитывала его одна и очень радовалась, что сын поступил в техникум. Ну а откуда у него появлялись новые вещи, та же кожаная куртка, она не спрашивала: мир мужчин был для неё дик и загадочен, своего Костю она считала не ребенком, а добытчиком, потому что он давал ей время от времени деньги на хозяйство. Откуда сын их брал, мать не спрашивала.

В тот день ее действительно не было дома. Галя зашла к своему кавалеру и очень удивилась, потому что увидела квартиру, практически идентичную ее собственной. Расположение комнат было одинаковым, в зале стояла точно такая же «прибалтийская» стенка, которой очень гордилась ее мать, очевидно, и мать Кости тоже. В их городке было всего два мебельных магазина, и лет 10 назад почти весь город закупился в них этими стенками. Но самое удивительное, что и ее наполнение было почти таким же, как дома у Гали, – хрусталь в отделении с прозрачными дверцами, а там, где предполагалась полка для книг, стояла конфетница, сплетенная из тонких металлических прутьев в замысловатый узор. Она стояла на салфетке, связанной крючком. Внутри лежали ка-

кие-то бумаги, мелочовка. Рядом стоял фарфоровый петушок с ярким хвостом. У них дома был точно такой же, что самое удивительное, у него был слегка отколот клюв, у Галиного петушка было то же самое.

Дома у Кости была идеальная чистота, точно такая же, как и в квартире Вержаковых. Любимым занятием Галиной мамы было «драить хату», как она выражалась. Девушка ни разу не видела, чтобы ее мать просто сидела и отдыхала – смотрела телевизор или читала. Она постоянно что-то делала. Даже сидя на диване, например, вязала.

Все это промелькнуло у девочки в голове за долю секунды.

– Мамка на работе, – тем временем сообщил Костя. – Разбувайся.

Галя тут же голосом Лены поправила:

– Разувайся.

– Чего?

– Разувайся, надо правильно говорить.

– А я чего сказал?

– Ай, по фиг, забей, не обращай внимания.

Костя прекрасно все слышал, но решил не начинать спор из-за слов, потому что сейчас ему было не до этого, дорога была каждая минута, пока они были дома одни.

– Проходи в зал, присаживайся. – Он взял Галю за руку и потащил в комнату, беря курс на диван.

На нем, конечно, целоваться было удобнее, чем в подъезде. Галя решила, что так и быть, разрешит Косте что-нибудь

побольше, чем поцелуи, но не так что бы очень, она даже не знала, что конкретно и до какой черты она позволит ему дойти. Девушка прекрасно помнила свирепый взгляд матери, которая периодически повторяла ей:

– Если принесешь в подоле – убью!

Девчонка заерзала и вырвалась из объятий.

– Костя, не надо, пожалуйста. Я не такая.

– Конечно, не такая! – Правда, его слова расходились с делом.

Галя начала молча сопротивляться, обороняя свою блузку. В критических ситуациях ей всегда помогало перевоплощение в Лену. Она, конечно, доподлинно не знала, как в такой ситуации может повести себя школьная подруга, но долгое существование в роли неказистого двойника Лены словно включало вторую, искусственно выращенную сущность.

И она решила расслабиться, при этом стала холодной, как морозилка, отвернулась к стене, на которой висел ковер, и усилием воли заставила себя перечислять то, что видела: «Красная завитушка, черный квадрат, зеленый ромб, красная завитушка, черный квадрат, зеленый ромб».

– Ты чего? – У Кости пропало настроение. Несмотря на свою вольную жизнь с пацанами, в делах амурных он был пока неопытным. Ему вдруг показалось, что Галя заметила у него на лбу надувающийся прыщ и поэтому с отвращением отвернулась. Ему и самому с утра от него мерзко стало.

– Все нормально, все хорошо. – Галя воспользовалась

ослабевшей хваткой, встала, беззаботно поправила одежду и отошла к окну. – Костя, ты мне очень нравишься, но все это как-то слишком. Давай в другой раз, ладно?

Вот это ее «ладно» с вопросительно-примирительной интонацией была чистая Лена. И парень автоматически повторил:

– Ладно.

Если бы Галя оставалась сама собой, она бы устроила сопротивление, что только сильнее бы подстегнуло Костю, ну а потом, как говорила мать, ее бы ожидала участь той, что «принесла в подоле».

В итоге то, что не произошло в сентябре, случилось через полгода. Разница была в том, что благодаря вот такой поддержке Лены из зазеркалья подсознания Гали, Костя стал относиться к своей подруге более серьезно.

Когда стало понятно, что «подол» неизбежен, будущий папа купил букет цветов, торт и бутылку, с чем и отправился к родителям невесты. На дворе стоял 1993 год. Гале было 18 лет.

3.

В загсе им велели заполнить заявление. Это на улице Костя был крутым пацаном, в присутственном месте он мигом превратился в того, кем был на самом деле, – 18-летнего юношу, который до смерти боится становиться мужем и отцом.

– Садитесь, молодые люди, – произнесла дама из загса, свысока глянув на Галю: таких «потаскух», как ей казалось, она видела насквозь.

Два воробышка сели напротив. Они по-школьному склонились над столом, начав заполнять заявление. Когда дело дошло до имени и фамилии, Галя уверенно написала, что берет фамилию мужа – Сергееenko. А вот над именем завила.

– Ты чего? – не понял Костя.

– Хочу сменить и имя. Мне нравится Елена, – зашептала она.

– А так можно? – так же тихо спросил жених.

– Я не знаю. Спроси у этой тетki сам, я боюсь.

У Кости чуть не вырвалось: «Я тоже боюсь».

– Пиши уж «Галина». Чего мудрить-то, нормальное имя.

– Ты ничего не понимаешь, – надулась невеста.

Костя пожал плечами, он решил, что это все беременная дурь.

– Сама тогда и спрашивай.

Галя прочистила горло:

– А скажите, пожалуйста, можно мне сменить не только фамилию, но и имя?

– Что? – дама надменно вскинула бровь.

– Можно мне сменить и имя?

– Не в твоём положении. – Служащая нисколько не сомневалась, что Галя беременна, хотя живота у девчонки совсем не было видно.

– Почему? – Галя покраснела, а за ней почему-то покраснел и Костя.

– Потому что сначала надо менять имя. Ждать документы. А потом, с новыми документами, уже подавать заявление на заключение брака. А ждать, как я понимаю, у вас времени нет. Так ведь? – иронично уточнила дама.

Когда с Галей случались нестандартные ситуации, на помощь ей приходил дух Лены. Он подсказывал, как надо поступить, чтобы не совсем уж упасть в грязь лицом.

– Думаю, ваш последний вопрос был лишним, это не ваше дело, сколько у нас времени. Спасибо за разъяснение, – очень вежливо ответила внутренняя Лена за Галю. Карие глаза девчонки в этот момент посветлели от гнева и приобрели цвет грецкого ореха. Костя покосился на невесту: вот такой она ему нравилась больше всего. Он, конечно, не знал, что ему в таком случае нравится Лена.

– Молодежь нынче пошла, никакого уважения! Разболтались совсем, комсомола на вас нет, – прошипела дама, но заявление приняла.

В тот день Галя чувствовала себя победительницей дракона, хотя свое желание она исполнить не смогла. Ну а Костя решил, что «с такой бабой не пропадешь».

Свадьба была назначена через полтора месяца – на начало апреля.

Родители уже пережили первый шок, теперь все их мысли были направлены на то, чтобы хоть как-то достойно от-

дать дочь замуж. Сняли столовую, в одном из первых кооперативных магазинов было куплено свадебное платье в стиле советского торта. Были разосланы приглашения. Одно из них Галя с Костей написали для Лены.

– Кто это? – спросил жених.

– Школьная подруга.

Вдруг у Гали свело живот. Она ойкнула и схватилась за едва округлившиеся бока.

Костя боялся вот таких моментов больше всего. Вообще его раздражала вся эта физиология. Не того хотел парень в свои-то годы.

– Слушай, пойду я. Надо еще мать с работы забрать, да и дела есть.

– Чего вдруг побежал? Скоро все время будем вместе жить.

– Дурья твоя голова, а где мы будем жить? Надо зарабатывать, понимаешь? Если я около твоей юбки ошиваться буду, ты всю жизнь рядом со свекровкой проведешь.

У Гали опять что-то ёкнуло в животе, но она предусмотрительно сделала вид, что ничего не произошло.

– Ну и иди.

– Ну и пойду.

– Давай, давай. – Она отвернулась и швырнула стопку открыток-приглашений по столу.

Костя быстро встал и вышел. Ему уже надоели эти взбрыки, и он даже не хотел представлять, что его ждет потом.

Ну а Галя уже готова была лезть на стенку, потому что она вдруг представила, как приедет Лена и ей придется познакомиться их с Костей. У нее не было и тени сомнения, что будущий муж, как замороженный, будет заглядывать подруге в рот и ловить каждое ее слово. В течение всей своей недолгой жизни Галя видела кучу таких моментов. Мальчишки мгновенно забывали о ней, когда в поле их зрения появлялась Шарафеева.

«Нафиг, не позову ее», – решила Галя и разорвала только что подписанную открытку на мелкие клочки.

Стало полегче.

На следующий день мать спросила:

– А кто будет свидетельницей? Ты решила? Ленка, наверное?

– Не-а.

– А кто? – Мать искренне удивилась.

– А, сокурсницу попрошу.

– Как знаешь. Но все-таки вы с Леной с детства вместе.

И тут Галя засомневалась. Она действительно не могла представить, чтобы подруга не приехала к ней на свадьбу, словно вычеркивается из жизни половина себя. Да и внутренний склад эмоций и чувств, скопированных с Лены, стал как-то истощаться, требовалось срочное пополнение, а без подруги это сделать было невозможно. Лена была для Гали топливом, на котором она могла генерировать свою жизнь.

Так что Галя согласилась с мамой.

Междугороднее соединение было долгим, что-то шуршало в трубке. Наконец, из помех выплыл знакомый голос:
– Галя, привет!

И впервые в животе у будущей матери что-то шевельнулось, словно рыбка хвостом махнула. И тут же были забыты все опасения и страхи, Галя тараторила, пытаясь рассказать подруге, что произошло, пока той не было в городе: и про Костю, и про беременность, и про свадьбу. Впервые в жизни Галя ощутила, что вдруг оказалась центром Вселенной – это у нее будет муж и ребенок, это она стала совсем взрослой. А Лена только ахала и искренне обещала обязательно приехать.

Когда они встретились, разговоров было только о малыше и будущей семейной жизни.

Правда, радость была недолгой, старая привычка взяла свое – сердце сковала зависть. Лена была, как всегда, особенной, яркой, красивой, модной. А что могла противопоставить беременная Галя, страдающая от токсикоза, цветущей Лене, на которую теперь сворачивали головы даже почтенные главы семейств? А тут еще Костя постоянно рядом с ними, якобы сторожит покой невесты, а на самом деле что? Галя даже боялась об этом подумать.

– Ну, рассказывай, как ты в большом городе? Говорят, что у вас там город ночью вообще не спит, сплошные тусовки, – Галя жадно впитывала каждый жест, каждое слово. Она

вновь обретала смысл жизни, когда рядом находилась Лена. И опять это странное чувство: чем интереснее рассказывала подруга, тем слаще была зависть. Как мазохистка Галя комментировала очередной рассказ о столичной жизни:

– У нас такого нет и не будет никогда.

– Мне такое и не светит.

– Конечно, теперь куда я с животом попрусь?

Наконец Лена выдохлась:

– Показывай свое свадебное платье, – она с любопытством заглянула в шкаф к подруге. До свадьбы оставалось три дня.

Галя не без внутренней гордости полезла в глубину шифоньера и выудила оттуда шуршащий пакет на вешалке. Она осторожно сняла упаковку, и взору девчонок предстало пышное белое платье с лифом, украшенным стразами и розами. По подолу тоже были разбросаны розы, вшитые в оборки. Рукава из мелкой сеточки с блестками топорщились на плечах огромными фонариками. Лена подавила вздох разочарования.

– Примеришь?

Галя кивнула и начала сложный процесс: сначала надо было надеть каркас-криолин, потом нижнюю юбку и только затем влезть в само платье. Лена помогла затянуть его на спине шнурком.

– Во-о-о-т! – невеста вспотела, но гордо повернулась к подруге. – Еще будут перчатки ну и фата длинная. У нас дефицит, мать Костика обещала достать.

Лена сидела на диване напротив подруги. На ней был самый модный по тем временам прикид: фиолетовые лосины, короткая джинсовая юбка и розовый джемперок из ангорки. Конечно, Галя хотела все тоже самое, плюс круглые пластмассовые клипсы. Но сейчас, в свадебном платье, она ощущала себя королевой бала.

– Нравится? – почти утвердительно спросила она и расправила несуществующие складки на юбке.

– Главное, чтобы тебе нравилось.

– Не нравится? – голос невесты дрогнул.

– Ну, сейчас такое уже не носят.

Галя привыкла, что у Лены вкус гораздо лучше ее собственного, поэтому не обиделась. Села на диван рядом с подругой, платье вздулось вокруг и забрало в орбиту белого великолепия и Лену.

– Не расстраивайся, мы можем его переделать.

– Лучше я его вообще выкину, – в отчаянии прошептала Галя.

– Оно же денег стоит, так нельзя, – модница обняла невесту за талию.

– Наплевать.

– Ну нет, не наплевать, – Лена энергично встала, сбросив со своих точеных ног подол платья подруги. – Ну-ка, не ки-сни. Покажись еще раз.

Галя неохотно поднялась, но в душе ликовала, Лена опять была в ее орбите. Ну а подруга потребовала:

– Дай-ка ножницы!

Потом она склонилась над подолом и что-то там колдовала, Гале не было видно, что творит Шарафеева, но она полностью доверила ей самое красивое платье, которое когда-либо у нее было. В итоге Лена срезала все розы не только на подоле, но и на лифе, убрала ненужные блески, заставила снять кринолин, который превращал Галю в купчиху на чайнике. Получился романтичный наряд, который подчеркнул пока еще тонкую талию невесты.

– Вот так! – Лена вытерла со лба капельки пота. – Теперь просто отпад! А ты выкидывать собиралась.

Признаться честно, Гале первый вариант с блесками и розами нравился больше, но за годы дружбы девчонка привыкла, что ее мнение особо ничего не значит, все решает подруга.

Елена

1.

Больше всего на свете Лена боялась мышей и стать некрасивой. Поэтому ей требовались поклонники, они были подтверждением ее неотразимости. Как само собой разумеющееся она принимала ухаживания мальчиков и осуждающие взгляды девочек. Как-то в средних классах Лена оказалась за одной партой с Галей Вержаковой – молчуньей, которая носила всё длинное и неприметное. Их посадила вместе учительница, которая всегда руководствовалась правилом не удваивать силы учеников и держать поближе друг к другу противоположности.

Первое, что сказала Галя, оказавшись рядом с Леной, было:

– Смотри, сейчас Яшинина бомбанет.

Лена невольно посмотрела в сторону Левы Яшинина, которому раздали тетрадь с домашним заданием. Обычно она не обращала на него внимания, потому что никогда не смотрела на тех, кто не смотрит на нее. А Лева никогда, в отличие от остальных мальчишек, не пялился на Лену. Он был в своих мыслях, учился на тройки, носился со смешными маленькими папочками, в которых хранил свою коллекцию марок и дергал одновременно носом и ртом, если сильно волновался. Вот и сейчас его лицо исказилось тиком, он открыл

тетрадку.

– Это несправедливо! – прошептала Галя голосом Яшинина.

– Это несправедливо! – взревел Лева и задергал ноздрями.

– Яшинин, сядь на место! – ответила учительница.

– Я все правильно сделал, мне мама помогала, – продолжала шептать Галя, виртуозно подделывая шепелявый говорок Левы.

– Мне мама помогала, – простонал Яшинин и опять задергал ноздрями, одновременно вытягивая губы.

Лена еле сдерживалась, чтобы не засмеяться вслух. Надо же, а ей казалось, что Галя совсем скучная и неинтересная.

– Ты даешь! – выдохнула Лена.

– Заполнишь мою анкету? – Галя улыбнулась.

– Конечно!

Она передала ей толстую тетрадь, на обложке которой было старательно выведено разноцветными фломастерами: «Анкета». Признаться, Лена заполнила таких анкет очень много, все хотели с ней дружить, поэтому она по привычке написала там то, что писала для всех. На вопрос «Как ты относишься к хозяйке анкеты?» Она стандартно вывела: «На тебя всегда можно положиться». Но очень скоро Лена поняла, что на Галю действительно можно положиться всегда и во всем.

Очень быстро она привыкла к тому, что новая соседка по

парте стала ее тенью. Девчонки были неразлучны. Галя оказалась остроумной и не лишенной житейской мудрости. А еще, и это Лена ценила больше всего, по какой-то неведомой причине новая подруга не соперничала с ней, а наоборот, приносила на алтарь их дружбы всю себя. Она стала глазами и ушами Лены. Когда они вместе шли по школьному коридору, Галя шепотом сообщала:

– Пацаны из 8 «Г» смотрят на тебя, Королев даже щурится.

Или:

– Вчера девчонки обсуждали, у кого самые красивые волосы, решили, что у тебя самые густые, а у Тamarки – самые длинные.

В общем, с Галей Лена могла оставаться словно в хрустальном замке, вдали от школьных сплетен, которые не были достойны ее внимания, но при этом быть в курсе всего, что происходит.

– И как ты все замечаешь? Про всех все помнишь и знаешь, – поражалась Лена.

– Я не злопамятная, просто я злая, и у меня память хорошая, – усмехалась в ответ Галя.

Лене хотелось, чтобы ее оруженосец был достоин сюзерена, поэтому она решила, что надо помочь подруге стать модной: не дело, когда за одной бегают мальчишки, а другая прячется по углам.

В то время были очень модными белые теплые шапочки.

Ради них подружки даже научились вязать. Они торжественно выбрали спицы в магазине, а затем поохотились за пряжей – она была в дефиците. Наконец, притащили домой к Гале свой улов, устроились на диване и начали священнодействовать: у Лены сразу не задалось, она слишком затягивала петли, ну а у Гали с первого раза работа закипела.

– Ты не тяни так, полегче, – посоветовала она Шарафеевой.

– Давай потом будем вязать, чего мы тут как две дурочки сидим. Надо чтобы каждая сама дома себе шапочку вязала. Ты мне мешаешь, ты смотришь, – с поддельным равнодушием в голосе протянула Лена.

У Гали горели глаза, она не могла остановиться.

– Иди домой, если хочешь, я пока повяжу, а то мать придет, гонять начнет по хозяйству.

– Ладно. Тогда через неделю придем в школу в шапочках, – оставила за собой последнее слово Лена.

Она не собиралась больше вязать. 14-летняя модница быстро нашла, кому можно поручить вязание. Соседка тетя Таня, уже пожилая женщина, согласилась сделать все в срок, за это Лена раздобыла для нее коробку дорогих шоколадных конфет «Ассорти» московской фабрики «Ротфронт», тоже дефицит, между прочим. Отец у Лены был преподавателем на курсах повышения квалификации, у него этих коробок было много, исчезновение одной он даже не заметил.

– Вот это шапка у тебя вышла! – искренне восхитилась

Галя, когда они обе пришли в школу в обновках.

– У тебя тоже ничего, – снисходительно проговорила подруга. – Дай посмотреть.

Она бесцеремонно стянула с головы девчонки шапочку. Вязание было довольно аккуратным, даже ловким. Но что больше всего поразило Лену, так это то, что внутри шапки, там, где она соприкасается со лбом, Галя пришила белую ткань. Выглядело не очень.

– А это зачем?

– А чтобы не пачкалась сильно, мама посоветовала. Шапка-то белая, замучишься стирать. А тут ткань отпорол, простирнул и опять пришил. И шапка всегда чистая.

Лене такой подход показался чем-то колхозным, дурацким скопидомством. Она пожала плечами:

– На фирменных вещах никаких тряпок не нашивают.

Лене такой подход показался чем-то колхозным, дурацким скопидомством. Она пожала плечами:

– На фирменных вещах никаких тряпок не нашивают.

– А у меня и не фирменная, сама же вязала. У тебя лучше получилось, между прочим, а ведь поначалу не выходило. Ничего, я еще что-нибудь свяжу, потренируюсь, и буду как ты.

Лена промолчала, что шапку вязала не сама, но стало как-то не по себе. Поэтому она весело предложила:

– Пошли сегодня после уроков ко мне. Родаки будут на работе, послушаем кассеты.

И так было всегда. Лена чувствовала свое превосходство и вину одновременно, Галя ставила ее в тупик своей безоговорочной преданностью и раздражала простоватостью и прямолинейностью.

2.

Лето в год поступления в университет выдалось жарким настолько, что асфальт плавился под туфлями, цеплялся за девчачьи каблуки и норовил отнять обувь у ее обладательниц. Над городом стояло душное марево, очертания крыш, деревьев, дорог слегка дрожали в густом солнечном киселе. Готовиться к экзаменам не было никакой возможности, кондиционеры в начале 90-х в среднерусской глубинке еще не появились, поэтому спастись можно было только вентиляторами, которые на пределе своих чахлах сил гоняли густой воздух.

Лена сначала пыталась что-то там повторять, но потом плюнула и не особо расстроилась. Она так привыкла, что любые жизненные испытания даются ей играючи, что решила не испытывать судьбу и не начинать усердствовать: вдруг такое поведение будет расценено как нарушение всех договоров со счастливой звездой, она обидится и больше не станет помогать своей обладательнице.

В общем, родители считали, что Лена готовится на филфак, потому что видели, как она обложилась книжками.

На самом деле старшеклассница просто занималась своим любимым делом – читала. Причем, далеко не то, что по-

ложено по программе для поступления: у нее лежали стопки книг, до которых студенты универа доходят курсе на третьем. Тем не менее, такой подход не сулил ничего хорошего на экзаменах.

Поступать в соседний областной город Лена Шарафеева поехала одна. Ей выделили место в общежитии, где готовиться к экзаменам вообще не было никакой возможности: к жаре прибавились продавленная кровать с панцирной сеткой, очередь в душевую и туалет, пугающая общая кухня с вечно занятыми плитами. Так что есть приходилось на ходу, на скамейке в скверике – булку с молоком или просто мороженое. К таким условиям домашняя Лена не привыкла, поэтому сильно страдала.

На первой консультации перед экзаменом познакомилась с местным парнем. Обычно она не обращала внимания на смятение, которое производит на представителей противоположного пола, разве только Галя не сообщит ей об этом. Но не в этот раз. Паренек был очень общительным, без намека на заигрывания. Он словно постоянно находился на импровизированной сцене, которая требовала непрерывного общения с залом. Да и в целом он был похож на артиста – высокий, с ярко-голубыми глазами, темной, слегка вьющейся шевелюрой.

– Ты чего такая потерянная, методичку забыла? – он тут же протянул Лене свою. – На вот, не теряйся. Я Дима, кстати.

– Лена, – ответила Шарафеева и очень легко забрала мето-

дичку, выпущенную университетом для абитуриентов, словно так и надо, и даже спасибо не сказала.

– Ты не местная?

– Нет, из Светлогорска приехала. А ты чего на филфак поступаешь? – спросила она.

Такой вопрос Диме не задал только ленивый. Он беззлобно рассмеялся.

– Так чего ты тут среди девчонок забыл?

– Я в театральный поступать хотел, но мать не разрешила. Подумал, что на филфаке литературу изучают, буду в пьесах разбираться, можно на режиссерские курсы потом пойти. Короче, мать не хочу расстраивать пока. А ты чего тут забыла? А да, ты девчонка симпатичная, тут тебе самое место, только в общагу – ни ногой!

Лена удивилась, как он легко сказал «симпатичная». На его месте другие парни обычно вели себя совсем иначе: или тушевались, или, наоборот, начинали наглеть.

– А я уже в общаге. Не сахар, конечно.

Дима помолчал, постукивая ручкой по столу в аудитории, где они ждали начала консультации перед сочинением.

– На экзамене увидимся, что-нибудь решим, – по-взрослому сказал он. – В общаге ничего хорошего, знаю я тамошнюю публику.

Через день они столкнулись в большой аудитории. Дима приветственно помахал рукой над толпой, потом сложил ладони рупором и прокричал:

– Лена! Все нормально, я нашел для тебя кое-что. После сочинения увидимся.

Другая бы на ее месте озадачилась: почему и для чего ей помогает этот почти незнакомый парень? Но только не Лена, она привыкла к такому поведению окружающих, особенно противоположного пола.

Дима закончил сочинение раньше, поэтому ждал в коридоре, покуда Лена выйдет из аудитории.

– На какую тему писал? – было первое, что спросила Шарафеева, направившись к подоконнику, где у открытого окна сидел парень.

– «Вишневый сад» Чехова.

Лена прижимала ладонями горящие щеки.

– И я!

Дима слез с подоконника:

– И как? Нормально?

– Вроде бы ничего получилось. Люблю Чехова, так что нетрудно было.

– Я «Вишневый сад» почти наизусть знаю, мы его в драмкружке ставили, – сообщил Дима и смешно поклонился несуществующей публике.

– Как ты еще шутить можешь? Меня до сих пор трясет.

– Годы тренировок, – усмехнулся парнишка. – В общем, я тут со своей теткой поговорил. Она готова тебя к себе пустить на время экзаменов. У нее дом свой, живет одна, классная женщина. Так что сейчас зайдем к тебе в общагу, себе-

решь сумку – и к ней.

– У меня лишних денег нет, а у родителей просить не хочу, они настаивали на общежитии, типа я там жизнь настоящую узнаю.

– Она без денег согласна.

– Это точно удобно?

– Я же говорю, все нормально. Когда-нибудь и ты меня выручишь.

– А вдруг я не поступлю и уеду к себе?

– Поступишь, вот увидишь, у меня интуиция.

Дима не обманул: тетка у него была действительно замечательная женщина и дом красивый, голубой с резными белыми наличниками.

На пороге в комнату, которая предназначалась для Лены, сидела пегая кошка, она лениво потянулась и удалилась, разрешая войти в затемненное помещение. Первое, что увидела в нем Лена, был человеческий череп в темных очках, он лежал на столе, уставившись на гостей.

Лена кинула сумку на кровать.

– Спасибо тебе, Дима, от души. Тут так здорово!

В комнату зашла женщина лет за 60, в слегка застиранном голубом халате.

– Ребята, вы располагайтесь. Леночка, у меня без церемоний. Я на смене в день, в ночь, потом отсыпной и выходной. Единственная просьба: в отсыпной вести себя тихо, как мыши. Понятно, Дима? – тут она обернулась к племяннику.

– Тетя Настя, будет сделано, – отрапортовал племянник и отдал честь.

– К пустой голове не прикладывают, – засмеялась она.

– Эх, Лена, и достался же тебе скоморох. Я пошла на смену, приду ночью, – женщина не успела услышать вопросительный возглас новой постоялицы и вышла.

– Это что такое? – выдохнула девушка. – Ты чего, совсем? Ты сказал, что со мной живешь?

– Тебе же комната бесплатно нужна, а что я еще должен был сказать, чтобы тетя Настя денег не брала? Они с матерью на ножах, она всегда меня вырочала.

– То есть ты водишь сюда подружек, пока она на смене? – Лена схватилась за свою сумку и была готова двигаться к двери. Теперь она поняла, откуда у этой простой женщины череп в очках, ясно же, что это была комната Димы.

– Давай без драмы. Ночуй себе спокойно, я тут и не появлюсь. Вот ключ, – он протянул ей связку.

Обычно Лена всегда жила своим умом, но тут она почему-то подумала: «А как бы на моем месте поступила Галка?» Девчонка и не знала, что подруга тоже практически ежедневно сверяет все свои поступки с барометром под названием «Лена Шарафеева».

Будущая студентка молча взяла ключи и опустила сумку на кровать.

– Где тут душ и туалет?

– Вот это другое дело. Через огород пройдешь, за сморо-

диной и душ, и туалет.

– Уходи, – коротко ответила Лена.

«Железная выдержка», – подумал Дима, и, уже уходя, стоя около калитки, обернулся:

– Я на консультацию по русскому за тобой зайду, вместе поедем.

Лена благосклонно кивнула, словно находилась на светском рауте в дворянском собрании.

Потом зашла в комнату, блаженно растянулась на мягкой деревенской кровати.

«А Галя бы, наверное, вернулась в общежитие. Короче, она молодец», – подумала Лена и зевнула. Девчонка так намаялась в общеаге, что почти мгновенно заснула. Ее последней осознанной мыслью было решение: «Надо Галке позволить, пусть едет ко мне, вместе жить будет веселее. Мы с ней горы свернем».

Лена, конечно, поступила. Началась университетская жизнь, а школьная ушла даже не на второй, а на десятый план вместе с Галей и ее детской дружбой.

Не до этого было Лене. Она больше не могла жить на птичьих правах у тети Насти. Та была женщина хорошая, добродушная, все пыталась выведать у постоялицы, насколько у них серьезные отношения с племянником, но отношений никаких не было. Лена вообще запуталась во вранье, ведь и родителям приходилось рассказывать, что она живет в об-

щежитии. С этим нужно было срочно что-то делать.

– Короче, Дима, я буду снимать квартиру. – Лена сидела, с ногами забравшись в старое кресло. – Тетя Настя у тебя мировая женщина, но мы договаривались, что я живу у нее только на время экзаменов.

Дима в этот момент вываливал на деревенскую кровать гору книжек – принес Лене из библиотеки.

Она до сих пор так и не поняла, почему однокурсник с первого дня ее опекает, но при этом остается просто другом. Еще ни разу он не заводил романтических разговоров. Это смущало девчонку, она уже начинала думать, что растеряла весь свой шарм. Никогда раньше ей не приходилось специально флиртовать, мальчишки сами слетались к ней, как мухи на мед.

Лена внимательно смотрела, как парень молча раскладывает книги по стопкам.

– Где деньги возьмешь? Родители дадут? Ты их уговорила? – наконец спросил он и повернулся.

– Нет, – вздохнула Лена.

– Ну? – Он вопросительно смотрел на девчонку.

– Не знаю.

– А чего тогда хорохоришься?

И вдруг Лена почувствовала что-то новое в интонациях приятеля, какую-то обидную холодность.

– Дурак. – Она подтянула колени к подбородку и натянула на них свитер. Стояло начало октября, в комнате было про-

хладно.

Наконец парень сказал то, что она ждала от него:

– Я что-нибудь придумаю.

3.

Дима был старше своих однокурсников, он поступил в университет после армии. За плечами у парня действительно была театральная студия, только на филфаке он оказался вовсе не из любви к искусству.

Именно в студии парень познакомился с людьми, которые в начале 90-х делали бизнес на «русских моделях». Проще говоря, они были рекрутерами, выискивали в вузах, на молодежных тусовках, да и просто на улицах ярких молодых девушек. Дима прибился к их компании и стал неплохо зарабатывать, имея свой процент от свиданий.

В ту эпоху слово «эскорт» звучало весомо и престижно, понять, где проходит грань между моделью и путаной, было очень сложно. Красавицы были нарасхват, их хотели видеть в своей свите и представительные чиновники, и средней руки бизнесмены, и темные личности, промышлявшие рэкетом.

Первой девчонкой, которую Дима уговорил прийти на встречу с бизнесменом средней руки, готовым платить приличные деньги только за сопровождение, была его приятельница по театральной студии. Спустя пару месяцев Дима с удивлением узнал, что она вышла замуж за иностранца, партнера фирмы, и благополучно укатила в США. Это подо-

грело его славу удачливого сводника. Но Дима предпочитал не работать с теми девушками, которые сами ищут приключений на свою бедовую голову, часто они преувеличивали свою красоту и способности. Гораздо выгоднее было самому найти стоящую красавицу с хорошим воспитанием, но с червоточинкой внутри. Именно такие пользовались особой популярностью у состоятельных господ.

Находить желающих проводить время с приятными молодыми девушками Диме не составило труда. Благодаря способности общаться с кем угодно на какие угодно темы, а также подработкам в ночных клубах в качестве ведущего ему было легко войти в пул завсегдатаев и доверенных лиц местного истеблишмента.

Филфак университета был одной из подходящих площадок, где можно найти девчонок, способных не только хлопать красивыми глазами и грациозно выставлять напоказ длинные ноги, но и непринужденно вести беседы, а где надо – молчать. Изначально Дима нацеливался на романо-германский факультет, там можно было рекрутировать красавиц со знанием языков, но у него не хватило пороку поступить, поэтому пока парень вполне удовлетворился филфаком, что не отменяло планов на романо-германских красавиц. Ну а когда на первой же консультации он увидел Лену, то понял – он попал на золотую жилу русисток.

Она была совершенно потеряна, словно малыш, впервые попавший в садик. В ней была одновременно и дет-

ская доверчивость, и женская сила. По опыту Дима знал, что это убойное сочетание, за которое клиенты готовы платить очень приличные деньги. На тот момент он не искал девушку под определенный заказ, решил, что будет держать при себе Лену на особенный случай, а пока нужно не просто с ней подружиться, а стать для нее незаменимым. Что он и проделал с виртуозностью лицедея. Уж в чем в чем, а в актерском таланте отказать ему было нельзя.

Сейчас, когда Лене стало неудобно жить задарма у тети Насти, настало самое время пристроить девчонку к какому-нибудь богатому папику, жаждущему непорочности вперемешку с порочностью. Вот таким странным сочетанием, по мнению Димы, обладала Лена. Но для начала ее нужно было испытать на прочность, проколов сводник не любил.

На следующий день в универе он отвел Лену в сторону и сказал:

– Для тебя есть небольшая подработка, чтобы снять квартиру.

Лена радостно покачалась, изображая какой-то победный танец.

– Классно! Что нужно делать? Сколько платят?

– Пойдешь со мной работать в ночной клуб, нам в программе нужен человек, который будет за кулисами девочкам из шоу-кабаре помогать быстро переодеваться.

Лена захлопала в ладоши:

– Наконец-то! Вечно ты мне обещал, но ни разу с собой

не брал.

– Надень, пожалуйста, джинсы и футболку. Так работать будет легче, – слукавил Дима.

На самом деле он считал, что в простой одежде по-настоящему красивые и стройные девушки смотрятся просто отлично, по крайней мере, клиентам нравилось, вроде как – естественность.

– И никакой косметики, – строго добавил он. – В гриме должны быть только девчонки из шоу. Помни, ты просто помощник костюмера.

После таких строгих предупреждений Лене и в голову не могло прийти, что ей устраивают смотрины. Она полностью доверяла Диме.

– Так сколько мне заплатят?

– За деньги не волнуйся – 100 тысяч. Ты можешь платить тете Насте и оставаться жить у нее.

Лена сделала вид, что сумма ее совсем не удивила, но мама давала ей столько на месяц житья. Хватало на проезд и питание в столовой, там было дешево, а вот чтобы купить появившийся в ларьках «сникерс» или «марс», нужно было изловчиться, один шоколадный батончик стоил 900 рублей.

– Я поговорю с ней, не переживай. Зачем тебе съезжать? Скажем, за 70 тысяч в месяц, согласна?

– Она не возьмет, – с сомнением сказал Лена, хотя про себя уже распределила остаток в 30 тысяч рублей. На эти деньги девчонка решила купить себе модную тогда кофточку

из яркой «ангорки».

Весь остаток дня Лена летала как на крыльях. Хотелось позвонить родителям и рассказать, какая она молодец: совсем взрослая, самостоятельная, сама зарабатывает и решает свои проблемы. Но останавливало то, что на нее вывалится множество вопросов и придется сказать, что зарабатывать ее позвали в ночной клуб и в общаге она не появлялась уже два месяца. Папа бы ее просто прибил.

Это место называлось «Джамп», и публика там собиралась очень разная – от деловых людей до модной молодежи, встречались и «малиновые пиджаки», напоказ то и дело скользившие рукой к поясу, где болтался черный пейджер. Были дамы в блестящих платьях, молодые парни в темных очках, хотя в клубе и так был полумрак, девчонки в коротких джинсовых юбках и ярких лосинах. Гремела музыка, Лена не знала, как она называется.

«Наверное, техно», – думала она, оглядываясь по сторонам. Провинциальная девушка впервые оказалась в таком ослепительном месте. Свет прожекторов то и дело выхватывал из толпы танцующие фигуры, скользил по барной стойке, заставляя вспыхивать загадочным светом диковинные бутылки, задевал край небольшой вспомогательной сцены, где стоял диджей в наушниках перед пультом. Ей всё казалось удивительным, сказочным и нереальным, будто она попала в американскую книжку, где залихватский частный детектив вычисляет преступника среди завсегдаев Лас-Вегаса. Лена

невольно взяла под руку Диму, чтобы их не разделила толпа.

– Не бойся, – прокричал он прямо ей в ухо, – нам туда.

Они пробирались к круглой серебристой сцене с металлическим шестом, на которой пока никого не было. Это была основная площадка клуба. Оказалось, что за ней есть такие же серебристые шторы. Стоило им за них зайти, как шум клуба стал другим, как будто доносился из бочки, изменился и свет. За кулисами не было ничего блестящего, Лена с удивлением и легким разочарованием узнала до боли знакомые советские стены, до половины высоты обитые деревянными рейками. Во Дворце культуры ее родного города были точно такие же.

Дима потянул подругу в какую-то дерматиновую дверь.

– Нам сюда.

За ней оказалась комната с большим зеркалом, возле которого стайкой толпились девушки в нарядах, состоявших только из белых перьев и хрустальных бусин. По крайней мере, Лене так показалось.

Дима с удовлетворением отметил эффект, которого и добивался: полуголые танцовщицы с тонной грима на лице смотрелись громоздко и нелепо, а скромная и вызывающе красивая даже без косметики Лена – сексуально. Простая белая футболка, кеды и темно-синие вельветовые брючки делали ее совсем ребенком по сравнению с артистками кабаре.

– Что мне делать? – спросила она.

– Пока ничего. Посиди, я потом подойду и скажу, что и

как, – ответил Дима, указал ей на облезлое кресло и вышел.

Лена послушно села. Девчонки из кабаре вроде как не обращали на нее внимания, смеялись о чем-то своем, поправляли друг другу белые павлиньи хвосты.

Одним из качеств Лены, за которое ее школьная подружка Галя отдала бы многое, было то, что Шарафеева, где бы ни находилась, чувствовала себя, как дома. Вот и сейчас, ничуть не смущаясь, она расслабленно сидела в кресле и спокойно ждала Диму.

– Ты чего не переодеваешься?

– Меня прислали помогать за кулисами.

– А. – Девчонка посмотрела на сидящую Лену с высоты своих огромных каблуков. – Ну как знаешь. – Она пожала плечами и отвернулась, блеснув капельками стекляруса на лифе.

Лена знала этот оценивающий женский взгляд, который ловила на себе практически с самого детства, так что у нее был иммунитет. В этой странной ситуации она продолжала вести себя с удивительным спокойствием и достоинством. Казалось, что главная здесь именно она.

Дима заглянул через 10 минут, вместе с ним в кабинет бывшего Дворца культуры ворвались звуки танцпола.

– Ой, Димочка! Мы тебя тут заждались, котик. Куда пропал? – проворковала одна из девушек.

– Девчонки, у вас выход через пять минут, поторопимся. Как говорил демон Коровьев из «Мастера и Маргариты» –

эйн, цвейн, дрейн, – весело прокричал Дима модную цитату из модной книжки.

– Маэстро, урежьте марш, – закончила Лена и улыбнулась.

Стайка танцовщиц обернулась, одна из них фыркнула, что означало: «Слишком умная».

В этот момент в проеме двери нарисовался гость клуба. Мужчина лет тридцати, довольно модный по тем временам: светлые брюки, темная водолазка, кожаная куртка, на запястье блеснули часы «Ориент».

– Вам сюда нельзя! – весело крикнула девчонка, из одежды на ней были маленькие белые трусики и блестящая бахрома вместо лифчика.

– Я на минуточку, – в тон ей беззаботно ответил незнакомец. Холодный взгляд совсем не вязался с улыбкой, которой он одарил шоу-балет, прошелестевший мимо перьями-бусами и задевший незнакомца всеми своими соблазнительными округлостями.

Лена с интересом наблюдала за этой сценкой, сидя совершенно невозмутимо в своей излюбленной позе – подтянув колени к подбородку, кеды валялись на полу, она забралась в кресло с ногами.

«Какой модный. Наверное, уйдет сегодня из клуба с одной из этих девчонок», – мелькнуло в голове.

– Добрый вечер, я Стас, – представился обладатель «Ориента» и зашел в комнату.

– Сигарету? – Он достал из кармана куртки пачку «Маль-

боро».

Лена не курила, но кивнула. Дима, было, нахмурился, но потом сел на край письменного стола со стеклом на столешнице, под которым до сих пор лежали какие-то бумажки и старая открытка со Спасской башней и надписью «С Новым 1988 годом!».

– Я тоже Булгакова люблю, – обратился незнакомец к Лене, одновременно давая ей прикурить.

– Здорово, – совершенно без кокетства ответила девушка и закашлялась.

– Здорово, что вы не курите, – улыбнулся Стас.

– Я хочу научиться, – опять обезоруживающе искренне сказала Лена. – Все нормальные студентки из универа должны курить. – Она засмеялась. – Если честно, просто сильно спать хочется, я никогда так долго не засиживаюсь вечерами.

– Вам совершенно не обязательно зарабатывать себе круги под глазами.

– Я вот пытаюсь зарабатывать деньги, правда, пока ничего не сделала, просто сижу.

– Не к лицу таким красавицам пропадать за кулисами, – не унимался гость.

Лена опустила ноги с кресла, нашарила кеды, прошлепала к пепельнице, которая стояла на столе и сказала:

– Уж не вы ли, Стас, будете мне помогать деньгами?

Дима внимательно следил за этой пикировкой. По опыту он знал, что девчонки, особенно красивые девчонки, все-

гда поначалу набивают себе цену. Ну а потом довольно часто сдаются, когда выясняют, сколько им готовы платить.

– Я с радостью, во сколько вы себя оцените? – продолжался разговор в комнате.

Лена затянулась, теперь она не закашлялась, но все равно выглядела чуть комично и одновременно мило с сигаретой.

Шарафеева никогда не была дуручкой. Она поняла, почему она сидит в этом старом кресле среди ночи и зачем ее сюда притащил однокружник.

Такого в ее жизни еще не было. Так откровенно еще никто не покупал ее внимание. Или не только внимание? Стало страшно, особенно потому, что осознала: Дима тут ей вовсе не защитник. Но, с другой стороны, какой-то демон азарта заставлял ее продолжать беседу, тем более, она видела, что гость не пьян, а значит, адекватен.

– Стас, а вы кем работаете? – перевела она разговор.

– Я работаю на себя. Могу предложить работу и вам, у меня солидная фирма. – За этой загадочной формулировкой в начале 90-х могло стоять все, что угодно.

Наконец в разговор вмешался Дима:

– Стасик, нам пора. Народ за столом заждался.

Потом он обернулся к Лене:

– Я через 10 минут подойду.

Оставшись одна, умненькая не по годам первокурсница быстро прокрутила в голове, что дано в этой задачке:

«Симпатичный, небедный, не приставал, называл на

«вы», был галантен, вроде не старый».

Она покосилась на дверь.

«Мне нужны деньги, защита, нормальное жилье. Короче, такой вариант мне подходит. А Димка жук, конечно, даже не дал ему телефон мне оставить, утащил. Надо отсюда выбираться, денег тут не заработаешь, если только голым задом на сцене крутить не будешь». – Лена решительно встала, обулась, туго зашнуровав кеды, словно собиралась в дальний поход, и пошла к двери, которая внезапно распахнулась, и в комнату ввалились танцовщицы. Запахло потом и ногами.

– Уже уходишь? – спросила одна из девчонок и с размаху плюхнулась в кресло, где только что сидела Лена.

– Ухожу, – коротко ответила Шарафеева.

– Ты своего додика паси, а то его другая какая баба уведет, сегодня в клубе народу тьма.

– Ты Димку что ли имеешь ввиду? – усмехнулась Лена.

– Нет, другого. Сигарета есть?

– Не курю, – уже в дверях прокричала Лена. В комнату ворвалось грохочущее техно.

«Значит, мой, говоришь», – девчонка была настроена решительно.

Она проскользнула в темный зал. Найти в толпе Стаса, работающего на себя, носящего часы «Ориент», черную куртку и модный полубокс, было практически невозможно, казалось, что каждый первый в этом густом воздухе – точно такой же Стас.

Преодолевая людские волны танцующего пространства, Лена пробиралась к выходу. Кто-то крепко обнял ее за талию:

– Стой, ты куда?

Это был Стас.

– Домой.

– Где твой дом? – Он придвинулся максимально близко. –

Я подвезу.

– Живу в общежитии универа, – не отстраняясь, соврала Лена.

– Я тоже уйду отсюда, нечего здесь делать. – Стас все понял.

На улице стоял «Фольксваген Пассат» – по тем временам машина предпринимателей, а не рэкетиров. Накрапывал мелкий противный осенний дождь. Лена была без куртки, которая осталась в гардеробе, Стас снял свою кожанку и накинул ей на плечи.

– Давай в машину, а то замерзнешь, – скомандовал он.

Когда они оказались внутри тесного пространства, Лена решила:

– Стас, я все поняла. Поэтому будем деловыми людьми, договоримся на берегу. За что и сколько ты будешь мне платить? При делах ли Дима, он будет меня доставать с деньгами?

– Я буду тебе платить за сопровождение на нужных встречах, там будешь должна в нужные моменты поддержать беседу, улыбаться, выглядеть сногшибательно, ты – мое лицо.

– Секс? – прямо спросила Лена.

– Только со мной, – точно так же прямо ответил Стас.

– Сколько и как часто?

Стас тихо изумлялся, он не ожидал, что все будет так прагматично. Обычно это он был лихим бизнесменом, куда барышня пребывала в стране розовых пони. Сейчас было все наоборот.

– Сто тысяч за одну встречу, – взял он себя в руки.

– Двести, если будет секс, и пусть Дима ко мне больше не приближается.

– Хорошо, а теперь я хочу, чтобы ты прекратила торг и стала опять веселой, наивной и умненькой студенткой. Можешь?

– Конечно, Стасик, какие вопросы. Хочу мороженого и в постельку, – слегка кокетливо ответила она и преданно посмотрела ему в глаза.

Галина

1.

Свадьбу проводили в школьной столовой. Родители закупили водку ящиками, Галя занялась красотой и прикрыла унылые зеленые стены шариками, нарисовала плакат «Совет да любовь».

Родня накидалась очень быстро, что не смогла остановить тамада в дешевом платье, сверкающем люрексным колючим кружевом. В хаосе салатов, выходов покурить всей толпой, жарких танцев необъятных тетушек беременная Галя мучилась от смеси запахов окорочков, недавно заполонивших все стихийные рынки, дешевой копченой колбасы и апельсинов.

– Сейчас меня стошнит, – прошептала она своему Костику, похожему на старшеклассника на выпускном.

– Потерпи еще полчаса, и уйдем.

– Больше не могу, – простонала Галя.

– Ладно, сейчас покурю и уходим, – сжалился муж.

Галя вздохнула и отвернулась. Ее свидетельница Лена куда-то делась. Целый день Галя ловила ее взгляд. Так, по привычке. И хотя ей сегодня было не до подруги, все равно где-то в глубине души она очень хотела, чтобы Лена оценила самый главный день в ее жизни. Локатор души Гали, с давних пор настроенный на подругу, уловил изменения. Вроде Лена была как всегда – неотразима, уверенна и спокойна, но по-

явился в ее взгляде какой-то легкий цинизм, едва уловимая надменность, в общем, тайна.

«Это она в университете научилась. Конечно, кто мы теперь для нее», – рассудила Галя и на мгновение увидела всё глазами Лены: убогие стены столовой, слишком громкие гости, хабалистая тамада, несолидный жених. Легкий стыд смешался с тошнотой, и Гале стало совсем невмоготу.

«Странная она какая-то. Что-то не так. И все только про меня расспрашивала, а про себя почти ничего не сказала. Надо завтра с ней по душам поболтать. Что-то там у нее произошло», – угадала Галя.

В дверях появился Костя, он что-то сказал своей матери, кивнул, улыбнулся, потом подошел к родителям Гали. Отец пожал ему руку, похлопал по плечу. Перекинулся парой слов со свидетелем, они обернулись, словно искали кого-то в толпе танцующих и за столами.

«Зато у меня муж – просто золото. С ним я точно не пропаду, хоть и не в столице», – как будто что-то доказывая вроде как Лене, а на самом деле себе, думала Галя.

– Все, пошли. – Костя стоял уже рядом с ее стулом. Я попросил Витька, он нас ко мне домой отвезет. Мать у тетки переночует.

– Давай торта с собой возьмем, – предложила Галя. Пока ее тошнило, она не могла попробовать это кремовое чудо, которое мать доставала через пятые руки с кондитерской фабрики, ну а завтра, может, повезет, тошнота уляжется, и

удастся его попробовать.

– А где твоя свидетельница? – спросил Костя.

– Откуда я знаю. – Галю неприятно что-то кольнуло.

– Просто она куда-то смылась, это неправильно, она должна была нас проводить со свадьбы, а то не по-людски получается. Вон, Витек, мой свидетель, не видел ее уже как час.

Галя только пожала плечами. Ей было лень объяснять Косте, что Лена особенная, она выше всех их рабоче-крестьянских традиций, да и вообще. Что «вообще», Галя даже себе объяснить не могла.

– Где подарки? Конверты у тебя? – не унимался Костя.

– Под твоим стулом коробка с конвертами.

Костя любовно вытащил ее, поставил на колени и погладил крышку.

– Остальные подарки твои родители заберут, – по-хозяйски сказал он, – я с твоим отцом договорился. Твой батя нормальный мужик. А когда я его папой назвал, так совсем растаял.

Галя чмокнула своего Костю в висок в знак благодарности и подумала в очередной раз, ведя мысленный диалог с подругой: «Кажется, Лена, тут счет в мою пользу».

Когда они наконец-то добрались до квартиры, Галя рухнула на разложенный и застеленный диван прямо в платье и с прической.

– Давай деньги считать, – весело предложил новоиспеченный муж.

– Расстегни меня, – попросила невеста и повернулась к нему спиной, крутнувшись и зашуршав платьем, с которого отвалилась половина роз.

Костя добросовестно повозился с замком, а потом с нетерпением накинулся на коробку, забыв, что этот вечер называется «брачная ночь».

«Слава богу, не стал приставать», – подумала измученная свадьбой беременная Галя.

– Что-то конвертов мало, – проворчал он.

– Зато всяких коробок до хрена: стопки, вазы. Чушь какая-то, – проворчала Галя, выбираясь из своего белого кокона.

– Ого! Тут кто-то нам доллары подарил. Смотри, смотри! – Костя возбужденно распотрошил конверт, из которого на кровать посыпались зеленые деньги. Это было десятидолларовые купюры, всего 50 штук.

– 500 долларов! Вот это да! Это ж сколько денег? – не унимался жених.

Галя уже сидела в трусах и футболке, она успела переодеться, но на голове у нее все еще оставалось лаковое великолепие постсоветской парикмахерской.

– Пятьсот тысяч примерно, – ответила Галя, у которой с цифрами всегда было все в порядке. – А там больше ничего в конверте нет? Записка? От кого такое богатство?

Костя разорвал белый без марок конверт. Из него выпала какая-то цветная бумажка, фантик от жвачки «love is...».

– Это Лена, – твердо сказала Галя. – Больше никому.

– Ого! Откуда у нее столько?

– Ой, у нее всегда не все так просто, – сквозь зевок про-
стонала Галя. Она так хотела спать, что была не в состоянии
не только задумываться над подарком подруги, но даже вы-
тащить шпильки из прически. Откуда у Лены деньги, она ре-
шила спросить завтра. Галя нисколько не сомневалась, что
это подарок подруги. Друзья Кости, хоть и крутились в ка-
ких-то непонятных делах, на такие суммы были не способ-
ны, пока они были мелкой шпаной.

На следующее утро у нее было две мысли: во-первых, Галя
прислушалась и поняла, что ее не тошнит, чувствует она се-
бя отлично и можно навернуть тортика. Во-вторых, 500 дол-
ларов.

«Ну Ленка дает, – потянулась она, подмяв под себя по-
душку. Знакомое чувство зависти защекотало где-то под ло-
жечкой. – Ну почему у нее опять всё получается? Даже на
моей свадьбе умудрилась сделать так, что я думаю не о себе,
а о ней».

Рядом спал Костя. Впервые Гале представилась возмож-
ность внимательно рассмотреть его в таком беззащитном, не
прикрытом никакими условностями, состоянии. Он лежал
навзничь на разложенном диване, спал очень тихо, мерно
поднималась юношеская, практически безволосая, грудная
клетка. В профиль Костя был похож на какого-то американ-
ского актера, раньше этого Галя не замечала, ей казалось, что

ее муж – обычный советский парень, каких полно в каждом дворе.

«Интересно, что подумала о нем Лена? У нее-то глаз-алмаз, жалко, на свадьбе вообще ни о чем не поговорили. Так, а я ей сказала про второй день? Уф, кажется, сказала».

На второй день гости собирались у родителей Гали, они накрывали столы. Мама разрешила дочери не суетиться на кухне, она позвала на помощь двух соседок. Так что можно было приехать сразу к обеду.

Она тихонько, чтобы не разбудить Костю, соскользнула с дивана и прикрыла за собой дверь в «зал», как называли большую комнату она, ее родители, Костя и его мама, в общем, все, кроме Лены. А та всегда приносила «гостиную». Галя как ни пыталась перенять этот «буржуйский», по словам отца, язык, у нее не получалось. А так хотелось быть утонченной.

Смывая в ванной ненавистный лак с головы, она вспомнила про деньги. Они и не рассчитывали с Костей, что выручка за свадьбу будет такой солидной. Эти пятьсот долларов меняли всю картину. Изначально было решено, что они пока будут жить с матерью Кости. Подаренные деньги потратят на будущее хозяйство: купят холодильник, телевизор и стиральную машину «Фея» – это в лучшем случае. Пока все оставят в упаковках, до лучших времен.

– А чего их хабалить, вот будет у вас свое жилье, тогда и заберете. А пока пусть стоит у меня в гараже, – предложил

отец Галя, и Костя с ним согласился. У него, кстати, были свои планы на будущую жизнь, парень чувствовал перспективы и был уверен, что с матерью они проживут недолго.

– Нормальные пацаны в нынешнее время поднимают нормально бабла, квартиры покупают. И мы с тобой купим, – сказал он перед свадьбой невесте.

«Вот теперь у нас есть много денег. Вот бы поехать на них в Крым», – мечтала Галя, стоя под струями воды.

Когда она вышла, Костя уже не спал.

– Иди сюда, красавица, – похлопал он место рядом с собой на диване.

– В душ сходи, – беззлобно засмеялась она, – смой с себя свадьбу.

– Жди! – выкрикнул Костя и метнулся в ванную. Было видно, что он слегка стесняется своих зеленых в мелкую полоску «семейников», которые сшила ему мать.

Когда «брачное» утро завершилось, и они расслаблено валялись на диване, закинув ноги на стену с ковром, Галя сказала:

– А поехали на море, денег у нас хватит. Каникулы же. Потом с ребенком когда еще выберемся.

– Я тут другой план придумал, – мечтательно ответил Костя.

Галя напряглась. Муж ей достался вроде бы хозяйственный, но пока с той самой долей пацанской бесшабашности, которая у некоторых выветривается годам к 27, а кое-кто жи-

вет с ней до гробовой доски, изводя близких и себя опрометчивыми поступками. Жены считают их неудачниками, ну а они уверены, что просто пока не настало их время.

– Какой план?

– По телеку рекламу видела «Хопер-инвест»? Вкладываешь деньги, а через полгода у тебя уже в разы больше.

– Ты серьезно? – недоверчиво протянула Галя.

– Галчонок, все в норме! Положись на меня, мы с тобой заживем! Квартиру себе купим, вот увидишь.

Молодая жена молчала. Ей хотелось на море, и это было реально, а не какие-то непонятные схемы с деньгами.

– Сама посуди, – продолжал разглагольствовать Костя. – Эти деньги – просто подарок, никто же не знал, что у тебя подруга такая богатая. По телеку этот «Хопер-инвест» вон звезды рекламируют, кабаре-дуэт «Академия». Так что там все серьезно.

– Подруга моя, значит, я решаю, куда деньги эти девать. Хочу на море, – уперлась Галя.

– Ах вот как? Ну давай будем делить тогда, что тебе, а что мне причитается из подарков! Не ожидал от тебя такого! – Костя вскочил и заметался по комнате. – Вот ты какая, оказывается! Не знал, что на такой стерве женился. Короче, сама пойдешь сегодня к своим родителям.

Галя опешила.

– Ты чего? Свадьба же, без тебя нельзя.

– А ты попробуй!

– Что люди подумают?

– А то и подумают, что жена ты хреновая, не можешь нормально общаться. На море она захотела. Мало ли что ты захотела! Я тут о семье пекусь, а ты только о себе. Я тебе реальный вариант заработать предлагаю, а ты все деньги спустить собралась.

Он уже натягивал на себя штаны, на ходу застегивал рубашку, собираясь выбежать в коридор.

– Не уходи! – завывала Галя. – Это же твоя квартира, что я здесь одна делать буду? Я даже выйти отсюда не смогу, у меня ключей нет! – Она начала хватать его, виснуть на плечах, пытаясь задержать.

– Оставь меня в покое! Дура!

Костя неловко вырвался и заехал Гале локтем в нос. Потекла кровь. Девчонка разревелась, размазывая по лицу всё это великолепие.

– Не уходи! – сквозь всхлипы кричала она. – Ладно, не поедем на море! Делай, как сам решил.

Костя, увидев кровь, струсил и от страха стал еще больше орать.

– Что ты лезешь ко мне?! Что ты руки свои распускаешь, вот теперь получила, сама виновата!

Но краем сознания все-таки зацепил, что Галя подчинилась ему и перестала настаивать на море.

– Костик, ну не кричи на меня, чего ты взъелся, – причитала она уже из ванной. Пытаясь остановить кровь, Галя

смешно задрала нос к потолку и скосила один глаз в сторону мужа.

– Ладно, – наконец сжалился он и подошел, – не реви. Давай я тебе из морозилки кусок мяса принесу, на нос положишь.

Галя мелко и благодарно закивала головой, стоя все в той же неудобной позе.

Буря улеглась, когда часы показывали «12». Через час нужно было быть на празднике, а Гале еще предстояло привести себя в порядок и замазать следы ссоры косметикой.

– Чего скажем всем про мой распухший нос? – спрашивала она Костю, стоя у зеркала и пытаясь навести красоту.

– А чего говорить? Ничего же не было, я тебя не трогал, ты случайно получила, пусть думают, что хотят, – беззаботно ответил Костя, а у самого тряслись поджилки. Мать воспитала его в отношении женщин очень строго.

– Ты это, извини, я не хотел, – уже на выходе сказал Костя.

Галя надула губы, а потом по привычке подумала, что бы на ее месте сделала Лена.

– Я за нос и за деньги не обижаюсь, а вот то, что ты меня на свадьбу одну отправить хотел... – Галя слегка запнулась. – Короче, ты был не прав.

И последнее слово осталось за ней, Костя виновато промолчал.

Откуда у Лены такие деньги, Галя точно выяснить так и не смогла.

– Не бери в голову, – весело ответила ей Лена на празднике. – У меня подработка классная появилась, помогаю иностранным делегациям, а они наличкой платят. Так что вот. Для них все это копейки, поверь.

– У тебя же в школе четверка была по английскому, и то натянутая.

– Ой, там много знать не надо. Главное по-русски правильно говорить, где надо, устроить в гостиницу, где надо, с рестораном договориться, а иногда и с милицией побеседовать. Думаешь, они тут паиньками ходят? Пьют так, что любой дровосек позавидует.

– А-а-а, – протянула Галя. Она легко поверила в эту историю, потому что авторитет Лены и ее способности она никогда не подвергала сомнению.

Она вызвалась проводить подругу и посадить на автобус. Все студенты так ездили в областной центр.

Лена расцеловалась с родителями на пороге квартиры, которые нагрузили ей полную сумку еды, со словами «угостишь девочек в общежитии».

– Да, обязательно, мам, – согласилась Лена.

Подруги поехали на автовокзал, но в кассы студентка не пошла.

– Не волнуйся, Галка, я на машине.

– Такси? – теперь это казалось само собой разумеющимся.

– Да, – улыбнулась Лена и пошла к черной иномарке, которая совсем не была похожа на такси.

– Ты звони, – кинула вдогонку Галя.

– Обязательно, – пообещала Лена так, что было понятно, что вовсе это не обязательно.

«Везет же!» – Галя смотрела, как элегантная машина трогалась с места. За тонированными стеклами почти ничего не было видно, но на мгновение показалось, что за рулем сидит солидный мужчина в темных очках, костюме и белой рубашке.

«Ого, водитель. Вот тебе и иностранцы».

Образ Лены, и так излишне романтизированный в голове ее провинциальной подруги, мгновенно покрылся еще одним бархатным слоем, пахнущим дорогой кожей, духами и чем-то запретным.

«Почему ей так всегда везет? – размышляла Галя, подходя к остановке. Там стояла толпа потных сограждан, дружно кидавшаяся на каждый автобус, опасливо раскрывавший двери перед жаждущей толпой.

Беременную слегка замутило от запаха выхлопных газов и человеческого душка. Очередной автобус застонал, когда в него начали напихиваться горожане.

«А она с водителем на черной иномарке. Что надо сделать в жизни, чтобы вытянуть такой счастливый билет? Наверное, надо родиться Леной Шарафеевой». – Галя отошла от остановки и села в тени деревьев на скамейку. Лучше переждать час пик.

Девчонка наблюдала, как город глотает народ на остано-

ке, перемалывает людей, а они с потными, но счастливыми лицами, потому что сумели все-таки влезть в автобус и победить менее удачливых страждущих, едут по своим ничтожным делам.

«И я стану, как эти придурки. И Костя тоже, и ребенок у нас будет точно такой же, и его дети тоже». – Галя впала в черную меланхолию.

«Может и прав Костик, надо деньги куда-то вложить, все умные так делают, а дураки стиральные машины покупают. Ленка бы, небось, вложила. Эх, я не сообразила, надо было у нее спросить про этот «Хопер-инвест», чего у них там знающие люди говорят».

2.

Кончилось лето, у Гали потянулись дни, наполненные походами в районную поликлинику на прием к акушерке, утренними банками с анализами и новой ролью жены и будущей матери. С Костей они ссорились часто, со слезами, воплями и бурными примирениями. Масла в огонь подливала свекровь, которая старалась, «как лучше». Учебу Галя пока забросила, ушла в академ.

В ноябре 1993 года на свет появился Матвей, вернее Матвей Константинович Сергеенко – спокойный малыш, важно раздувавший ноздри, когда жадно сосал молоко. С его появлением отношения между молодыми супругами, и так потерявшие равновесие, совсем распались.

Костя где-то пропал, дома появлялся, когда вымотанная

ребенком и свекровью Галя еле сдерживала зевки, но стойко дожидалась мужа, чтобы высказать ему всё, что она о нем думает. Он в долгу не оставался, поэтому начинался диалог, который по большей части состоял из крепких слов, самыми безобидными из которых были «тупая курица» и «козел неблагодарный». Справедливости ради нужно сказать, что денег молодые у родителей не просили, Костя все же зарабатывал, но как они ему доставались, было покрыто тайной, по крайней мере, для Гали и его матери. Подарок Лены был вложен в «Хопер-инвест» и пока никакой прибыли не приносил.

Однажды Костя вернулся домой совсем поздно. Галя успела заснуть и опять проснуться, чтобы покормить Матвея. Она сидела на тахте и в полудреме качала сосущего грудь младенца, когда услышала, как в замочной скважине повернулся ключ. В дверях полутемной комнаты появился Костя с совершенно белым лицом. Он содрал с себя кожаную куртку и кинул ее на пол. Галя уже хотела зашипеть, чтобы он раздевался в коридоре, но осеклась. На джемпере мужа, прямо под грудной клеткой растекалось бурое пятно, в комнате запахло кровью. Парень доковылял до жены и ничком повалился на кровать. Младенец недовольно выпустил сосок и закричал.

Галя положила уже плачущего сына в кроватку и кинулась к мужу. Он тихо прошептал:

– Только мать не буди.

Галя обхватила его голову руками, заглянула в мутнеющие глаза и прошептала:

– Что случилось?

– Надо скорую вызвать.

– Сейчас к соседке сбегая. Ты держись.

– Не надо к соседке, беги на угол, к телефонной будке. Не буди никого.

Галя кивнула, натянула штаны прямо поверх ночнушки. Сын начал кричать громче, она подскочила к кровати и сунула Матвею в рот пустышку. С тахты тихо простонал Костя.

Она все-таки спустилась к соседке, потому что поняла: нельзя терять время, Костя может истечь кровью. Сказала, что скорую надо вызвать малышу, что у него высокая температура.

Неделю врачи боролись за жизнь молодого парня, но спасти его не удалось.

На похороны, как показалось заплаканной Гале, явилась половина города. В небольшую квартиру на втором этаже хрущевки шли и шли молодые люди, так похожие на самого Костю, – в кожаных куртках, с суровыми лицами, они снимали с головы норковые шапки-формовки и аккуратно держали их на отлёте. Парни подходили к гробу, молча смотрели на бледное лицо покойного и быстро выходили прочь. Среди венков, собранных у подъезда в скорбную изумрудно-черную стаю, Гале попался на глаза один. «Вечная память. От Раевских пацанов».

«Ну надо же», – подумала Галя. Банда Раевских была печально известна в их небольшом промышленном городке, они устраивали разборки со стрельбой, поговаривали, что браткам удалось взять в свои руки одно из основных предприятий города, где работали родители Гали и другая половина города. Молодая вдова ничего не знала о связи мужа с этими лихими ребятами, хотя и подозревала, что его постоянное отсутствие в доме связано не с работой на заводе.

Один из его приятелей подошел к ней на поминках и, шурясь, протянул небольшую сумку:

– Это тебе и сыну от нас. Доля Костяна.

Галя инстинктивно прижала к себе Матвея, который спал у нее на руках.

– Бери, не бойся, – парень положил сумку к ногам молодой женщины и отошел, слившись с шуршащей толпой.

Она носком подтолкнула подарок под стул, чтобы он не мозолил глаза посторонним.

Галя не знала, что чувствует на самом деле. Ей было жалко свекровь, которая почернела и состарилась сразу лет на пятнадцать после того, как похоронила сына. Но сама не испытывала такого горя. Девчонка боялась признаться себе, но, скорее, чувствовала облегчение, чем печаль. Да, она была влюблена в Костю какое-то время, но чаще ощущала рядом с ним тревогу и напряжение, чем счастье и радость. Он не был подарком, а тут еще связи с местным криминальным миром. Кто его убил, так и не выяснили, все попытки узнать это в

милиции наталкивались на какую-то странную, словно резиновую, стену, от которой отскакивали любые попытки восстановить справедливость. В итоге дело превратилось в «висяк» и застряло на дальней полке местного райотдела.

Спустя 40 дней после похорон Галя перебралась вместе с сыном обратно в дом к родителям. Барсетку, полную денег, она забрала с собой, никому ничего не сказав. Свекровь не удерживала Галю, ей было больно смотреть на нее. Однажды, в сердцах, она даже крикнула невестке, злобно глядя на внука:

– Как же я вас всех ненавижу! Вы все живы, а он умер! А ты и двух лет не пройдет, замуж выйдешь, у тебя будет нормальная жизнь, а у него ничего больше никогда не будет!

Галя оторопела. У нее никогда не было близких отношений с матерью Кости, а теперь их и подавно не намечалось.

В общем, она осталась с младенцем на руках. Было тяжело, работать она пока не могла, потому что Матвей был слишком мал, так что быт тянули на себе ее родители. Ну а деньги из барсетки она пока решила не трогать, это было наследство сына на черный день. Только уже спустя год, в 1994 году, они превратились в сущие копейки, за год деньги в стране обесценились в три раза. И теперь буханка хлеба стоила 1700 рублей. На них мало что можно было купить, поэтому Галя просто потратила деньги, ради которых так рано и глупо погиб ее молодой муж, себе на сапоги, больше ни на что их не хватало, а ее старые ботинки уже давно просили

каши.

Лежа на тахте в темноте своей старой детской комнаты, где сейчас стояла кровать сына, Галя мечтала о будущем.

Во-первых, ей хотелось иметь много денег и черную иномарку с водителем, точно такую же, как у Лены.

Во-вторых, из этой машины она должна была выходить непременно в белом плаще и изящных лаковых черных туфлях на высоченных шпильках, чтобы ей подавал руку все тот же водитель. Галя была уверена, что Лена делает именно так.

В-третьих, Галя мечтала о вкусной еде. В их промышленном городке в это время зарплату начали выдавать натурой. Отцу на заводе, например, дали мешок муки – это было очень здорово, потому что некоторым давали мешок макарон, и тогда приходилось их размачивать и делать из них тесто, из которого потом пекли что-то типа лепешек.

Так что в мечтах у Гали фигурировали сыры, сосиски в банке – эту диковинку она видела в кооперативном магазине, ей ужасно хотелось попробовать и ветчину в жестяной иностранной коробочке. Ну и ликер «Амаретто» с шоколадкой.

«Ленка, наверное, каждый день такое ест», – вздыхала Галя, с отвращением вспоминая, как мама приготовила на днях свекольный квас. Она положила в трехлитровую банку натертую на терке свеклу, добавила сахар, ржаной хлеб и залила это дело водой. Получилась отвратительного вида жидкость, больше похожая на какие-то красные помои. По уверениям матери, через неделю из этого ужаса должен был по-

лучиться вкусный и полезный напиток.

Галя сказала, что выпьет его только под дулом пистолета и что все нормальные люди покупают «Юпи» или «Зуко», разводят их водой и получается отличный напиток.

– Ну если ты такая деловая, то пойди заработай и купи «Юпи». Нечего мне советы раздавать, я свои деньги сама получила, сама и потрачу, на что посчитаю нужным, а не на твою ерунду, – отрезала мать.

Галя в этот момент поняла, что очень хотела бы поехать к подруге в большой город, как-то там закрепиться, начать зарабатывать. Но как это сделать, когда у тебя младенец, недавно научившийся ходить? На родителей его не оставишь, они вкальвают как проклятые. Выхода из ситуации Галя не видела, поэтому настоящих планов, а не бесплотных мечтаний, у нее пока не было.

Но однажды она все-таки решилась позвонить подруге на телефон, который та оставила ей перед отъездом и попросила не передавать его родителям, они не должны знать, что Лена живет не в общежитии. Галя не стала спрашивать, почему подруга скрывает от них свое благополучие, ведь они бы гордились тем, что дочь и учится, и работает с иностранными специалистами, имеет возможность снимать квартиру, а не ютиться в общежитии.

«Я бы даже назло рассказала, – подумала Галя. – Чтобы мать меня своими помоями не попрекала. Надо же, свекольный квас! И откуда она только взяла его? Встану на ноги, у

меня такого нищенства в доме не будет».

На переговорном пункте на почте Гале пришлось вытащить Матвея из коляски и забиться вместе с ним в маленькую будочку, где висел телефон. Гудки шли долго.

«На учебе она, что ли?» – Матвей неудобно возился, приходилось держать его одной рукой, а другой прижимать трубку к уху.

Наконец послышался слегка хриплый, словно спросонья, голос:

– Але, кто это?

– Это я, Галя. Привет, Ленок. Ты спишь, что ли?

– А, привет, – ровным, без особой радости голосом ответила подруга. – Да, только встала.

Галя удивилась, было около двух часов дня. «Видать, учиться и работать одновременно трудно», – решила она.

– Как дела?

– Нормально. Ты чего хотела-то?

«Что-то она на себя совсем не похожа. Грубая какая-то», – смутилась Галя и замешкалась, а потом все же выдавила из себя: – Я вот чего хотела спросить. У меня Костя умер, и я ...

– Стой! Что?

– Ну я одна сейчас, мне деньги нужны.

– Костя умер? Это как? – К Лене вернулся ее обычный голос.

– Ну вот так. Уже год как его нет, убили. Ножевое ранение. Матвей схватился ручонкой за трубку и попытался засу-

нуть ее себе в рот.

– Малыш, нельзя, она грязная, – прошептала Галя.

– Кто грязный? Кто убил? Что ты несешь? – Было слышно, что Лена почему-то сильно испугалась, засуетилась.

– Да телефон грязный, Матвей у меня на руках, в рот все подряд тянет. А кто убил, непонятно. В милиции нам ничего не говорят. Так я не поэтому звоню, а по поводу работы. Можно как-то в городе устроиться? Я бы Матвея в ясли отдала или няньке, если заработок хороший будет.

Лена помолчала, была слышно, что она не одна, Гале показалось, что где-то раздается мужской голос.

– Я не могу тебе с работой помочь, сама на птичьих правах, – тут же, без раздумий, резко ответила подруга. – А что там с Костей, могу поспрашивать.

Галя удивилась, откуда студентка университета, увлеченная литературой и искусством, могла знать, что происходит в банде Раевских в каком-то заштатном городишке.

– Жалко насчет работы. Я рассчитывала, – с обидой ответила она.

– Ну вот так.

Потом в трубке ясно послышался мужской голос, приказавший Лене:

– Так, ты давай свои разговоры заканчивай. Приводи себя в порядок, ехать надо.

– Ладно, ты звони. Но с работой помочь не могу, – еще раз твердо и даже с каким-то вызовом повторила Лена.

– Кто там у тебя работу еще спрашивает? – опять влез в разговор мужской голос.

– Никто, отстань, – тягучим голосом ответила Лена. – Не твое дело.

– Ну пока. Ты звони, если что с работой прояснится, – сказала Галя и повесила трубку.

В телефонной будке переговорного пункта была небольшая скамеечка. Она присела на нее, пытаясь дать отдохнуть рукам, они занемели от тяжеленького Матвея.

– В общем, сынок, будем сами прорываться, – сказала она ему.

Малыш глянул снизу вверх и на секунду в его глазах мелькнуло что-то пугающе взрослое, как будто он знал, что ждет всех их впереди.

Елена

1.

Лена даже не пришла в университет на защиту диплома, синюю корочку ей принес в апартаменты водитель, забравший его из деканата. Она задумчиво повертела в руках пахнущую бумагой и дерматином книжечку, из нее выпал вкладыш с печатью, куда были вписаны оценки. Ровным столбиком напротив каждого предмета было написано «хорошо».

«Хоть бы одно «отлично» написали», – усмехнулась про себя Лена.

Обычно сдержанный и молчаливый водитель вдруг сказал:

– Поздравляю.

– Спасибо, Валентин, – с достоинством ответила хозяйка диплома, заслуженного отнюдь не беззаветным служением литературе.

– Вот вам еще велели передать, – он протянул ей белый конверт без подписи.

Лена, не обращая внимания на то, что в комнате находится посторонний, вышла вместе с конвертом. Водитель озадаченно постоял, переминаясь с ноги на ногу в пустой гостиной, а потом тоже удалился, пытаясь двигаться максимально беззвучно.

Она жила в шикарных апартаментах в историческом цен-

тре города у самой набережной, в ее распоряжении были домработница и водитель, но на душе было не очень. Она вообще в последнее время пребывала не в лучшем состоянии духа. Всё, что с ней произошло за эти пять лет, Лена делала на полезное и вредное, а вовсе не на хорошее и плохое. Может быть, поэтому душа у нее постоянно находилась в каком-то недоумении, каждый раз нервно съеживаясь, когда ее обладательница делала что-то «полезное», например, спала с мужчинами за деньги или информацию, проглатывала обиду, когда следовало не молчать, и, наконец, сделала аборт, когда душа просила оставить ребенка.

В белом конверте лежало послание от человека, который устроил всё это внешнее великолепие и внутреннюю ненормальность. В нем содержалось всего несколько слов: «Сегодня в 19 работа с партнерами, загородная усадьба Коньково. Коктейльная вечеринка. Особое внимание – Михаил Якобсон. Вечером останусь у тебя».

«Ну что за старомодные записки. Мог бы на мобильник позвонить», – раздраженно подумала она. Покровитель Лены был человеком старой закалки. С дамой полусвета, даже если она была для него не только любимой игрушкой, но еще и инструментом, с помощью которого можно было где-то выбить более выгодный контракт, где-то утихомирить конкурента, он предпочитал общаться именно таким образом. Ну а мобильные телефоны, которые совсем недавно появились у самых представительных членов местного истеблишмента,

он вообще не уважал, считал, что кругом прослушка.

«А то, что водитель может прочитать, а потом доложить тем, кто заплатит, его не волнует», – усмехнулась Лена. У нее-то сотовый телефон был, только общаться по нему она пока толком не могла. Ну кому ей звонить? Покровителю – нельзя, друзьям и родственникам из старой жизни – бесполезно, у них и стационарных-то телефонов нет. Приятельницам и знакомым в новой жизни – скучно.

Лена вздохнула. Она уже три года как считалась одной из самых перспективных светских львиц города. Ее первый покровитель Стас с часами «Ориент» и холодной улыбкой погорел на каких-то махинациях. Девчонке хватило ума не лезть к нему с расспросами, так что когда ее вызвали на допрос следователи, она ровным счетом ничего не могла из себя выдать, потому что действительно ничего не знала кроме того, что Стас предпочитает на завтрак яйца всмятку. Зато Лена познакомилась с теми, кто оседлал волну приватизации. Так что в ее знакомых ходили – ранее директор, а теперь уже владелец местного рудодобывающего завода, новопеченный босс грузового порта и, выглядевший на этом фоне несколько нелепо, хозяин хлебобулочного комбината, который еще вчера был на предприятии всего лишь замом по сбыту. Теперь они были крупнейшими игроками в бизнесе города: один сидел на недрах, другой заправлял международными перевозками, третий кормил регион и область. Все трое были на 20 лет старше второкурсницы, но Лене они ка-

зались стариками, хотя на самом деле им было от 35 до 40 лет.

Умная Лена не стала устраивать между ними битвы самцов, а предпочла сразу Павла Маркова – владельца железной руды. Тогда она и предположить не могла, насколько он станет богат через 5-7 лет. Марков был вежлив, симпатичен и, самое главное, не женат. Не то что бы Лене очень нужно было выйти замуж, нарожать детей и стать претенденткой на часть богатств олигарха. Просто она не хотела и не умела быть «номером два». Спустя три года отношений она так и не стала ему женой, но и «номером два» тоже не была. А вот их ребенка удалила, потому что было вовсе бесполезно сидеть дома среди пеленок и нянек, гораздо более разумно было оставаться его боевой помощницей, потому что это дает возможность быть независимой, зарабатывать на скрытых от его глаз левых контрактах большие деньги, ну и что-то благопристойное говорить родителям.

А они гордились своей дочерью, умницей и красавицей, сумевшей уже в университете пробиться в люди, стать помощницей генерального директора рудодобывающего комбината, заработать на собственную квартиру и оказаться в среде самых уважаемых лиц области. Какую цену платила их любимая Леночка за такой расклад, родители не знали, а может, и не хотели знать.

«Так, и кто этот Михаил Якобсон? Мог бы в трех словах написать», – с раздражением подумала девушка. В свои 23

года она уже имела кое-какой опыт и понимала, что значит «особое внимание» в представлении Маркова. Требовалось любыми способами понять, какие намерения у человека по отношению к ее покровителю, насколько он действительно влиятелен и богат, а не создает видимость, и нет ли у него в шкафу скелетов, которые можно при случае использовать против него. Из всех способов Лена предпочитала или философские разговоры «за жизнь», или легкий флирт. Чтобы и то, и другое работало, требовалась определенная доза алкоголя, а иногда и веществ потяжелее. И тут она виртуозно научилась изображать опьянение той или иной степени, никто пока ни разу не раскусил обман. Несколько раз с особо тугими на язык товарищами Лене все же приходилось использовать свое тело, чтобы выудить информацию.

– Яacobсон, Яacobсон, – промычала она нараспев, листая записную книжку. Наконец нашла нужный телефон – секретарши мэра города.

– Катюша, привет, – с прекрасно поставленной беззаботностью в голосе проворковала она.

Уже через 15 минут разговора Лена имела представление о том, кто такой этот Михаил Яacobсон. А Катюша получала в приемной через водителя Лены коробку туалетной воды Кельвин Кляйн и итальянский купальник, о котором так мечтала.

«Ну давай сыграем с тобой в кошки-мышки, московский хлыщ», – улыбаясь зеркалу, думала Лена.

То, что она узнала на вечернике летом 1998 года для своего покровителя, сделало его тем, кем он стал впоследствии, – крупнейшим региональным олигархом. Ну а тогда Лена узнала, что в начале июня 1998 года главы «Газпрома», ЛУКОЙЛа и «Сургутнефтегаза» просили власти девальвировать рубль, предупредив, что иначе он обрушится сам, причем неконтролируемо. Но те не послушали, продолжая искусственно поддерживать тонущую национальную валюту. В общем, пораскинув мозгами, Марков подошел к дефолту, случившемуся в августе, во всеоружии.

Ну а что получила взамен Лена? Ей был предложен «Мерседес» и поездка на Мальдивы.

– Это тебе в качестве премии. – Марков курил в постели, завернувшись в шелковые простыни.

Щеки Лены покрыл румянец, и съевший всех своих конкурентов Павел Марков, считавший себя самым мудрым и хитрым, решил, что это румянец радости. На самом деле внутри Лены всё кипело, она понимала – ей предлагают жалкую подачку. Сейчас она просчитывала, что будет полезно, а что вредно в этой щекотливой ситуации. И решила, что пока полезно быть хорошей девочкой, а как уничтожить самонадеянного любовника, который без информации, которую она купила для него за очередную порцию своей уже и так порядочно истерзанной души, надо подумать потом. Мечь – это блюдо, которое подают холодным.

– Павлуша, спасибо, ты очень щедрый.

– Что-то ты не рада. Ну попроси сама, чего бы ты хотела?
Говори, исполню всё.

– Ой, ну давай не будем играть в Воланда и Маргариту, скажи еще, что королевы никогда ни о чем не просят, им сами всё дают.

– Я таких умных книжек не читал, уж прости, не знаю, о чем ты. Ну а так, да, пользуйся, королева, пока я добрый, проси, что хочешь.

– Ты серьезно?

– Вполне. Давай-давай, а то скоро волшебная дверь моей щедрости закроется.

Лена привсталла на локте, и тонкая шелковая простыня соскользнула с груди. «А вдруг и правда, полезно именно сейчас открыть рот и сказать, что мне надо, а не ломаться? Отомстить за подачки я всегда успею», – мелькнуло в голове у Лены.

– В общем, я хочу в собственность медный карьер «Западный».

Он сел в кровати.

– Чего ты сказала?

– Хочу медный карьер. У тебя их много.

Лена твердо посмотрела ему в глаза.

– Ты слишком дорого мне обходишься, девочка, – точно таким же твердым взглядом ответил он.

Сейчас они были похожи не на любовников в кровати, а на боксеров на ринге, готовых в любую секунду нанести удар,

который отправит соперника в нокаут.

– Как знаешь, ты спросил, я – ответила, – ослабила хватку Лена и поняла, что зря раскрылась. Теперь ей придется искать другого покровителя, а этого надо будет напоследок побольнее укусить.

Только напоследок побольнее укусил он, а не Лена. Уже спустя два дня, утром не явились на работу помощница по хозяйству и водитель. А через неделю на пороге квартиры нарисовался юрист. Он вежливо поинтересовался, где ему можно присесть. Точно также вежливо и неторопливо разложил свои бумаги на огромном прозрачном столе и завел разговор на тошнотворном языке, словно читал по бумажке:

– Елена Владимировна, мне поручили сообщить Вам, что данные апартаменты находятся в собственности компании «Магитекс». Вы занимаете их по соглашению, согласно которому должны освободить помещение в течение трех дней со дня принятия решения на уровне правления компании, а именно лично Маркова Павла Ивановича. В случае, если Вы, Елена Владимировна, не освободите апартаменты к обговоренной дате, 30 октября 1998 года, собственник жилой площади оставляет за собой право в принудительном порядке...

– Остановитесь, пожалуйста, – Лена подняла руку перед собой, как будто защищаясь. – Я все поняла, продолжать не нужно. – Это всё, что хочет от меня господин Марков? Подарков назад не требует? Драгоценностей? Машину?

– Нет, не всё. Он также рекомендует Вам покинуть город,

иначе возможны негативные последствия. Драгоценности и машина остаются в Вашем распоряжении.

Лена из последних сил держалась, чтобы не расплакаться. Ей было обидно не потому, что ее как собачонку вышвыривали из города и квартиры. Бесило то, что Марков, воспользовавшись ее услугами и информацией, стал еще богаче, а вместо благодарности устроил этот балаган.

– Уважаемый, уж простите, не знаю, как Вас зовут...

– Вадим Игоревич, – услужливо подсказал юрист.

– Вадим Игоревич, я все поняла. Апартаменты освобожу завтра, ключ оставлю у консьержа. Передайте Маркову. А теперь уходите.

Юрист ничуть не смутился, видно, ему было не впервой сообщать подобные вести разнообразным людям из окружения олигарха, которых он сначала использовал по своему усмотрению, а потом избавлялся. Он невозмутимо собрал бумаги со стола, сложил их в кожаную папку на замке и даже чуть наклонил голову, вроде поклона. Сам вышел из гостиной, прошел в холл и удалился.

И только после того, как хлопнула дверь, Лена повалилась на бежевый кожаный диван и крикнула в потолок:

– Ненавижу! Ненавижу вас всех! Уроды! Мужланы! Катитесь вы все со своими деньгами! Подавитесь своей властью! Захлебнитесь, выродки!

Она кричала не об одном Маркове, сейчас ей стало предельно ясно, что последние годы ее просто все использова-

ли, начиная от Димы, который затащил ее в этот дурно пахнущий мужской мир, и заканчивая тем же Якобсоном. Ох и не просто ей досталось выудить из него нужные сведения для Маркова, пришлось вытерпеть его противное пьяное сопенье, слюни и убогое тело. И все это ради кого? Ради упыря, который благосклонно оставил ей драгоценности и машину.

«Ты что же думал, я ушами хлопала, пока ты меня под московских толстосумов подкладывал?! А вот и нет, выкуси!» – обращалась Лена к невидимому любовнику.

И действительно, она прикупила себе квартиру, о которой никто не знал, только теперь ее просили вон из этого города. Была у Лены и валюта, скопленная на черный день, она не хранила ее в банках. Единственное, чего у нее до сих пор не было – это загранпаспорта.

Обиженной и раздавленной Лене даже в голову не пришло, что можно вернуться в свой родной городок, к родителям. Для нее это было бы равносильно поражению. Почему-то вспомнилась школьная подружка.

«Вот у человека мужа зарезали, ребенок остался. Уже большой, наверное. Ни за что бы не хотела оказаться на ее месте. Как она там, интересно? Небось пашет на заводе или на рынке торгует, в жару и холод, и все ради того, чтобы прокормить своего малыша. Такой жизни мне точно не надо».

Лена и забыла, что Галя звонила ей несколько лет назад, просила помочь с работой, тогда было не до нее, жизнь кипела и была ключом. Ну и не хотелось, чтобы люди из прошло-

го знали, во что обходятся благополучие и внешний лоск.

В дверь опять кто-то позвонил.

«Не откроею», – решила Лена. Чутье подсказывало, что к ней наведалься недруг.

Звонок раздался еще раз, и еще, и еще. А потом в замочной скважине что-то зашуршало, зазвенело. Вызывать милицию было бесполезно, Лена это точно знала, ведь глава местной милиции был приятелем Маркова.

Девушка испугалась и судорожно начала оглядываться, куда бы спрятаться от греха подальше. Пригнувшись, чтобы не было видно с улицы, вышла на террасу, заменявшую в этом доме лоджию, села на низкую ротанговую табуреточку, тихонько приподнялась, чтобы из-за стекла наблюдать гостиную.

Через пять минут сквозь прозрачные шторы Лена увидела, как в комнату вошел молодой человек в белых рабочих перчатках. Он огляделся и напрямик направился к комоду, в который был встроены сейф. Стало понятно, что он прекрасно осведомлен, что ему нужно и где это лежит.

Под замком Лена хранила лишь часть драгоценностей. Остальное было припрятано в другой квартире в обувной коробке в гардеробной на самой верхней полке, еще в одной она хранила наличные доллары.

Незванный гость вполне удовлетворился тем, что взял из сейфа, который он без труда открыл, код он тоже явно знал. Парень повертел в руках сундучок. В нем у Лены лежали ча-

сы с бриллиантами и пара колец от Кристиан Диор. Одно из них она любила. Было жалко.

«Что за мелочность такая? Сказал, что драгоценности оставляет, и тут же подсылает клоуна, который просто обворовывает меня», – сердце у Лены бешено колотилось. Она поняла, что Марков таким образом просто хочет ее запугать.

«Ага, значит сам боится, что его гнилые секретики расскажу кому следует», – мысли девушки скакали как белки по веткам.

Именно там, на ротанговой табуреточке, она решила, что из города надо срочно уезжать, причем, лучше в Москву, где проще затеряться. А оттуда надо двигать дальше, уезжать из страны.

Но для этого требуется загранпаспорт, а чтобы его получить придется появиться в родном городе, где сейчас тоже небезопасно.

Пока она тряслась на террасе, незнакомец оглядел гостиную, как-то странно улыбнулся и пнул ногой большой вазон, где росло лимонное деревце. Земля вместе с растением вывалилась на светлый ковролин. Затем на пол полетели две колонки от домашнего кинотеатра, стоявшие по углам комнаты. Он с мясом выдрал со стены два бра и бросил их так, что светильники разлетелись на части.

Потом он все-таки ушел, не забыв прихватить с собой коробку с драгоценностями.

Спустя некоторое время входная дверь хлопнула, очевид-

но, вор закончил свое дело. Сегодня был какой-то бешеный приемный день, когда незнакомцы один за другим появлялись у нее на пороге. Лена сидела на террасе, боясь войти в квартиру. Вот уже и солнце стало клониться к закату, а она все не решалась вернуться в гостиную, настолько ей было страшно. Сильно затекли ноги, хотелось в туалет, но она все равно не могла распрямиться в полный рост. Казалось, что за квартирой наблюдают и как только она покажется, тут же получит пулю.

«Хватит», – наконец приказала она себе и встала. Коленки предательски тряслись и мешали нормально идти.

В гостиной она постаралась не наступить на землю из горшков, да и вообще не наследить, хоть и понимала, что это бесполезно. Остаться тут, да еще и убирать весь этот кавардак Лена не собиралась. В спальне она вытащила из-под кровати чемодан, покидала в него первую попавшуюся одежду из шкафа, туда же полетело все содержимое туалетного столика – косметика, духи, кремы и толстенное портмоне, в котором она держала деньги на текущие расходы. Лена открыла бумажник и пересчитала: там были и доллары, и рубли. Теперь нужно было выбираться из этого небезопасного места. Ехать на другую квартиру, чтобы забрать остатки сбережений и драгоценности, она решила не на своей машине. Надо было поймать такси. Звонить и вызывать водителя Лена не рискнула, звать на помощь своего бывшего шофера – тоже не вариант. Оставалось одно – выйти на проспект и

проголосовать.

Уже в коридоре она заметила записку, оставленную, видимо, вором. «Надеюсь, ты все поняла» – было написано незнакомым почерком.

– Конечно, поняла, не сомневайся, – прошептала девушка и сунула бумажку в портмоне. Она понимала, что эти угрозы – доказательство преступления. Но Лена на то и была Леной, чтобы уяснить, что сейчас идти с запиской в милицию, писать заявление и пытаться добиться какой-то правды – не просто бесполезно, но еще и очень опасно. Хотя это послание может пригодиться в будущем. Свои планы на месть она не оставила, а, наоборот, еще сильнее укрепилась в мысли, что Марков не останется безнаказанным.

Она приподняла чемодан и поняла, что его не дотащить до остановки, где кучковались частники с машинами. Пришлось прямо в коридоре перекидать из чемодана в легкий рюкзачок самое необходимое.

На полу остались валяться дорожные вещи, привезенные для нее с распродаж в Милане и Париже, эксклюзивные духи. Посмотрев на это богатство, Лена вдруг решила, что с собой надо брать не вещи на первое время, а именно фирменные шмотки, которые можно будет выгодно продать. Поэтому она присела над кучей и постаралась внимательно перебрать гардероб.

«Так-то лучше, – решила девчонка, застегивая молнию на рюкзаке, словно ставя точку, – ничего, прорвемся».

Лена с опаской выглянула за дверь. В подъезде горел ровный холодный свет, ничего необычного она не заметила. Еще постояв пару секунд, она вышла и быстро, почти бегом направилась к лифту. Оставалось преодолеть совсем маленькое расстояние – выйти из подъезда, добежать до стоянки бомбил, доехать до своей тайной квартиры, забрать деньги, добраться до аэропорта, купить билет и сесть на самолет. Лена пока не знала, куда ей лететь. В последнюю секунду она передумала брать курс на Москву, там у Маркова было полно знакомых.

2.

Фактически Лена была совсем девчонкой, что такое 23 года? Это наивная юность. Правда, жизнь у нее складывалась так, что повзрослела она достаточно быстро, да и живой ум и обаяние с детства делали ее рассудительней сверстников. В то время, когда она пыталась стать обладательницей медного карьера, ее ровесницы отпрашивались у мамы на дискотеку. Но все равно она оставалась девчонкой с верой в жизнь и собственную избранность, что придавало ей бесстрашия.

– Мне на Коммунистическую, – бодро скомандовала она таксисту.

– Будет сделано, – в тон ей ответил молодой парень за рулем. – Деньги-то у тебя есть?

– А что, похоже, что нет?

– Ладно, сдаюсь, – он приподнял над рулем ладони.

– Не бойся, с оплатой не обижу.

И они рванули по вечернему осеннему городу. Время двигалось к девяти. Мелькали вывески магазинов, повторяющиеся в лужах абракадаброй, дрожали во влажном мареве светофоры, пахло сигаретами.

– Слышала, вчера в городе разборки были около ресторана? Двоих прирезали, двоих увезли на скорой, а в больнице к ним приставили охрану, говорят, местные авторитеты. А потом волшебным образом охрана куда-то делась, и раненых тоже на тот свет отправили, – таксисту хотелось поговорить.

После пережитого на балконе, на Лену напала безудержная болтовня, хотелось говорить без остановки.

И Лена не сдержалась:

– Это что, вот ко мне сегодня домой грабитель ворвался, я полдня на балконе просидела, пока он квартиру громил и ценности выносил.

Таксист присвистнул:

– Даже простому человеку в нынешнее время небезопасно. Вот чего он к тебе вломился, спрашивается? У простой девчонки что можно украсть? Или родители у тебя богачи?

– Сам говоришь, время такое. Да и внешность часто обманчива, а родители у меня в другом городе живут, – опять не сдержалась Лена.

– Правда, что ли? Ты подпольная миллионерша?

«Остановись! Что ты болтаешь!» – пыталась приказать себе пассажирка, но язык как будто зажил своей, отдельной от мозга жизнью.

– Примерно так, – выболтал он.

Парень недоверчиво покачал головой, еще раз покосился на Лену, пытаясь поймать на ее лице намек на шутку.

– Не веришь? – не унималась девчонка.

– Нет, хоть убей.

И Лена начала рассказ примерно с того места, как она стала бизнес-шпионом для Маркова, опуская, конечно, подробности. Вообще, память – удивительная штука. Она стерла из ее головы самые унижительные и неприятные моменты, оставив лишь те, где она была на высоте. Ох уж это неудержимое юношеское желание быть круче всех!

Если бы кто-то сейчас остановил Лену и спросил, как так вышло, что она – умная и красивая девочка из хорошей семьи – опустилась до такого, пришлось бы только пожалеть плечами.

Но однажды, давно, наедине с собой, когда она лежала ничком на кровати, укрываясь с головой одеялом и сторя от стыда за все то, что она только что делала, когда казалось, что об нее просто вытерли ноги, а взамен дали денег, Лена пыталась ответить себе на сакраментальный вопрос: «Как так вышло?» И у нее родился парадоксальный ответ: «Потому что меня воспитали хорошей девочкой, которая всегда должна делать то, что говорят старшие или более сильные люди. Сказать «нет», меня не на-учили». Ну и за сытую и богатую жизнь надо было тоже чем-то платить, так говорили в начале 90-х на каждом углу: всё имеет свою цену, нет вещей

бесценных, на каждого повешен ярлык, а значит надо оправдывать ожидания окружающих, вот Лена и оправдывала.

Было ли ей сейчас стыдно перед незнакомым человеком? Нет, не было. В системе координат, где героями были братки, попавшие на больничную койку после перестрелки, а их музами – беспринципные красавицы, Лена была на вершине пищевой цепочки, а таксист болтался где-то в хвосте.

К концу ее рассказа они прибыли на улицу Коммунистическую.

– Слушай, а тебе не страшно вот так одной сейчас куда-то ехать? – он остановился около подъезда.

– Страшно, – честно сказала Лена, при этом соврала по поводу дома, она попросила остановиться у соседнего. Все-таки доля здоровой осторожности у нее после всех событий этого дня осталась.

– Хочешь я с тобой? Помогу, буду охранять тебя.

– Ты мне в телохранители набиваешься?

– А что? Я вот, например, в армии в ВДВ служил.

– Тебя мама не отругает, что ты пропал, домой к ужину не пришел, – иронично ответила девушка. Признаться, она с ужасом осознала, что наболтала лишнего и поставила себя в уязвимую позицию: может, этот таксист вовсе не таксист, а очередной подсадной товарищ, подсланный Марковым?

– Не веришь мне, думаешь, что хочу нажиться на твоей ситуации?

– Я никому теперь не верю.

– Да нормальный я, просто помочь хочу.

– Ладно, пока, – она вышла из машины и уверенно направилась к совершенно другому дому и подъезду, открыла дверь, ей повезло, что там еще не успели по новой моде повесить домофон, и поднялась на второй этаж. Пахло мышами. На стене кто-то нацарапал: «Лена – дура».

«Как же вы точно угадали», – покачала головой девочка и притаилась, глядя в маленькое подъездное окно. Машина развернулась и уехала со двора, мазнув фарами по убогой детской площадке с поломанными качелями и ветвистому дереву, уже потерявшему половину своей листвы. Было тихо, только за дверью какой-то квартиры что-то бубнил телевизор.

Беглянка выдохнула, посчитала про себя до 1000 и пошла вниз. Прежде чем выйти из незнакомого подъезда, она приоткрыла дверь и еще раз глянула через щелку.

Фонари в этом незнакомом дворе не горели, не было света и во дворе, где находилась ее квартирка. Она шла по улице совершенно одна, в темноте. Поэтому не могла видеть, что около ее подъезда сейчас шла какая-то молчаливая возня. Только оказавшись совсем рядом, Лена поняла, что тут происходит странное. Прислонившись спиной к дереву, сидел какой-то бугай, он неестественно склонил голову на бок и не шевелился. Мгновение – и еще один незнакомец охнул и осел на скамейку, он получил вроде как несильный удар по виску, но удержаться на ногах не сумел и теперь лежал

огромным темным мешком.

– Дай руку, – приказал нападавший. И Лена узнала голос таксиста.

Она и не подумала, попыталась убежать, но он поймал ее за куртку и крепко прижал к себе.

– Тихо, не бойся. Я проследил, куда ты пошла, в этом дворе сразу увидел подозрительных типов. Они переговаривались, и я понял, что ждут тебя. Пока путь свободен, забирай, что тебе нужно из квартиры, и валим отсюда.

Лена попыталась еще раз вырваться, но поняла, что бесполезно.

– Иди, я посторожу, только быстрее, сейчас они начнут приходить в себя, – он выпустил ее из захвата, больше похожего на объятия, и первый открыл дверь подъезда, прислушался, потом махнул рукой:

– Заходи, там никого нет.

И девчонка с колотящимся сердцем побежала на второй этаж, и, еле попадая ключом в замочную скважину, зашла в квартиру.

Ее новоявленный телохранитель остался стоять у подъезда и наблюдать за поверженными врагами. Ей понадобилось пять минут, чтобы вытрясти из коробок деньги и драгоценности в рюкзачок.

– Бежим! – скомандовал парень, как только она выскочила из подъезда. Один из нападавших очумело начал трясти головой.

Парочка прыгнула в машину, и таксист дал по газам. «Шестерка» взвизгнула шинами и скрылась.

Какое-то время они ехали молча, у обоих стучала кровь в висках и вырывалось тяжелое дыхание.

Наконец, Лена сказала:

– Тебя как зовут?

– Данил.

– Ты что, правда, в ВДВ служил?

– Правда. А тебя как зовут?

– Лена. Слушай, зачем ты в это ввязался, ты сам не понимаешь, что может быть дальше. Довези меня до аэропорта и все. Ты ко мне никакого отношения не имеешь, просто таксист, тебя доставать не будут.

– Нет, так не пойдет. Мы пока оторвались, мою машину они не знают, потому что я пешком двор обошел, пока этих клоунов увидел. В аэропорт нельзя, там тебя вычислят, ты же будешь документы показывать, когда билет начнешь покупать. В общем, едем к моему другу в деревню. А там разберемся. Не бойся, я нормальный, не псих, не маньяк, тебя не обижу.

Лена молчала и не знала, как реагировать. С одной стороны, если то, что говорил парень, было правдой, то действительно надо было поступить по его плану. Ну а если он просто завезет ее в глушь, изнасилует, ограбит и убьет? Хотя он мог сделать так еще до того, как она оказалась у подъезда. И зачем ему нужна была драка, лишние проблемы? Она все

еще молчала.

– Ну, давай, не бойся, – Лена увидела его умоляющий взгляд. Она знала такое выражение лица у мужчин, – он попался в ее сети. Тут, скорее, она будет управлять ситуацией, а не он.

– Хорошо, едем, – коротко ответила она.

Галина

1.

– Эти вам не подойдут, возьмите вот такие, – уверенно сказала Галя и протянула женщине нечто лиловое, на поверку оказавшееся трусами с кружевами.

Она давно научилась определять по одному только виду покупательницы не только размер одежды, но и платежеспособность, образование, наличие или отсутствие мужа, умение поскандальить и уломать на скидку или, наоборот, в забывчивости заплатить больше, не взять сдачу.

На городском вещевом рынке она чувствовала себя как рыба в воде. Поначалу устроилась на точку торговать ремнями, варежками-перчатками, кошельками, летом – солнечными очками. Хозяйка была женщиной доброй и терпеливой, она пожалела девчонку с младенцем на руках, внезапно ставшую вдовой. Ее, кстати, тоже звали Галина.

– Тетя Галя, я вас не подведу, возьмите меня, – умоляла Галя. – Я Матвея смогу пока маме оставлять, она во вторую смену перешла, так что до обеда могу работать.

И тетя Галя взяла, поначалу совершенно из благотворительных целей, ну а потом поняла, что не прогадала. Сначала их на рынке все называли Галинками: «Спросите у Галинок», «Галинки наторговали сегодня на месяц вперед», «Вечно у этих Галинок торговля прет, они приворотное зе-

лье на свои перчатки мажут», ну и все в таком духе. А потом Галинки трансформировались в Инки.

– Бойкие бабы, эти Инки.

Потом Галю-младшую начали отдельно называть Инка. И, в конечном итоге, молва сделала из нее Инну, ну а тетя Галя так и осталась тетей Галей.

То, о чем мечтала девчонка со школы – поменять имя, свершилось само собой. Некоторые считали, что ее на самом деле зовут Инна. Она и сама при знакомстве с новыми людьми представлялась так: Инна Сергеенко. Кстати, фамилию мужа она не сменила, решила оставить на память.

И вот спустя четыре года Галя имела собственную точку, новое имя и жизненные перспективы. Зарабатывала очень неплохо, так что даже дефолт 98 года не особо подкосил бизнес. Матвей ходил в садик, тетя Галя осталась ее подругой и наставницей: девчонка не стала торговать тем же товаром, ей всегда нравилось нижнее белье, поэтому она занялась этими нежными тряпочками. Иногда зимой ее прилавок казался чем-то сказочным, вроде райской птицы, случайно затерявшейся в снегах средней полосы России. И даже одно касание к ее нездешнему оперению делало покупательниц слегка Шахерезадами.

Гале пришлось быстро повзрослеть, как, впрочем, и многим ее ровесницам: нужно было кормить и поднимать сына, помогать родителям, которые все так же работали на заводе и зарплату там все так же задерживали. Вся надежда

в семье была на ее торговую удачу, способности и оборотистость, больше мать не попрекала, а с надеждой смотрела на дочь, о продолжении образования даже не вспоминали. В общем, Галя тянула семью, отец уступил ей место первенства, он, как положено, ходил на работу, приносил домой какие-то продукты, которые выдавали в заводском буфете в счет зарплаты, ездил на рыбалку и за грибами. Только теперь этот вклад в семейный бюджет был лишь небольшой частью, основную составлял заработок на рынке.

Спустя время Галя решила открыть еще одну точку и уговорила мать уволиться с завода, чтобы та торговала.

А вот с личной жизнью у молодой предпринимательницы пока не клеилось. словно свекровь тогда, после похорон, от горя наложила на нее заклятье. Правда, она иногда брала внука к себе на пару-тройку часов, когда сильно скучала по сыну. Бабушка все время повторяла мальчику, что его папа – сейчас далеко-далеко, так сильно далеко, что никогда не сможет к ним приехать.

– Мам, а где мой папа? В садике у всех есть, – однажды вечером лежа в кровати, огорошил ее 4-летний сын, который на днях гостил у матери Кости.

Этот вопрос мальчонка задал впервые.

– Я же тебе показывала фотографии, сынок, – ответила Галя.

– Он что, только на фотографиях есть? Он картинка? – наивно спросил Матвей. – Баба говорит, что он просто дале-

ко и не может приехать.

Гале не хотелось говорить, что отец умер и, тем более, что его убили. Как-то это было слишком мрачно. Но, видимо, все-таки это нужно было сделать.

– Мам? – потербил за плечо ребенок.

– Сынок, завтра у меня выходной, и мы с тобой к нему ходим.

– А он что, в нашем городе?

– Мы с тобой пойдем к нему в специальный город, где у людей маленькие каменные домики, выйти из них они уже не могут, потому что привязаны к земле. А мы принесем к порогу папиного домика цветы и конфеты, – пообещала мать.

– А я его увижу?

– Нет, мы только рядом с его домиком постоим, подумаем о нем, он и поймет, что мы рядом.

– Жалко, что не увидим, – зевнул мальчик, – я бы всем рассказал, какой у меня папа. А то мальчишки хвастаются. Знаешь, у Пети папа может за один удар в машине вмятину сделать, прямо бах – и крыша погнулась. А мой что может?

– А твой может тебе помогать, пока ты не видишь. Вот, например, будет тебе тяжело или обидно, ты тихонько скажи или подумай: «Папа, помоги!», и сразу все как по маслу пойдет, – предложила Галя.

– И даже шнурки завязывать? – Матвей привстал на локте.

– И даже шнурки. – Галя встала, поправила одеяло и вышла из комнаты. – Спи!

Ей было тяжело без сильного плеча рядом. Так хотелось уложить сына в постель, а потом почаяевничать с добрым и красивым мужчиной. Подпереть голову кулаком и слушать, как он будет рассказывать всякую ерунду, примерно, как маленький Матвейка, только ерунда эта будет мужская: что бывают исчезающие номера у машин, которые прячутся, когда подъезжаешь к гаишникам, что Петрович поймал за одну рыбалку мешок карасей и к нему подошел Рыбнадзор. А он был хитрый, мешок закопал, над ним развел костер, Рыбнадзор ничего и не заметил, зато рыба потом стухла. Что они летом все вместе поедут на море в Адлер, и будут купаться на пляже, и у них над головами будут стучать поезда, потому что в южных городах всегда так: вокзал и море рядом. А потом он ей скажет... Тут у Гали случалась небольшая заминка в мечтах.

Ей хотелось, чтобы он сказал: «Идем-ка, Инночка, ложиться. Поздно уже, завтра рано вставать, а нам еще нужно заняться взрослыми делами». Но она понимала, что это как-то неправильно, что любимый мужчина будет называть ее другим именем.

– Ладно, разберемся, – прошептала Галя, стоя в ванной перед зеркалом. Ей оставалось спать четыре часа, а потом нужно было выдвигаться в путь – ехать в Москву за товаром, автобус отходил в 5 утра.

По большому счету, на рынке была куча возможностей познакомиться с кем-нибудь, народу-то там очень много. Но

точка у Гали была специфическая – женская, мужчины к ней не подходят, а если и останавливаются, то выбирают подарок своим дама сердца, то есть они несвободны, это раз. Выбора среди продавцов тоже было не так много, мужчины были старше, в основном те, кто ушел с завода и занялся челночным бизнесом, многим было за тридцать, а Гале всего 23, и это два.

Но она не отчаивалась, сейчас девчонка была гораздо более уверена в себе, не то что раньше. Она даже перестала сверять свои внутренние часы с бывшей подругой Леной, которая затерялась где-то в большом городе, да Гале теперь было и неинтересно, как там у нее дела, потому что у нее самой дел было выше крыши. Бизнес захватил целиком, Галя даже не ожидала. Были у нее и завистники – те, кто ничего не делал для того, чтобы вырваться из вмиг сломавшегося круга советского человека, которому раньше гарантировались крыша над головой и небольшой заработок, а теперь никаких гарантий не было. Эти люди продолжали цепляться за прошлое, боясь бросить работу, за которую не платили денег. Вот они и говорили, что таким, как Галя, нужны только барыши, что она торговка, готовая обмануть каждого, лишь бы «срубить бабок». Но Галя на них не обижалась, она-то знала, что деньги – это, конечно, хорошо и даже просто отлично, но самое главное в ее деле – это азарт, игра, борьба с конкурентами и красота, которую она дарила своим покупательницам.

Проснувшись ранним утром и отправляясь в Москву за товаром, сквозь предрассветную дымку и собственную зево-ту, Галя представляла, как спустя 15 часов окупнется в шум-ный мир Черкизона и начнет свою охоту за самым лучшим товаром. И тут ошибиться было нельзя, на кону стояла не просто торговля, а благополучие ее семьи – мамы, папы и Матвейки.

В этот раз автобус был заполнен не под завязку. Можно было расположиться даже на двух сиденьях и вздремнуть еще пару часов. Галя положила под голову куртку, свернув ее рулоном, вытянула ноги на соседнее сиденье. В проходе торчали ее маленькие ступни, она попыталась подтянуть их к себе, но так было неудобно.

Она проснулась от того, что кто-то задел ее в проходе. Га-ля недовольно приоткрыла один глаз. Автобус стоял на оста-новке, в него зашло еще несколько пассажиров из соседнего, еще более мелкого городка.

– Извините, – пробормотал мужчина, задевший спящую бизнесвумен. – Не могли бы вы сесть, мест в автобусе больше нет.

Галя потерла глаза, поправила волосы и подтянула к себе ноги:

– Да пожалуйста.

2.

Мужчина протиснулся на сиденье.

– Какой город? – хрипло спросонья спросила Галя.

– Октябрьский, – ответил с соседнего кресла новый пассажир.

Она кивнула головой и прислонилась к стеклу. Спать теперь не хотелось, осеннее солнце радостно золотило посадки вдоль дороги.

– Который час?

– Половина восьмого, – услужливо вскинулся попутчик.

Она потерла глаза, зевнула. Автобус тронулся.

– Двенадцать часов еще вместе ехать. Тебя как зовут? – не унимался сосед.

– Инна, – ответила Галя.

– А меня Борис, можно Боря.

Молодая женщина подумала и ответила:

– А меня можно Галя.

– Интересно. Как это так?

– Да вот так. Сама не знаю, как получилось, меня по паспорту Галина зовут, но в последние пару лет приклеилось новое имя – Инна. Оно мне больше нравится.

– А мне больше нравится Галя. У меня во дворе так девочку звали.

Тут сосед спохватился и смешно завозился. У него под сиденьем стояла небольшая спортивная сумка. Скрючившись и пытаясь достать из нее что-то не вставая с места, Борис забавно заgrimасничал. Наконец, он извлек из-под себя термос.

– Вот! – выдохнул он. – Мама передала, попробуй, мне

очень нравится.

– Что это?

– Свекольный квас. Только не пугайся, он вкусный.

Борис уже откручивал тугую пробку термоса и наливал в крышку напиток.

– У меня тоже мама такой делает, я не люблю, – призналась Галя.

Сосед расстроился и еще секунду автоматически протягивал ей квас. А потом, не зная, куда его девать, залпом выпил.

Гале стало жалко Бориса.

На вид ему было меньше тридцати. Правильные черты лица, гладкая кожа, которая бывает только у мужчин от природы не склонных к волосатости, румянец, слегка вьющиеся волосы. От него приятно пахло глаженным хлопком.

– Чем торгуешь? – слегка виновато спросила Галя.

– Дубленками.

– А я женским бельем.

– Как торговля?

– Нормально, на жизнь хватает, – ответила девушка.

– А я вот думаю в город побольше перебираться. У нас в Октябрьском каши много не наваришь.

Галя пожала плечами. Любого в этом автобусе она воспринимала как конкурента. Это заставляло быть начеку, то есть не болтать лишнего.

– Может, ты и прав, – она зевнула.

Борис замолчал, хотя ему хотелось говорить с этой милой

растрепанной продавщицей нижнего белья. Она ему сразу понравилась, а как только он узнал, что девушку зовут Галина, так же, как и его первую любовь, да еще и торгует она тем, что подстегивает воображение, Борис окончательно подпал под обаяние соседки.

Они проехали еще два часа не проронив ни слова. Наконец автобус затормозил.

– Стоянка 30 минут, – крикнул водитель и открыл двери.

Уставшие от долгого сидения пассажиры с удовольствием стали подниматься со своих мест, от души потягивать спины, заламывать руки, трясти ногами. Через пять минут в салоне никого не было: курильщики курили, голодные – ели, купив у бабулек у дороги пироги, остальные ринулись в туалет, который находился на отшибе стоянки. Туда выстроилась очередь, куда пристроилась и Галя. Бориса девчонка из виду потеряла.

Если честно, то все эти два часа, что они проехали в молчании, она украдкой наблюдала за парнем. Он читал какой-то американский детектив, время от времени шурша страницами. Кстати, Галя читать не любила, но те, кто увлекался книжками, вызывали в ней смешанные чувства уважения и какой-то непонятной снисходительности, дескать, жизни не нюхали, все только из книжек узнают. Сама-то она надела наушники и слушала музыку в плеейере. Он был ее гордостью. Синий «Панасоник» с кассетами, наушники были тоже синие. Ей нравилось переворачивать кассету, вставлять

ее обратно, слушать этот приятный механический звук, ощущать упругость японского механизма, плавность кнопок. Галя казалось, что в наушниках и с плеером она выглядит как иностранка. А слушала девчонка популярную на тот момент непритязательную российскую попсу: Татьяну Буланову, группу «Блестящие».

Когда автобус остановился, Борис быстро вышел, Галя даже наушники снять не успела.

В туалетной очереди она оказалась рядом с товаркой, с которой они вместе стояли на рынке.

– Чего, Инка, призадумалась? – хохотнула та. Было видно, что на передних сидениях была своя атмосфера, там уже начали расслабляться, хотя время только близилось к обеду. – Что за красавчик с тобой рядом едет?

– Ой, Маринка, прекрати! – отмахнулась Галя.

– Да ладно! – растягивая слова, прогромычала Маринка. – Давно уже было пора тебе личной жизнью заняться.

Галя обернулась по сторонам, ей не хотелось, чтобы Борис увидел ее в компании подогретой алкоголем знакомой.

Наконец та зашла в деревянную зловонную будку.

Кто-то потрогал Галю за плечо. Она обернулась. Это был сосед, он, улыбаясь, протягивал ей промасленную бумагу, в которую были завернуты чебуреки. Это были самые лучшие чебуреки на всей трассе, каждый местный путешественник об этом знал.

– На вот, купил тебе на обед.

Тут хлопнула дверь толчка, и подошла очередь Гали.

«Неудобно как!» – подумала она.

«Дурак! Зачем я к ней в очереди к туалету подошел, надо было подождать», – спохватился он.

Но вслух они сказали другие слова.

– Чебуреки я люблю. Подожди, сейчас вернусь.

– Я буду у киоска, жду.

В будке воняло так, что даже за несколько минут, проведенных в ней, волосы пропитывались специфическим амбре. Галя попыталась понюхать кончики, подходить к Борису с такими «духами» ей не хотелось.

Она стянула шапку, взрыхлила свою шевелюру и подставила осеннему ветру волосы. Постояв под этим природным феном минуты три, пошла к киоску.

– На, держи, ешь быстрее, а то совсем остыли, – он протянул ей чебурек.

Уже через пять минут строгий водитель прокричал, что пора отправляться.

Дальнейший путь был гораздо более интересным.

Выяснилось, что Борис окончил институт и даже год отработал инженером на какой-то сибирской лесозаготовке в глуши. Деньги обещали хорошие, он рассчитывал заработать, а потом уехать, но в итоге зарплату платить перестали очень быстро. Предприятие приватизировал его директор, скупив ваучеры у работников. Они избавлялись от ненужных, как им казалось, бумажек, а полученные деньги просто пропива-

ли. Там, кстати, Борис познакомился с китайцами, у которых и купил свои первые дубленки. В Москву за товаром он ехал впервые, решил, что нужно расширять ассортимент. В моде были кожаные мужские пиджаки, он хотел купить на пробу одну партию.

Галя слушала его истории про лесопилку, вокруг которой иногда бродили медведи, про эков, работавших в бригаде Бориса, и понимала, что он не такой простачок с книжкой в руках, как ей показалось поначалу, не совсем рыночный торговец, к которым она привыкла на своем базаре. Это был крепкий и сообразительный парень, в обиду такой не даст. Теперь она понимала, откуда у него такие сильные руки, широкие плечи.

Он рассказал, что почти все деньги, что заработал «на Северах», пустил в челночное дело, закупил товар у китайцев.

Галя, сама не понимая, как, тоже рассказала ему о своей жизни. И про раннее замужество, и про ребенка, и про подругу, которой всегда завидовала. Про то, как собирала каждую копейку, заработанную у тети Гали, чтобы открыть свою точку. Как иногда целыми днями питалась только семечками, тогда она могла принести домой деньги на хозяйство и что-то отложить.

Борис сочувственно кивал головой. Было видно, что он очень ее понимает.

– Так пить хочется, – призналась Галя. – Чебуреки дают о себе знать.

Она забыла бутылку с водой в сумке, которую положила в багажное отделение автобуса.

– Ну как хочешь, у меня только свекольный квас.

– Ладно, давай его сюда.

И он опять полез под сиденье, опять достал мамин термос, опять налил рубиновую жидкость.

Когда Галя начала пить, Борис не отрываясь смотрел на ее лицо и шею, будто ждал вердикта, который она вынесет напиток, словно заправский сомелье.

– Ну как?

– А между прочим, неплохо. Спасибо.

Он облегченно вздохнул. Ни Борис, ни Галя в тот момент не подозревали, что вкус этого кваса станет вкусом их любви.

Елена

1.

За окном прогремел салют, до Нового 2015 года оставалось минут десять, но самые нетерпеливые уже вышли на улицу с салютами, даже не дождавшись речи президента.

«Вот люди дают». – Лена сидела перед телевизором в небольшой двухкомнатной квартирке на последнем, 15 этаже, и ждала традиционного выступления главы государства. На столе перед ней стоял один бокал, наполненный шампанским, и второй, к которому была прислонена фотография.

– Давай дождемся как положено, а потом уж встретим Новый год, – обратилась она к фото. С него улыбался Данил, ее любимый муж. Камуфляжный костюм, огромная рыбина в руке, на заднем фоне – капот машины. В ней он и погиб, «не выбрал безопасную скорость движения», было написано в полицейском отчете.

Зато когда-то он выбрал безопасную скорость, спас ее от ужасного Маркова, от ее бедовой жизни, увез далеко-далеко. Только детей они не смогли родить, у Лены не получалось, давали о себе знать спайки после абортов.

– Сегодня у меня был суматошный день, сам знаешь, надо сдавать последние отчеты, Крупицын заседал. Вот не сидится человеку: 31 декабря, а у него будто семьи нет.

Крупицын был ее начальник в конторе по геодезической

разведке, куда она устроилась помощником руководителя. И он прекрасно знал, что у Лены семьи нет, три года назад она потеряла мужа, и можно заставить ее поработать, а еще получить от нее больше, чем вежливые улыбки. Даже в свои 45 лет, будучи вдовой, она оставалась очень красивой женщиной, с какой-то внутренней тенью, загадкой. Крупицын, словно мальчик, всегда хотел сломать ее, как игрушку, чтобы посмотреть, что внутри. И когда она осталась вдовой, запретные желания женатого начальника стали приобретать конкретные очертания, выражавшиеся в куче дополнительной работы в неурочное время и сальных шуточек в пустынном вечернем офисе. Да только птицей он был мелкой, таких Лена Шарафеева ела на завтрак даже без соли, аккуратно выплевывая их чахлые перышки на тарелку.

Они прожили с Данилом 19 лет, переехали в этот провинциальный город Поволжья, скрываясь от гончих Маркова, а спустя лет пять узнали, что тот отбыл в мир иной, куда был отправлен конкурентами, и прятаться смысла уже не было. Но муж и жена прикипели к этим местам с яркими морозными зимами, горами и лыжами, к жаркому ягодному лету, к широкой реке, вплотную подступавшей к жилым массивам, к железной дороге, уютно стучавшей и гудевшей под боком города.

И вот сейчас Данила, ее спасителя, не стало.

– Скажи, зачем мне это место без тебя? – спросила она, глядя на фотографию.

– Вот и я не знаю, зачем, – сказала она, как будто услышала его ответ.

Лена все чаще задумывалась над тем, чтобы вернуться в свой родной город, к родителям. После того как преследования Маркова прекратились, она дала о себе знать родителям, и старики простили дочь за несколько лет молчания, простили за то, что уже похоронили в мыслях свою красавицу, и обрадовались, когда она нарисовалась на пороге их, словно замершей в советской эпохе, квартиры. Они полюбили и Данила, приняли как сына, а потом убивались, узнав, что зять погиб.

– Мама говорит, что у них там тоже неплохо. Что можно купить хорошую трешку, если продать нашу с тобой квартиру, – продолжала Лена разговаривать с фотографией.

На экране телевизора появился президент, он по-отечески произнес: «Дорогие россияне!», и Лена многозначительно приподняла бокал. Потом начали бить куранты, и она осушила бокал.

– Пора спать! – сказала вслух вдова и выключила телевизор.

Она больше не позволяла себе плакать. Но тут ей стало так тоскливо, что слезы сами собой покатались из глаз. За окном бушевал Новый год, а Лена тихо лежала в одиночестве, в маленькой квартирке на последнем этаже и даже не представляла, как жить дальше.

Они часто мечтали с Данилом: то о том, что переедут на-

всегда жить к морю, то о том, что построят дом, и еще о том, что возьмут на воспитание мальчика из детского дома. Ничего из этого они сделать не успели.

– Одна я не потяну, – прошептала Лена под одеялом и вытерла слезы.

На улице опять бахнуло. Потом начал попискивать телефон. Это посыпались в вотсап поздравления с Новым годом: открытки, пожелания.

– Да что это такое! – Лена села на кровати и взяла в руки светящийся экран. Начала листать мессенджер и среди кучи картинок наткнулась на сообщение от Галины Сергеенко, давно забытой школьной подруги.

«Дорогая Лена! От души поздравляю тебя с Новым годом! Пусть все у тебя будет хорошо! Сто лет с тобой не виделись, а тут на днях столкнулась с твоей мамой, она дала твой телефон. Не собираешься ли ты к ней на зимних выходных? Очень хотелось бы с тобой повидаться».

У Лены от неожиданности даже высохли слезы.

«С Новым годом, Галина! Спасибо, что написала. К родителям собиралась на пару дней заглянуть. Обязательно надо увидеться», – застучала по буквам Лена и замерла в надежде на быстрый ответ. Но, видно, ее сообщение затерялось в точно такой же свалке поздравлений, которые были и у Гали, поэтому ответ пришел только утром.

«Напиши, как приедешь, буду ждать».

За эти годы Лена привыкла к закрытой жизни, кардиналь-

но отличавшейся от той, что она вела в молодости. Постоянный страх заставлял подозревать каждого нового человека в окружении. Поэтому Данил стал ей и мужем, и подругой. Им хватало общества друг друга, так что пара не стремилась заводить с кем-то близких отношений. Правда, в последние годы муж пристрастился к рыбалке, у него появился свой круг общения. От него-то он и погиб, считала Лена, – не поедь он в тот декабрьский день на рыбалку, ничего бы не случилось.

Когда Данил умер, Лена поняла, насколько одинока, в 45 лет очень трудно начать жить по-новому, выйти в люди. Поэтому она так обрадовалась сообщению Гали.

Лена помнила, что у нее должен быть совсем взрослый сын, которого подруга родила в 18 лет. Больше ничего о ее личной жизни известно не было. А ей хотелось приехать к семейству Гали с подарками и, как всегда, поразить щедростью и оригинальностью, поймать на себе восхищенный взгляд Гали. Лена долго продумывала, что бы такое купить.

Зарабатывала она нормально, ей хватало. Тот капитал, что когда-то удалось выручить за драгоценности и валюту и вывезти из осинового гнезда Маркова, был потрачен на эту самую квартиру в новостройке, ремонт, покупку машины и житье в первый год, пока оба искали себя на новом месте. Так что теперь Лена вела абсолютно среднестатистическую жизнь служащей в коммерческой фирме, с зарплатой повыше, чем в бюджете, но пониже, чем на топовых должностях.

Уже 2 января она бродила по местным торговым центрам

в поисках подарков родителям и Гале.

Своим старикам она давно присмотрела соляную лампу, отец страдал легкими, ему было полезно подышать целебным воздухом. А что делать с Галей?

Лена внимательно рассмотрела ее фото на аватарке в ватсапе. С него смотрела уверенная в себе женщина с модной стрижкой и цепким взглядом.

«Простушкой теперь тебя сложно назвать», – подумала подруга. Она решила зайти в один магазинчик, где продавали парфюмерию, это были нишевые дорогие ароматы, которые не завозили в обычные торговые сети.

Еще с юности, когда у Лены были совсем другие возможности, она увлеклась духами, у нее даже была коллекция редких ароматов. Теперь, конечно, тратить деньги на роскошную ароматеку она позволить себе не могла, но продолжала раскошелиться на одну классическую французскую туалетную воду. Лена решила купить флакон своего любимого аромата и подруге детства.

Ей хотелось поразить Галю, как когда-то в детстве. Лене припомнилось, как та выбирала всегда то, что предпочитала она. Покупали мороженое – Галя всегда ждала, что выберет подруга, и покупала шоколадное, хотя больше любила фруктовый лед. Появились экзамены по выбору, и Галя выбирала географию, хотя терпеть ее не могла. Лена понимала, что одноклассница просто хочет быть рядом, вместе готовиться и трястись перед дверью кабинета, вместе переживать за оцен-

ки и возможные ошибки.

В детстве Шарафеева не задумывалась над этими мелочами, а сейчас они одна за другой всплывали в памяти.

«Ее сыну покупать ничего не буду. Сколько ему сейчас? Ого, уже 27 лет. Наверное, он не живет с матерью. А интересно, есть ли у нее муж?» – рассуждала Лена, пока бродила по магазинам.

Почему-то она не могла написать подруге и прямо спросить об этом. Казалось, что та начнет выпрашивать в ответ, а писать походя в ватсап о том, что Данил погиб, ей не хотелось. Память о муже требовала более бережного отношения.

В каком-то из магазинов она обратила внимание на витрину, где были выставлены странные предметы: какие-то деревянные коряги, сплетенные в пучки веточки на кожаных шнурках, темные деревянные фигурки животных, почему-то захотелось купить.

– Что это у вас? – спросила она у розововолосой девчонки с татуировкой странного эльфа на внутренней стороне запястья.

– Это обереги, – охотно ответила та.

– Какой-то особенный шаманский культ? – Лена, как дипломированный филолог, неплохо разбиралась в таких вот фольклорных мелочах.

– Древняя мордва поклонялась деревьям.

– Можно мне оберег?

Девушка бегло оглядела покупательницу от макушки до

пояса, дальше мешал прилавок.

После паузы под нос прошептала:

– Сорванный цветок, вдова, одиночество.

Она покопалась по ящикам и извлекла браслет из почти черных деревянных бусин, одна из них оказалась в форме женской фигурки без головы.

– Это сбережет вас от ошибок в любви, – девушка помедлила секунду, прежде чем передать покупательнице оберег. – Есть теория, которая утверждает, что наши места когда-то давно заселили выходцы из древней Индии, а наши реки называются словами из санскрита, например, Кама – на этом языке означает «желание», его же мы можем встретить в названии знаменитой «Кама-сутры». Бойтесь своих желаний.

У Лены даже в теплой шубе пробежал холодок по спине.

– Спасибо, – выдавила она.

– Наденьте сейчас, – вроде как посоветовала продавщица, а на самом деле как будто даже приказала.

«Никаких у меня желаний нет. Какая еще Кама-сутра», – Лена сидела в машине и разглядывала браслет.

2.

А 3 января она уже вновь была за рулем и ехала в родной город.

Он встретил ее как обычно – хмуро. Сначала на въезде потянулись мрачные корпуса завода, припорошенные серым снегом. В морозное небо уходили столбы белого дыма. Люди, стоявшие на остановке рядом с проходной, каза-

лись мелкими черными букашками на фоне гигантских заводских зданий. Вдоль дороги тянулись билборды с рекламой: какие-то улыбающиеся дети, корзины с фруктами, радостные домохозяйка на фоне бань. Они подчеркивали трезвость пейзажа. Особенно бросалась в глаза реклама магазина нижнего белья «Гипюр». Томная полуголая красавица в красном пеньюаре как-то не вязалась с мёрзнувшими на остановке людьми. Лицо девушки показалось Лене каким-то знакомым.

«Как будто здесь все друг другу родственники. Мистика». – Ее мысли все еще были настроены на волну, которая начала разгоняться вчера в странном магазине мордовских берегов.

Из транса ее вывел резкий сигнал: она задумалась и замешкалась на светофоре, местные водители такого ротозейства не потерпели. До родительского дома она ехала притихшая и даже испуганная.

Это ощущение вроде как притупилось, когда Лена вошла в квартиру. Родители встретили ее как обычно: радостно и суетливо. Мама притворно покрикивала на папу за его нерасторопность, папа подхватывал игру и с еще большим усердием помогал дочери снять шубу, освободиться от сумок. В комнате уже ждал накрытый стол. Как же приятно в родительском доме видеть знакомую с детства посуду, чувствовать запах маминого Нового года, ее фирменной утки и торта «Наполеон», дожидаящегося своего часа на балконе.

Лена словно открыла собственное законсервированное детство.

– Хорошо у вас, – искренне выдохнула она и, подсчитав на столе приборы, спросила:

– А кто еще будет?

– Тетя Света с дядей Пашей. Ну и все. Узким кругом, – ответила мама. – А ты как планировала? С нами посидеть, а потом пойти куда-то?

– Меня Галя к себе в гости звала. Помнишь мою одноклассницу?

– Кто ж ее не помнит, ее в городе многие знают. Они с мужем бизнес держат: магазин шуб «Инна» и магазин нижнего белья «Гипюр». А ты куда, к ним в коттедж собралась?

– Да я и не знаю. – Лена была растеряна. – Мы пока не договаривались. А они в коттедже, значит, живут?

И тут ей резко расхотелось дарить Гале духи и вообще идти в гости.

– Видела рекламу этого магазина у заводов, нелепо, конечно, – как-то мстительно сказала Лена.

– Ага-ага, – мама мелко закивала головой. – Там еще ее дочка. Красавица просто!

– То-то, я думаю, напоминает мне кого-то, видно, на Галю похожа, – опять не сдержала яда Лена.

Но мама ничего не заметила.

– Наследница империи, – даже как-то с гордостью сказала она.

– Тоже мне империя, – усмехнулась Лена. – У нее же сын был? Он тоже наследник?

– Говорят, в Москву уехал, у него там свой бизнес, – многозначительно по-старушечьи подняла палец вверх мать.

В комнату вошел отец, и разговор закрутился в другую сторону.

То, что у дочери не было детей, больно ранило родителей Лены. Они не обсуждали это ни с ней, ни со знакомыми, но между собой, в минуты особой близости, горько вздыхали, а иногда даже пеняли небесам: за что им такая старость без нормальных забот нормальных бабушки и дедушки?

Когда же разговоры случайно заходили о чужих детях и внуках, мама Лены как-то преувеличенно рассказывала об их достоинствах, будь то внешность или способности в учебе.

Вот и сейчас, за праздничным столом, при гостях, когда они уже украдкой расслабили ремни, чтобы новогодние угощения лучше уложились в животах, мама вдруг спросила:

– Так ты к Галине-то идешь?

– Не сегодня, мама.

– Лена у нас дружит со школы с Галей Сергеенко, – с гордостью сообщила мать. – Не разлей вода девочки были. Галина уже тогда была хваткая. Я всегда говорила: далеко пойдет.

Вообще-то ничего подобного она никогда не говорила. Лена слегка поморщилась и подумала: «Если бы ты знала,

на какие вершины забиралась твоя собственная дочь, не восхваляла бы эту провинциальную бизнесвумен с ее доморощенной рекламой дуры в халате».

– А наш Сережа развелся, – ни с того ни с сего сообщила тетя Света.

– Батюшки, когда успел? – Мать живо реагировала на любые матримониальные новости.

– Ой, да вот уже три месяца как. И ведь жили 20 лет, сына вырастили, чего не хватало? Ну это не мое дело, – пожала плечами гостя, всем видом показывая, что дело вроде как не ее, но на самом деле очень даже ее. – Молодежь нынче не о семье думает.

– Ой, тетя Света, вы это про кого «молодежь» говорите? Нам всем уже хорошо за 40, а кому-то и под полтос подкапывает, – засмеялась Лена.

– А ты не смейся, вы для нас всегда молодежь, – назидательно ответила тетя Света.

В дверь позвонили.

– Это наш Сережа пришел, – сообщил дядя Паша, он на машине, обещал забрать и до дома довести.

Лена смутно помнила этого Сережу. В детстве они пару раз оказывались вместе под столом, пока родители отмечали очередной праздник. Там они устраивали свой сабантуй: ставили на полки, которые всегда имеются под столешницей у стола-книжки, тарелки и стаканы с лимонадом, складывали бумажные салфетки в самолетик и рассказывали друг дру-

гу дворовые детские анекдоты. Потом играть вместе стало неинтересно, потому что Сережа был старше Лены на пять лет, и быстро перестал приходить в гости вместе с родителями в хлебосольный дом Шарафеевых.

А вот сейчас заглянул.

Мужчин своего поколения Лена делила на два больших типа.

Первые – это люди со сложными взаимоотношениями с алкоголем. Тут было два подтипа: те, кто с разной степенью усердия принимает горячительные, и те, кто решительно и мучительно отказался от спиртного, при этом несет свой сверкающий меч трезвенника, указывая окружающим, как они обязаны жить. Среди второго подтипа водились фанатики религии, зожники и эзотерики.

Второй тип – мужчины, равнодушные к алкоголю. Тут тоже, по классификации Лены, было два подтипа. У одних была жизнь слишком насыщенная работой, им было просто некогда зависать с друзьями по барам, в общем, трудоголики. У других была слишком дружная семья с детьми, каждый из которых требовал личного участия отца в воспитании, сам процесс которого такой мужчина очень любил. Ну и жену обычно такой типаж боготворил.

Лена попыталась привычно просканировать Сергея. Он выглядел явно моложе своих лет, одет тщательно и модно, без арбузного живота и даже без лысины. Для мужчины под пятьдесят это было очень прилично.

«Или зожник, или трудоголик», – подумала Лена.

– Сережа, ну что же ты стоишь, проходи, садись. Сейчас будем тебя кормить, – засуетилась хозяйка.

– Добрый вечер, тетя Оксана, что-то я вроде и не голодный. – Сергей улыбнулся вежливо и холодно. – Привет, Лена, тысячу лет тебя не видел.

– С самого детства уж и не видел, – встряла тетя Света. – Давай хоть чай попей.

Было видно, что посиделки с престарелыми родителями не входили в планы этого серьезного человека. Он еще раз взглянул на Лену и коротко сказал:

– Хорошо.

Тут же старшие женщины засуетились, одна побежала за чистой тарелкой и вилкой, другая затараторила:

– Ты с семьей-то виделся? Новый год ведь на дворе, надо поздравить.

– Мама, не сейчас, – скупое ответил Сергей.

– Чего уж и не сейчас, а когда? Я вообще когда тебя вижу? Ты когда к нам заходишь-то? Собственного сына не видела уже месяц.

Лена, как опытный дипломат, поняла, что надо остановить этот дурацкий диалог за новогодним столом:

– Если честно, я в родном городе сто лет не была. Тут все так изменилось, будто в незнакомое место приехала. Мне точно надо экскурсию устраивать, чтобы хоть как-то ориентироваться.

– Ой, да ты знаешь, у нас тут парк отремонтировали, ну тот, что в сосновом бору, теперь одно удовольствие гулять. Там и скамейки поставили, и иллюминацию включают, и кафе открыли, – пришла ей на помощь мать.

– Тетя Оксана, очень вкусно, – с благодарностью то ли за «Наполеон», то ли за нейтрализацию материнских нападок проговорил Сергей.

– А вот ты, Сережа, Лену бы и сводил, показал ей город. Она к нам на несколько дней приехала. Так ведь? – Хозяйка обернулась к дочери и не видела, как мать Сергея подняла к потолку глаза. Ей явно не нравилось, что беседа начала утекать не в то русло.

– Да, конечно, – формально согласился гость.

– Вот и славно, – встрял дядя Паша, словно спасая сына от ненужных обещаний. – Теперь доедай и домой поехали.

«Все же трудоголик, не зожник», – вынесла свой вердикт Лена.

– Я с одноклассницей завтра встречаюсь, она мне город и покажет.

Сергей поблагодарил, вытер рот салфеткой и встал из-за стола.

– Одноклассница потом, я город покажу, – без эмоций поставил он точку в разговоре.

Лена знала эту интонацию у мужчин с достоинством, поэтому точно так же с достоинством коротко согласилась:

– Хорошо, я оставляю тебе свой телефон. Созвонимся по-

слезавтра. У меня все же завтра встреча с одноклассницей.

Сергей оценил такой подход и коротко кивнул головой.

3.

У Галя оказалось неожиданно хорошо. Лена, признаться, удивилась. Просторный дом с высокими потолками, добротными темными дверями и паркетом, массивной лестницей в цвет, приглушенными бледно-фисташковыми стенами, тяжелыми матовыми портьерами без вензелей и кистей не вязались в голове столичной подружки с провинциальной бизнесвумен, разбогатевшей на челночной торговле.

Галя заметила одобрителный взгляд.

– Нравится? – с совершенно детской интонацией спросила она. – Это все дочка. Она у нас на дизайнера учится.

– Говорят, красавица, – вспомнила вчерашний разговор гостя. – Видела ее в красном пенюаре на рекламе.

Галя смешно махнула рукой, как будто среди зимы увидела комара и попыталась от него отбиться.

– Любит она у нас покрасоваться.

– Ну есть чем.

– Вот и мне все говорят, я а думаю, что глупо она выглядит там. Ну да ладно.

Впервые в жизни эти женщины поменялись местами. Лена с каждым шагом, с каждым взглядом чувствовала, как ее колет зависть. К фисташковым стенам, к продуманному убранству стола, украшенному сосновыми ветками и хрустальными подсвечниками, к запаху богатства.

– Это тебе. – Лена протянула коробочку со своим подарком – любимыми духами.

– Ой, что это у тебя? – поймала ее за руку Галя. На запястье болтался оберег.

– Говорят, спасает от ошибок в любви, – усмехнулась гостья.

– Ты с этим делом никогда не ошибалась.

Лена пожала плечами, ей не хотелось разочаровывать школьную подругу.

– Ну это так, на всякий случай. А вдруг...

– У меня тоже для тебя подарок есть, он в спальне. Пошли, я заодно и дом тебе покажу. Ничего особенного, конечно, но нам нравится, всю душу, как говорится, вложили. – Галя не могла отделаться от какой-то глубинной привычки приносить при Лене свои достижения, словно не позволяла себе сиять, чтобы случайно не затмить свою звездную подругу.

– А где все твои? – не удержалась Лена.

– Муж решил нам с тобой не мешать болтать по душам. Ушел к соседу-приятелю в баньку попариться. Дочка живет отдельно, сын – в Москве.

– Ты уже бабушка?

– Представь себе, даже не верится. У Матвея тоже сын родился, уже два года нашему малышу.

– И как они с твоим мужем? Он же ему отчим.

– Он его за отца считает, родного-то, можно сказать, и не застал.

Лена покачала головой. Ей стало стыдно. Она отчетливо вспомнила, как когда-то Галя звонила ей, просила помочь, рассказала, что осталась одна с ребенком на руках. Но Лене тогда было не до нее. Она машинально потрогала деревянный браслет на запястье.

– Я ведь тоже вдова. У меня муж три года назад на машине разбился.

Галя остановилась на лестнице, по которой они поднимались, и Лена, не рассчитав движения, врезалась ей в спину.

– Ой!

Мгновенное касание подруг, которые держались холодно-вато вежливо, будто и не было у них совместных ночевок, битв подушками и ночных рассказов под одеялом о страшном темном монахе или симпатичных мальчишках, сдвинуло камень, не дававший роднику течь.

– Лена, боже мой! – Галя обняла подругу, продолжая стоять на ступеньку выше. В таком положении они оказались одного роста.

Хозяйка дома сама не могла объяснить, почему эта новость ее так тронула. Хотя все было ясно как день: вдруг Галя поняла, что и у звездной подруги может быть свое горе, своя беда, точно такая же, как и у нее, простой челночницы Гали.

Именно в присутствии Лены это слово так и всплывало в голове у хозяйки богатого дома, словно перекрыло ее нынешнее положение уважаемой в городе бизнес-леди. Ведь у нее были не только магазины, но и фабрика по производству

нижнего белья, и еще одно предприятие чулочно-носочного профиля, она была депутатом горсовета, власти с уважением смотрели на эту хваткую женщину, нет-нет, да и обращались к ней за помощью: то просить денег на городской праздник, то поучаствовать в благотворительной акции, то отремонтировать муниципальное здание. Но Галя все равно ощущала себя челночницей, пока рядом стояла Лена.

– Все в порядке, я уже привыкла. – Гостья шагнула на ступеньку и оказалась опять выше Гали. Та слегка суетливо, как в детстве стесняясь, пригласила ее в спальню.

Переживать ей было абсолютно не за что. Комната была будто списана с картинки современных европейских журналов по архитектуре и дизайну. Очень продуманный интерьер, с камином из настоящего мрамора и живыми цветами в странновато-авангардных вазах.

Обычно на этом месте новые подруги Гали делали «ах!», но не Лена. Да Галя и не рассчитывала ее удивить, ей вдруг показалось, что этот интерьер больше похож на комнату в европейском

отеле, а значит, не достоин похвалы Лены.

– У тебя уютно, – призналась та.

– Садись, сейчас достану, – и Галя полезла куда-то в прикроватную тумбочку.

– Вот, это тебе подарок, с Новым годом! – Она протянула небольшую коробку цвета кофе со сливками.

Утопая в кресле у камина, Лена поставила на колени подарок и сняла крышку.

– Откуда ты это взяла!?! – не сдержалась она, когда увидела, что лежало в коробке.

– На барахолке. Нравится?

– Конечно, ну ты даешь! – Вот и еще одна течь появилась в скале, выросшей на месте их дружбы.

В подарок она получила фарфоровую статуэтку дамы и кавалера, которые были когда-то украшением зажиточных советских домов, стояли в серванте. Была точно такая же и в доме у родителей Лены, девчонки любили с ней играть и как-то разбили. Тогда им хорошенько влетело.

Кавалер в розовом камзоле пытался приобнять даму в пышном платье с высокой прической, которая жеманно от него уклонялась.

– Надеюсь, у тебя такой нет, – улыбнулась Галя.

– Надо маме показать. Помнишь, как она тогда ругалась?

– Это просто невозможно забыть. Я тогда впервые узнала, что твоя мама знает такие слова.

Они обе засмеялись, и Лена бережно положила фигурку обратно в атласное нутро подарочной коробки.

– А помнишь, как ты мне завидовала, что у нас дома есть тот смешной маленький серебряный чайничек, который мы тайне от мамы брали поиграть и наливали в него воду для кукол? – Лена встала.

Конечно, Галя помнила, она много чего запомнила, что

было у Лены и не было у нее.

Когда женщины уже сидели за красивым столом и доедали десерт, Галя не сдержалась:

– Лена, скажи честно, а ты мне когда-нибудь хоть в чем-нибудь завидовала?

– Я тебе сейчас завидую, – призналась она и потеревила brasлет из деревянных бусин.

– Честно? – Галя порывисто подалась вперед, как будто хотела поймать эти слова рукой и накрыть, как маленькую птицу, ладонью, но она только судорожно взялась за чашку.

– Ты даже не представляешь. Вот смотрю на тебя и понимаю, что мои ошибки молодости слишком дорого мне стоили.

– Мне казалось, что ты никогда не ошибалась. Университет, большой город.

– А потом у меня все пошло под откос. Потому что я стала игрушкой в руках непорядочных и циничных мужчин. Тогда меня спас мой муж.

И Лена шаг за шагом рассказала школьной подруге, что пришлось пережить. Как они прятались в глуши от мстительного Маркова, как после светских фуршетов в коктейльных платьях она оказалась в богом забытой деревушке, где даже туалет был на улице, хорошо хоть баня была. Как она много раз переживала выкидыши. Как потом они вернулись в город и стали заново устраивать свою жизнь буквально с нуля. Как она потеряла своего любимого Данила, как приходила в

морг на опознание тела. Как плакала ночами в подушку, а потом шла на работу подносить чай и заполнять канцелярские бланки.

Галя слушала и не перебивала, это она умела делать виртуозно. Лишь время от времени ее брови то взлетали вверх, то хмурились.

Когда свечи в дизайнерских подсвечниках оплыли, Лена прервала сама себя и весело произнесла:

– Да что все обо мне? Ты-то как?

– А у меня все по стандарту. Бизнес, муж, дети. Хлопоты, в общем, – пожала плечами Галя.

– Ну бизнес-то у тебя неплохой. – Лена обвела рукой гостиную.

– Да я и не жалею. Спасибо мужу, конечно. Если бы не его амбиции, торговать мне до сих пор на рынке трусами. Мне всегда казалось, что я не достойна всего этого. Признаюсь, я и сейчас иногда просыпаюсь ночью и думаю: почему бог дал мне такую жизнь? И не могу ответить, потому что до сих пор кажется, что он что-то перепутал.

– Брось, все мы достойны того, что с нами происходит.

Где-то запищал телефон.

– Это мой. Мама, наверное, волнуется, – встала Лена, чтобы найти свою сумочку.

– Ты надолго к ним приехала?

– Рассчитывала до Рождества.

Она взяла трубку.

– Добрый вечер, – послышался в ней мужской голос. – Это Сергей.

Лена потрогала свой браслет, как будто попыталась высечь из него волшебную искру, которая сбережет от ошибок в любви. Вообще-то мордовские шаманы ей это обещали.

4.

Гулять по новогодним улицам – одно удовольствие. Пусть идет снег, пусть иллюминация не такая шикарная, как в больших мегаполисах, пусть городское убранство застряло в прошлом столетии, все равно теплый свет гирлянд падает на счастливые лица, дети с визгом едут с горок, и даже самые строгие папаши запрягаются в санки, чтобы прокатить с ветерком своих малышей.

Как и обещал, Сергей позвонил Лене, чтобы показать ей изменившийся город. Они шли по заснеженной набережной. Когда-то, во времена ее детства, именно тут наряжали главную городскую елку. Теперь место изменилось, но не стало хуже. На реке расчистили лед, поставили ограждения с фонариками, получился каток.

Вместо елки гирляндами украсили фигуру лося, отлитого из сплава латуни, он считался негласным символом города и стоял на постаменте, строго глядя в темную даль реки.

Появились модные светодиодные белые медведи, Деда Морозы, Снеговики, таких можно было купить в любом интерьерном магазине столицы, ими украшают свои участки зажиточные горожане. Ну а мэрия небольшого городка ку-

пила их для набережной.

Лена шла в ногу с Сергеем и, признаться, уже начала подмерзать, пальцы на ногах стали будто стеклянные. А спутник вроде и не замечал, что она потуже натянула капюшон, поглубже засунула руки в карманы.

– А вот ржавый корабль уже десять лет стоит на прико-
ле. Летом на его палубах любит загорать молодежь. – Сергей указал на темный силуэт судна, упершегося носом в берег.

– Ой, а там свет горит, – заметила Лена. – Там, наверное, кто-то и сейчас есть.

Ей было так холодно, а желтые иллюминаторы светились так приветливо, что захотелось во что бы то ни стало оказаться в теплой кают-компании.

– Заглянем? – с надеждой спросила она.

– А можно?

– Ой, все равно. Холодно очень.

Лена не стала ждать Сергея и решительно направилась к катеру, стараясь попадать в след какого-то предыдущего человека, шедшего через сугробы к судну. Незадачливый кавалер еле поспевал за ней, озабоченно сопя где-то за спиной.

Следы вывели к ржавой лестнице, по которой можно было подняться на корабль. Лена не раздумывая полезла наверх, предвкушая тепло и преодолевая ломоту в пальцах, превратившихся в ледышки. Сергей продолжал сопеть позади.

Она толкнула первую дверь, что попалась ей на глаза. Та легко поддалась. В лицо пахнуло жаром и запахом восточных

благовоний. На нее обернулось сразу несколько человек. Все они расположились на полосатых тюфяках, разбросанных по деревянному облезлому полу помещения. Многие держали в руках чашки. Было видно, что компания прервала какую-то оживленную беседу, чтобы взглянуть, кто заглянул в их обитель.

А кают-компания была очень своеобразной. На деревянных панелях висели репродукции каких-то тибетских гор, красные свитки с непонятными иероглифами, флаги, сплошь увешанные советскими значками. На полках стояли потрепанные книжки, а свет шел от ламп, больше похожих на керосинки. По правую руку от входа располагалось нечто, напоминавшее барную стойку. На ней стоял самовар, тарелка с печеньем и конфетами. Хозяйством заведовал человек в клетчатой байковой рубашке. Он первый приветствовал гостей:

– Добрый вечер, добрые люди, мы как раз вас и ждали.

Лене было так холодно, что вникать в такое странное сообщение она не стала и сердечно ответила:

– Добрый вечер, можно у вас погреться?

А вот Сергей напрягся и втянул голову в плечи.

– А, собственно, почему вдруг вы нас ждали? – с вызовом спросил он.

Собравшиеся переглянулись и над тюфяками прошеле-стел легкий смех. Они были примерно ровесниками Сергея и Лены, не молодежь, но вели себя как-то странно, словно

застряли в юности. И одеты были слишком ярко для тех, кто уже разменял пятый десяток.

– Вы не бойтесь. Ничего плохого, – заговорила женщина, она еле выбралась со своего низкого сидения, поставила чашку на пол и подошла к гостям. – Мы психологи, у нас тут небольшой новогодний корпоратив и заодно шуточный тренинг. Мы решили, что тот, кто сейчас войдет в эту дверь, будет нашим учителем на ближайший час. Вам есть что нам рассказать, чему научить? – с улыбкой спросила она.

– Товарищи, а вы тут вообще законно собрались? На заброшенных катерах, что ли, можно лампы жечь? – Сергей суетливо, но с вызовом обратился к людям, показавшимся ему максимально подозрительными.

Психологи переглянулись.

– Спасибо, это важный урок. Вы учите нас выдержке и смирению. Хотите чаю с печеньем? – обратился к нему человек в клетчатой рубашке.

– Нет, – резко, но уже не так агрессивно ответил Сергей. – Мы пойдем.

– Ну уж нет, никуда я отсюда не уйду. Мне холодно, и я устала. Спасибо, я точно буду чай. Можно мне погреться? – Лена улыбнулась.

– Конечно! – Из самовара зажурчала вода. – Садитесь, где хотите, можно ближе к печке.

В кают-компании и правда потрескивала дровами «буржуйка».

– Лена, ты что! Пойдем! Что это еще за хиппи такие?

– А остаюсь, извини.

– Я все твоей матери расскажу!

Все засмеялись.

– Нечего гоготать, – обиженно крикнул Сергей. – Я этого так не оставлю!

Он хлопнул дверями и удалился.

– Так вас, значит, Лена зовут? – доброжелательно спросила женщина.

– Да. – Гостья уже присаживалась около «буржуйки», протягивая к ней озябшие ноги.

– А ваш муж не будет против того, что вы здесь остались?

– Он не муж. Это было первое свидание, так сказать. – Лена отхлебнула чай, который оказался на удивление хорошим.

– Смело вы с ним. Особенно на первом свидании.

– Я не привыкла, чтобы мной руководил идиот. – Лена продолжала пить и наслаждаться теплом.

– Спасибо вам за урок, – откликнулся кто-то с соседнего тюфяка. – Очень ценный совет.

Гостья пожала плечами:

– Вы шутите?

– Ни разу. Если бы вы знали, как много людей страдают от того, что в их жизни есть идиот, которому они по какой-то причине подчиняются или живут с ним десятками лет.

Тут кто-то предложил:

– А теперь давайте играть в ассоциации.

Народ одобрительно закивал голосами.

– Давайте по часовой стрелке. Значит, выходит Гриша.

Лена увидела, как с места поднялся мужчина в толстом красном свитере с белыми снежинками на животе, которые слегка на нем растянулись. Он был похож на располневшего и чуть постаревшего Геркулеса, но не растерявшего с годами обаяния самого сильного человека Древней Греции.

– Только чур до пяти вопросов, – сказал Гриша, почесал кудрявую шевелюру, в которой можно было разглядеть серебряные нити, и почему-то подмигнул Лене.

Он вышел за дверь на мороз, даже не накинув куртки.

Давайте загадаем Лену, – предложил хозяин самовара. – Вы же не будете против?

Гостя была заинтригована, поэтому согласилась.

– Гриша, заходи! – крикнула одна из участниц игры, звякнув металлическими серьгами и браслетами.

В клубах пара с мороза ввалился постаревший Геркулес.

– Это женщина? – спросил он.

– Да! – дружно ответила компания.

– Она темненькая?

– Да! – опять грянул гром голосов.

– Она умеет вязать морские узлы?

– Следующий вопрос! – был ответ.

– Ага! Значит, вы этого не знаете, – усмехнулся Гриша и покосился на Лену.

– Она замерзла?

– Да!

– Это наша гостья и учитель разговоров с идиотами Лена.

Угадал?

– Угадал, – загомонила веселая компания.

– По правилам игры теперь вам выходить, – сказал Гриша. – Вы как, отогрелись?

– Не до конца.

– Ну что, пожалеем Лену, разрешим ей не выходить, а просто зажмуриться и заткнуть уши? – Было видно, что Гриша в своей стихии. Он был из породы тех, кто любит выходить на авансцену, быть центром внимания.

– Разрешим, – засмеялась странная компания.

Лена послушно, как в детстве, заткнула пальцами уши и добросовестно зажмурилась.

– Давайте загадаем Лешу, – предложил Гриша.

Человек за самоваром усмехнулся:

– Загадывайте.

Гриша наклонился к Лене и легонько тронул ее за плечо:

– Лена, открывайте глаза, мы загадали.

От этого легкого прикосновения у нее побежали мурашки, она знала, что это была рука Гриши.

– Это мужчина? – жмурясь на свет лампы, спросила Лена.

– Да!

– У него снежинки на свитере?

– Нет!

– Он сидит?

– Нет!

– Он стоит у самовара?

– Да!

– Это вы. – Лена указала пальцем на Лешу и засмеялась. –

Как вас зовут?

– Леша, будем знакомы.

Лена поняла, что попала именно туда, где так давно хотела оказаться – в компании веселых и остроумных людей. А еще тут оказался Гриша, стареющий Геркулес.

– Можно к вам присоединиться? – спросил он и протянул руки к «буржуйке».

– Можно я буду называть вас Геркулес? – ответила Лена и подвинулась, давая ему возможность приблизиться к огню.

Галина

1.

Этот Новый год Борис и Галина решили провести дома. Обычно они улетали в Доминикану, чтобы встретить зимний праздник под пальмами. Но на этот раз захотелось остаться среди снегов и сосен.

Галина с особенным удовольствием ходила по магазинам, покупала продукты на праздничный стол, за которым по планам никого постороннего не намечалось. Они с Борей да дочка. Сын из Москвы приезжать не собирался, у него там свой Новый год.

Если честно, Галя в глубине души даже обрадовалась этому обстоятельству. Как только Матвей вошел не в самый приятный подростковый возраст, отношения Бориса и приемного сына резко испортились и больше никогда не стали прежними. Муж говорил ей, что в мальчишке бурлит «порченная кровь отца-гопника», сын с обидой сообщал, что «этот мужик не имеет права ему указывать, он ему не отец». Но для посторонних людей у них была идеальная семья. Они дружно, все вместе, приходили на городские благотворительные вечера, светились в местных СМИ, улыбались и фотографировались.

Для всех отъезд Матвея в Москву, его поступление в вуз, а потом и жизнь в столице были логичным продолжением

общего успеха. Но отношения между отчимом и сыном были такими, что для благополучия семьи кто-то из них должен был уехать. Борис не поскупился ни на учебу, ни на жилье, ни на бизнес для пасынка. Делал он это не только ради любимой Галя, но и ради себя – ему гораздо легче дышалось, когда рядом не было раздражителя в виде Матвея. Он его бесил своей чересчур, как ему казалось, наглой манерой общаться с людьми, агрессивностью, неумением опускать глаза и молчать.

Галя с мужем не спорила, хотя считала, что именно эти качества в сыне и принесут ему успех в жизни и работе. В бизнесе без них никуда.

В общем, Галя нынче с особым настроением готовилась к Новому году, ей хотелось удивить домашних чем-нибудь экзотическим, искала интересные рецепты, закупала необычные продукты. В тот день она оказалась в микрорайоне детства, где не была сто лет, приехала в небольшой фермерский магазинчик за деревенской индейкой.

– Галя, это ты? – услышала она женский голос около прилавка.

– Тетя Оксана? – Галя обернулась и тут же узнала в пожилой женщине мать Лены.

– Как ты к нам сюда попала? Давно тебя видно не было.

– Магазинчик тут у вас хороший. Как ваши дела? Как Лена? – Галя задавала невинные вопросы, но в глубине души у нее вдруг заворочался давно спавший дракон, охранявший

ее тайную комнату комплексов и чувств к школьной подруге.

– Нормально, вот собирается наведаться к нам на новогодних выходных. Я в этот магазин редко хожу, дороговато для нас, но ради Леночки решила заглянуть. Тут сметана больно уж хорошая, деревенская.

– А вы мне ее номер не дадите? Хотелось бы увидеться.

– Конечно, записывай, – и тетя Оксана полезла в карман за телефоном. Она с таким серьезным видом стянула с себя перчатки, так сосредоточенно начала водить пальцем по экрану, щурясь и хмуря брови, что Галя тут же вспомнила, как девчонками она наказала их с Леной за разбитую фарфоровую статуэтку. Точно так же сощурившись, она тогда процедила: «Ну-ка живо домой. И матери твоей я все расскажу».

В этот момент у Гали сердце упало в пятки, не то что бы она так сильно боялась своей мамы, ей стало страшно, что тетя Оксана наговорит ей неправду, скажет, что гостя специально испортила фигурку, из зависти. Да и вообще-то разбила ее Лена, но Галя по установившемуся негласному правилу подруг, конечно, не сдала Шарафееву и сказала, что они вместе уронили дефицитный для советских квартир гэдээровский фарфор.

– Вот, записывай, – вытащила Галю из воспоминаний пожилая тетя Оксана.

Поэтому, когда несколько дней спустя она подумала, что неплохо бы сделать новогодний подарок для Лены, идея пришла сразу – надо найти даму с кавалером. И, слава интерне-

ту, добыть вещь 50-летней давности не составило труда, сайтов, где продают ностальгические предметы времен развитого социализма, оказалось тьма-тьмушая.

Сколько всего передумала Галя, когда ждала в гости Лену! Она попросила свою помощницу по хозяйству убрать дом с особой тщательностью. А вот стол готовила и сервировала сама.

«Наверное, она бывала там, где мне и не снилось, ее ничем не удивить. Ну да ладно, зато у меня все по-простому, по-дружески», – думала хозяйка.

Потом ей вдруг приходила в голову мысль о том, что Лена, как всегда, будет выглядеть сногшибательно. Ей представлялась какая-то полубогиня с абсолютно гладким лицом, которое, на первый взгляд, казалось совершенно естественным, без грамма косметики и усилий косметологов, но на самом деле этот эффект достигался именно высококласными услугами специалистов. Об этом Галя знала, потому что сама уже год как подумывала обратиться к ним.

Кстати, Галя была вполне миловидной женщиной. Если и была у нее пара лишних килограммов, это было заметно только ей одной, когда она вставала на весы в спальне и слегка расстраивалась. Одевалась хозяйка дома ничуть не хуже столичных ровесниц с аналогичным доходом, но ей все казалось, что она не дотягивает до какого-то уровня. Где находится этот уровень и как он выглядит, она и сама толком объяснить не могла.

«А она постарела», – была ее первая мысль, когда Лена очутилась на пороге. Внутренняя Галя, напряженная уже несколько дней, выдохнула.

– Как я рада тебя видеть! Отлично выглядишь! – сказала она при этом вслух.

Лена фирменно улыбнулась. И эта ее манера тут же стерла первые мысли Гали о том, что подруга постарела. Мгновенно, словно по волшебству, на гостье оказалась вуаль привлекательности, за которой невозможно было уже разглядеть ни ее морщинок, ни пережитых невзгод, ни усталых глаз.

Так что дракон, до сих пор надежно охранявший тайную комнату с комплексами Гали, дал маху, дверь приоткрылась, и они потихоньку начали просачиваться в сознание и отравлять жизнь хозяйки.

Именно поэтому она зачем-то начала говорить, что и дом-то у нее «ничего особенного», и дочка просто «выучилась на дизайнера», хотя она не просто выучилась, а даже пару лет стажировалась в Италии и была там нарасхват, ее уговаривали остаться, но та вернулась домой.

Когда Лена сообщила, что уже три года как вдова, Галя испытала двойственное чувство. С одной стороны, ей было искренне жаль подругу, захотелось, как в детстве, рассеять печаль и сделать что-то приятное для нее. А с другой стороны, где-то внутри лопнул пузырек злорадства, и из него вытекла в душу зеленоватая струя под названием «это тебе расплата за то, как ты обошлась когда-то со мной». Галя подчи-

нилась собственному чувству сострадания, обняла подругу и заставила замолчать собственные давние обиды, которых выпустил наружу дракон-охранитель.

А после того как Лена рассказала о своих невзгодах, благородное чувство начало расширяться и охватывать Галину. Пока Шарафеева говорила, в деятельной душе предпринимательницы уже начал складываться план. Она слушала молча, но перебирала в голове варианты.

Вдруг у Лены зазвонил телефон, она отвлеклась и вернулась к столу уже в каком-то другом настроении. Пока та говорила о своей жизни, она была такой незащитной и уязвимой, теперь же вновь натянула на себя маску первой красавицы в классе. Еще минуту назад Галя хотела предложить ей место у себя на фабрике, там не хватало хорошего маркетолога, который бы смог продвинуть и расширить продажи носков и колготок в других городах. Галя целилась на более широкий рынок крупного мегаполиса, который Лена хорошо знала. Но это деловое предложение застряло в горле, когда подруга вернулась в гостиную.

«Пока ничего ей не буду предлагать. Пусть сама попросит, а там посмотрим», – решила Галина.

– Уже уходишь? – как-то нарочито ласково спросила она вслух.

– Да, мама волнуется, – ответила Лена и соврала, ведь ей позвонил новый знакомый Сергей.

Галя слишком хорошо знала свою школьную подругу,

ведь она годами копировала ее поведение, способ мыслить и взаимодействовать с миром, так что тут же поняла, что Лена врёт.

– А, мама! Мама – это святое, – ответила она и засунула куда поглубже свое сострадание, которое прорвалось наружу.

2.

Вечером она все рассказала Борису. Он вернулся из бани распаренный и добродушный. Сел за красивый стол, накрытый для Лены, меланхолично взял с блюда оливку.

– И вот представляешь, это ее невозможное лицо! Мама ей позвонила, конечно! Если бы тетя Оксана позвонила, она бы еще час мне рассказывала о своей судьбине, а тут: «Спасибо, все было очень вкусно, я пошла». Когда она так делает, ей точно мужик звонит. Во дает, в город приехать не успела, уже кого-то тут завела.

– Не кипятись, мать. Ну подумаешь, ну позвонил ей кто-то. Чего ты завелась?

– Да потому что я старалась, как всегда. А она при первой же возможности побежала туда, где интереснее.

– Ну и слава богу, что ей не с тобой интереснее. Потому что, судя по тому, что она тебе тут наговорила, ты бы сейчас не в коттедже Новый год встречала, а где-нибудь на зоне. Эта женщина кого угодно за собой утянуть могла. – Борис проглотил оливку. – Дай-ка мне кусочек торта, Галюнь, уж больно он красивый.

– Тебе нельзя. Забыл? У тебя сахар повышенный, – озабоченно отозвалась жена.

– Ой-е-ей, подумаешь, от кусочка ничего не случится.

– Ты мне нужен живой и здоровый. Так что нет. – Галя засмеялась.

– Да я тебе нужен, чтобы от таких Лен оберегать, как ты меня от торта. Баба она бедовая, и не вздумай ее в бизнес тащить, – очень серьезно закончил Борис.

– Ну это я так, на чувствах подумала.

– Просто знай: ничем ты ей не обязана, ничего ей доказывать не должна. Ты у меня самая красивая и умная. А она вертихвостка, которую по молодости слишком высоко занесло. Ты суди людей по текущим делам, а не по тому, что когда-то было. Раз ушла, значит, не такая уж она и умная.

Галя вздохнула и начала убирать со стола. Борис пошел в оранжерею, он в последнее время увлекся цветоводством и выращивал тропические чудеса.

Новогодние выходные среди русских снегов показались Гале слишком длинными, поэтому она поехала в офис, который находился на втором этаже фабрики нижнего белья. Борис обустроил себе кабинет на чулочно-носочном производстве. Они старались не находиться вместе во время работы, каждый отвечал за свой фронт.

Гале нравилось, как она все устроила в своей резиденции, которая занимала два крыла. В одном из них располагался зал для совещаний, ее кабинет, комната отдыха, в которую

она поставила даже массажную кровать. Во втором крыле находилась бухгалтерия, небольшое помещение отдела кадров и офис, где работала дочка. У нее были свои заказы, никак не связанные с семейным делом, она занималась дизайном интерьеров.

Сейчас на производстве никого не было, стояла особенная цеховая тишина, глубокая и глухая. Фабрика работала без выходных весь декабрь, женское белье – это хороший новогодний подарок, поэтому нужно было обеспечивать повышенный спрос. Сейчас же, в январе, Галина распустила девочек, так она называла своих швей и портних.

Больше всего на первом этаже Гале нравился зал, где работали конструкторы белья. Там стояли огромные столы попеременно с безголовыми портновскими манекенами, на которых были собраны новые модели. Сейчас шла разработка спортивной линейки, поэтому манекены пестрели неоновыми топами, майками и шортами, казалось, что это не мастерская, а причудливый тренажерный зал, погруженный в полумрак.

Галина нажала выключатель, и из тьмы показался коридор с мягким ковром, который вел в ее кабинет.

Встреча с Леной заставила ее по-новому взглянуть на собственное хозяйство. Как будто она проводила экскурсию для старой подруги, показывая ей, чего сумела добиться в жизни.

«Тут на стенах дипломы с разных выставок. А тут – эскизы наших лучших моделей белья», – мысленно указывала

она на стены Лене, доказывая, что не зря провела эти 27 лет без нее.

«Мы открыли фирменные магазины не только у нас, но и сумели войти на рынок соседних городов», – продолжала внутренний монолог Галя.

«На выставке в Москве мы получили сразу несколько дипломов за лучшее качество, у нас есть фирменный магазин в торговом центре Санкт-Петербурга», – не могла она остановиться.

И, как всегда, на полуслове ее прервала та самая Лена, которая жила все эти годы в ее голове:

«Ну и что? Зачем тебе все это? Что ты пытаешься доказать?»

«Я сумела стать лучше тебя, вот что!» – Галя злилась на себя за глупую манеру постоянно оправдываться перед этой внутренней Леной.

«Смогла? Я сомневаюсь». – Насмешливый голосок не давал расслабляться.

– Да заткнись! – вслух рявкнула Галя. Лампа дневного света замигала на потолке, как будто испугалась внезапного крика.

– Тьфу! – Галина вошла в свой кабинет, включила компьютер и начала разбирать электронную почту.

Спустя время ей показалось, что она слышит шаги в пустом здании.

«Охрана обычно делает обход чуть позже», – подумала

бизнес-леди и похолодела от страха.

Сейчас она точно слышала чью-то неторопливую, слегка тяжелую поступь. Она пересилила себя, выглянула из кабинета и сильным от долгого молчания голосом произнесла:

– Кто здесь?

Шаги как будто замерли.

– Кто здесь? – повторила Галя.

– Мама, это я. – Смущенный голос дочери прозвучал странно.

– Ну и напугала ты меня. – Теперь мать смело толкнула дверь в коридор и увидела, что ее дочь не одна. Рядом с ней стоял Ясин. Это был представитель турецкой компании, у которой фабрика закупала ткани и кое-какое оборудование. Молодой инженер приехал в город установить и настроить промышленный текстильный принтер.

– Добрый день, – вежливо отозвался Ясин с легким акцентом. Мимо таких молодых людей трудно пройти – они притягивают яркой южной красотой, которая выглядит неуместно броско среди серо-белой мглы русских пасмурных зим.

– Я думала, у тебя выходной, – призналась дочь.

– У меня выходной, но без работы как-то скучно. – Галя смотрела на турка. – А вы что здесь вдвоем забыли?

Ясин стряхнул невидимые пылинки со своего безупречного кашемирового джемпера.

– Галина ханум, мы, конечно, не хотели вот так об этом говорить. Но мы с Катюшей решили... – Он остановился, яв-

но вспоминая слово по-русски.

Дочка подсказала:

– Пожениться.

– Вот это сюрприз, – ответила Галина. – А здесь вы что делаете?

– Так просто, гуляем.

Ясин собрался с мыслями и со словами:

– Мы хотим открыть похожее производство в Турции.

Галина родилась в Советском Союзе, выросла в 90-е, поэтому, по обыкновению своих сверстников, считала, что лучшая партия для дочери – это иностранец. Многие мамы, чьи девочки сумели таким образом устроить свою личную жизнь, гордятся их выбором, даже если жених гораздо старше и выглядит как мешок с картошкой. А тут южный красавец, ровесник, образованный парень.

– У вас такие грандиозные планы, что без папы не обойтись. Поэтому давайте-ка соберемся сегодня вечером дома и все обсудим, – предложила Галя.

Ясин приложил смуглую ладонь к груди и слегка поклонился.

«Вот восточный человек! Как уважительно себя ведет», – мелькнуло в голове у матери.

– Мы пошли тогда, – неуверенно произнесла дочь. – Дома увидимся.

– Приходите в семь.

Когда парочка скрылась в полутьме за поворотом коридо-

ра, Галина заскочила в кабинет и тут же набрала мужа. Первое, что он ей ответил было:

– Отлично, расширяем бизнес, выходим на международный уровень.

Его смелость когда-то и стала качеством, которое покорило будущую бизнесвумен.

Она зашла в кабинет, набрала электрочайник.

«Ну что, Лена? Как тебе такое?» – Хозяйка фабрики победно нажала на кнопку чайника, словно раздавила какое-то вредное насекомое.

Внутренняя Лена молчала. И Галя даже не догадывалась, что настоящая Лена не поняла бы ни ее радости, ни ее гордости, она бы даже не стала ей завидовать, потому что не поняла бы этих материнских чувств. Скорее, она бы позавидовала самой Катерине. Хоть Елена и Галина и были ровесницами, но они находились словно на разных берегах реки жизни. Одна уже перебралась на берег зрелости, а другая еще металась у кромки чересчур затянувшейся молодости и все боялась зайти в воду, чтобы переплыть.

Если бы только Галя знала, что ее одноклассница Лена прямо в эти минуты флиртует то с каким-то психологом Гришей, то с неким Лешей, которого она почему-то решила называть Геркулесом, она бы очень удивилась. Ей эти подростковые игры были уже неинтересны. Куда более азартно прозвучали слова мужа о новых зарубежных возможностях бизнеса. Ну и счастье дочери с красивым иностранцем подсвечивало все

это золотым лучом удачи, по крайней мере так казалось владелице двух фабрик и сети магазинов.

Чайник громко забулькал. Она выключила его, надела шубу и, погасив свет, вышла из офиса. Чайник, очевидно, обиделся.

На улице медленно шел снег, было тепло.

«Интересно, как этот Ясин выдерживает нашу зиму? Наверное, мерзнет. Надо приготовить что-то согревающее», – подумала Галина, садясь в машину. И ее захватили нормальные мысли хозяйки дома и мамы невесты, она уже составляла список покупок и мчалась в супермаркет. Перед иностранцами наши женщины не могут позволить себе ударить в грязь лицом.

Стоя с полной тележкой деликатесов на кассе, Галя перебирала в уме, не забыла ли она чего. За спиной болтали две женщины.

– А ты знаешь, что Роговы разводятся? Представь себе, 25 лет вместе прожили.

– И чего вдруг? Он вроде не гулял.

– Танька говорит, что они уже давно тихо ненавидели друг друга.

– А так и не скажешь, с чего бы это?

– Последней каплей было то, что он дочку ради денег какому-то упырю подсунул. Танька-то сама сначала была рада без памяти. А девчонка через год к маме с папой прибежала в пижаме с синяками на руках, а он дал ей только пере-

ночевать и обратно отправил. Дескать, нечего капризничать, нормальный у тебя богатый мужик, терпи.

– Дуры мы, бабы, дуры. Даже на два шага вперед не смотрим. Ой, богатый... ой, иностранец! А в итоге девочек своих обрекаем.

– Ну, я не знаю, у меня сын.

– Повезло. С ними проще.

Женщина за спиной только горько усмехнулась, подруги замолчали.

Этот посторонний разговор взбудоражил Галю. Она тоже заметила, что первой реакцией мужа на новость был разговор о бизнесе, а вовсе не о счастье дочери.

3.

Крепкая семья, безупречный брак – так говорили о семье Галины и Бориса. Так считали и они сами. Их накрепко спаял бизнес, но тот самый первый клей под названием «любовь», на который посадила их отношения судьба, разохся и осыпался, на его месте остались куда более надежные, как считали оба супруга, вещи: общее дело, общие привычки, общие знакомые.

Сидя где-нибудь на маникюре, Галя поучала молодую девчонку, склонившуюся над ее ногтями:

– Замуж надо выходить за надежного, что там любовь, она быстро проходит. Ну подумаешь, занимается он своими делами, на тебя внимания не обращает. Что такого? У тебя что, своих дел нет? Мы, бывает, и парой слов за вечер не переки-

немся с моим, и что такого? Все равно он мне муж, а я ему жена, и никуда мы друг от друга не денемся.

– А как же чувства? – робко могла пробормотать сквозь маску девчушка.

– А разве это не чувства, когда все самые главные решения в жизни вместе принимаешь, с оглядкой, с общим советом? Вот это настоящие чувства и есть, а не вот эти все поцелуйчики-попугайчики.

Маникюрша продолжала пилить ногти, возможно, даже абсолютно не согласная с такой постановкой вопроса. Но разве ее кто-то спрашивал?

И вот сейчас, когда дочка огорошила родителей известиями, у Гали вдруг закололо под сердцем: почему отец так равнодушно отнесся к чувствам дочери и сосредоточился только на бизнесе?

«Надо все с ним обсудить до прихода гостей», – решила Галина, стоя на светофоре. Нетерпение переполняло ее, хотелось махнуть волшебной палочкой и заставить мгновенно переключиться красный на зеленый.

Как только стало возможно, она рванула с места, посигналила тем, кто был впереди, ей казалось, что все вокруг движется слишком медленно.

– Ты дома? – набрала она Бориса, торопливо отковыряв телефон из сумки, лежащей на сиденье рядом.

– Жду тебя, Катерина же с этим Ясином придет. Вот маленько снег раскидал.

– Ага, жди, не уходи, – беспокоечно ответила Галя и нажала отбой.

Борис только пожал плечами: это не было похоже на его жену, да и куда он может уйти, по ее мнению?

Он встретил ее, опершись на лопату, потому что продолжал возиться со снегом. Галя торопливо передала пакеты Борису, как только вошла в калитку. Вместе они зашли в дом.

– Ты чего, мать, так разволновалась-то?

Галя, снимая сапоги, грузно села на пуфик у двери, словно это обыденное дело высосало из нее все силы.

– Боря, скажи честно, ты любишь нашу дочь?

Такой патетики от жены он не ожидал, не в ее это стиле.

– Ты что, совсем с ума сошла, что ли?

– Ответь, пожалуйста, – взмолилась она, и в этом полупешоте был такой страх, что он серьезно ответил:

– Конечно, Галчонок, конечно. У меня, кроме тебя и Катерины, никого ближе нет. Что случилось-то? Тебе кто-то что-то сказал? Ты что-то узнала об этом турке?

Галя глубоко набрала в легкие воздуха и уже хотела рассказать о случайно услышанном разговоре в очереди и своих подозрениях, что Борису ничего, кроме денег, в этой жизни не интересно, но подавилась этим глотком.

«Это так глупо!» – решила она.

– Да, Боря, я боюсь, вдруг этот Ясин еще тот фрукт, втерся в доверие к Катюше.

– Мы все о нем узнаем, не переживай, мы себя в обиду

не дадим.

– А как быть сейчас? Как себя сейчас с ними вести? – Галя вдруг утратила весь свой запал и стала похожа на растерянную девочку.

– Вежливо себя вести. Давай-ка иди, приведи себя в порядок. Готовить ничего не нужно. Я доставку из ресторана закажу.

– Хорошо, – послушно ответила жена.

– Не переживай, мы все выясним, у нас и юристы есть, и экономисты. Все узнаем. Разве мы можем наш бизнес поставить под удар только из-за одной прихоти Катерины? Любовь любовью, а дело нужно охранять.

«Так и есть, бездушный чурбан!» – в смятении подумала Галя и тяжело пошла наверх, в спальню. Там она попыталась отрепетировать свое выражение лица. Стоя в одном лифчике и трусах перед зеркалом, она приняла непринужденную позу гостеприимной хозяйки дома, лучезарно улыбнулась отражению и картинно повела руками. Через секунду с лица стерлась улыбка, лоб наморщился, а руки безвольно повисли вдоль тела.

«Дура, он же как лучше хочет. А ты раскисла от разговора двух кур в магазине. Он действует стратегически, как положено, а ты мечешься, как клуша тупая. Любовь, любовь! Чего заладила? В руки себя быстро взяла, оделась и пошла. В конце концов, может, ничего и не будет, поиграют молодые да разбегутся, а ты трагедию развела». – Мысли плясали в ее

голове, покуда Галя доставала из шкафа изумрудно-зеленое шерстяное платье, только отдаленно напоминавшее домашний наряд. Постояв у огромного стеллажа, где у нее в образцовом порядке стояла

обувь на полочках, она выбрала остроносые мюли в цвет платья, купленные когда-то в Милане.

Галя пару раз провела по волосам расческой, пшикнула в ямку на шее из флакона и вышла из спальни.

Борис сидел в кресле перед камином.

– Еду заказал в «Примусе». Твои любимые салаты, на горячее взял рыбу, мало ли какое мясо турок ест-не ест. Десерт тоже заказал. Гриша обещал ассорти пирожных в подарок, – отчитался муж.

Гриша, владелец ресторана «Примус», был их хорошим знакомым, в небольшом городе все более или менее состоятельные люди были знакомы между собой.

– Ага-ага, – покивала Галя, включившись в эту хозяйственную игру. – Пойду тогда фрукты помою, да сырную тарелку нарежу.

Борис пошел за ней.

– Не переживай. Все будет нормально. Вот увидишь, я тебе обещаю.

Когда Катерина и Ясин румяные с мороза зашли в дом, Галина уже полностью владела собой. Она подметила, что смуглый спутник дочери был по-восточному безупречно

вежлив и предупредителен. Пришел с полной корзиной каких-то деликатесов, цветами для хозяйки дома и сигарой в красивой деревянной шкатулке для хозяина. И одет как положено, дорого, но очень неброско: наметанный глаз Галины выцепил темно-синюю водолазку из чистого кашемира, ремень явно итальянского происхождения.

Катя порхала и щебетала, ужин прошел очень непринужденно. А потом компания переместилась ближе к камину.

– Так ты говоришь, что отец у тебя тоже инженер на том же предприятии? – вроде как доброжелательно уточнил Борис, глядя на Ясина, сидевшего с чашкой чая в руках на низком диване.

– Да, – ответил гость, отхлебнул и поднял глаза. Борис продолжал приветливо улыбаться и ждал продолжения ответа. Молодой мужчина спохватился и, подбирая русские слова, добавил: – У нас в Турции инженеры очень хорошо получают, как врачи. Папа входит в муниципальный совет, он главный инженер.

Ясин замер, ожидая реакции. Борис покивал головой.

– Пап, ну что ты пристал, – проворковала Катя. – Не смущай.

– Любовь моя, отец должен все знать обо мне. Будь у меня такая же красивая дочь, я бы тоже... – Молодой человек не договорил, его перебил Борис:

– Конечно, Ясин, ты прав, я должен все о тебе знать.

– Попробуйте, пожалуйста, пирожные, лучшие в городе, –

вмешалась Галя и уже прокляла себя, что настроила мужа против парня. В ней вновь включилась советская женщина, желающая сделать дочери отличную партию с иностранцем. Хотя где-то краем сознания понимала, что, возможно, это ее Катя – вождеденный приз для турка, ведь благодаря ей он может стать не наемным инженером, пусть даже с хорошей зарплатой и всеобщим уважением, а хозяином фабрики, который сам наймет с десятков инженеров.

И Борис продолжил допрос:

– Мама сказала, что Ясин собрался открывать свое дело.

Это так?

Турок еще ничего не успел ответить, как Катя протянула:

– Ну пап!

Галя решила отдать инициативу мужу, а сама наблюдала.

У гостя сквозь загар начала проступать серо-зеленая бледность. Так бывает у смуглых людей. Было видно, что парень держится, но очень волнуется. Дочка влюблена, в этом мать не сомневалась. Ей хотелось увидеть какие-то признаки неискренности молодого человека, уличить его в нечистых намерениях, когда он пытался рассказать о перспективах будущего собственного ткацкого дела, которое, и это было видно, очень сильно его занимает. Но ничего подобного так и не заметила.

«А может, он актер хороший», – размышляла она.

В общем, этот вечер был тяжелым и для молодежи, и для родителей. Но расстались они вроде как на дружелюбной но-

те: мужчины пожали друг другу руки, Галина с Борисом получили приглашение отдохнуть в Турции в доме родителей Ясина. Родовое гнездо располагалось в городе Денизли – текстильном центре страны. Катя пообещала научиться готовить ревани, этот сладкий пирог оказался любимой выпечкой Ясина.

Когда вышли в холл прощаться, дочка тоже стала одеваться.

– А ты куда? – удивилась Галина.

Парочка засмушалась.

– Борис эфенди, Галина ханум. Прошу прощения, что сразу не попросил вашего разрешения. Можно Катя будет жить со мной? – Ясин заторопился все объяснить, поэтому его акцент усилился. – Квартир хороший, большой, в центре город.

Цвет лица турка окончательно превратился в оливковый.

Борис строго глянул на дочь, а потом медленно, помогая себе руками, так, чтобы смысл каждого слова дошел до иностранца, ответил:

– Катерина у нас женщина взрослая, указывать ей, где и с кем жить, мы не в праве. Не принято у нас в России женщин под замком держать. Так что она решает сама. Раз собирается с тобой, значит ее воля такая.

– Вот и славно! – не выдержала Катя отцовского напора и, словно пытаясь защитить своего Ясина, торопливо подала ему шарф, шапку и встала между мужчинами.

– Спасибо, Борис эфенди. Я хороший, – по-детски заве-

рил жених. Очевидно, ему было сложно подобрать другие русские слова, чтобы вместить в них смысл того, что он хотел сказать.

– Идите уже с Богом. – Галина тоже порядком устала от напора мужа, но она была уверена, что иначе нельзя и Борис ведет себя правильно.

Все ее страхи и метания как рукой сняло. Она вновь убедилась, что любовь любовью, а трезвый расчет и холодная голова – это лучшее, что есть в ее Борисе.

«Куда я без него? – думала она, засыпая после утомительного вечера. – Так бы и мыкалась, как Ленка. Интересно, она уже уехала?»»

Елена

1.

В дверь позвонили.

«Кого в такую рань несет?» – подумала Лена, но послушно вылезла из-под одеяла, накинула халат и пошла открывать.

На пороге стоял мужик с белой накладной бородой, в красном зипуне и с хвойным веником в руках.

– А кто это тут у нас такой сонный? А стишок ты выучила? – намеренно распевным басом произнес он вместо приветствия.

– Леша, ты, что ли? – засмеялась Лена.

– Ага-ага, – пробасил он. – Вот букет тебе.

Он протянул ей сосновые ветки, на одной из которых болтался синий шарик. Лена с опаской взяла колючую икебану.

Из-за спины Леша показался Гриша.

– Гришка, это ты?! Приехал?! А я тебя завтра ждала! Что же вы стоите, заходите!

Мужчины ввалились в коридор, а хозяйка заметалась в поисках подходящей вазы для сосновых веток, но так и не нашла, поэтому второпях положила их на комод. Ей так хотелось обнять своего Геркулеса.

– А ты, небось, не помнишь? У нас же с тобой сегодня годовщина, три года знакомства. Вот я и поторопился, да еще Деда Мороза с собой прихватил. – Гриша, потирая озябшие

руки, чтобы не обжечь холодом Лену, обнял ее.

– Помню, помню, Геркулес, – счастливо зашептала она ему в шею, а потом слегка отклонилась и громко крикнула:

– Леша! Раз ты уже на кухне, ставь чайник, доставай конфеты!

– Ах ты, девочка непослушная, старого дедушку работать заставляешь, – пробасил из кухни Леша, одновременно шумя водой и звякая чашками. – А мальчик Гриша заставил бедного дедушку в аэропорт ехать, встречать его на машине, понимаешь ли.

– Я так рада, что ты приехал! Наконец-то! – Лена продолжала стоять в объятьях и шептать.

– Теперь только вместе будем ездить. Только вместе, – вторил ей Гриша.

Наконец они разлепились и пошли к заскучавшему на кухне Леше, который меланхолично и демонстративно мешал сахар в чае, звеня по стенкам ложкой.

За эти три года, как раз с того момента, как случайно оказалась на заброшенном катере у воды, Лена стала частью большой тренинговой компании психологов, прошла несколько этапов обучения и теперь была незаменимым человеком в этой веселой и умной тусовке, имела даже сертификат коуча. А все потому, что влюбилась, причем не только в своего Гришу, который, ко всему прочему, был еще и кандидатом психологических наук, преподавателем вуза, но и во всех этих раскрепощенных и интересных людей. Они

вели бизнес-тренинги для больших корпораций и тренинги саморегуляции для всех желающих.

Прежде чем стать такой же веселой, легкой и удивительно позитивной, ей пришлось самой пройти непростой внутренний путь, чтобы избавиться от страхов, комплексов и прочей мишуры, которой в течение жизни обрастает каждый человек. А у нее скелетов в шкафу было очень много, и если бы не Гриша и его компания, она бы на всю жизнь осталась прикована к своему довольно странному прошлому.

– Какой дома все-таки чай вкусный, не то что на юге. – Гриша с аппетитом пил из огромной чашки с оранжевыми цветами. – На Кубани чай не особо уважают, не то что тут у нас, на Урале.

– Как командировка? Нормально? – спросила Лена.

– Интересно было. Сама знаешь: проводить курсы повышения квалификации для психологов – это как занятия по прыжкам с парашютом для десантников.

– Мальчик Гриша устал и хочет баиньки, но злой Дедушка Мороз должен еще обсудить с ним расписание тренингов на январь, – встрял Леша. – Лен, тебя тоже включаем в программу с твоей танцетерапией. Планируем с 15 января начинать.

– Группа набирается? – поинтересовалась она.

– А то. У нас твоих клиентов «невыраженцев» и «мневсеравновцев» всегда хватает. – Леша стянул бороду под подбородок и пил чай, как нормальный человек.

– Не трогай моих несчастных с подавленными эмоциями. Сам знаешь, как им тяжело бывает, – засмеялась Лена.

– Как я люблю смотреть за твоими занятиями, – мечтательно вмешался в их разговор Гриша. – Ты такая красивая, когда танцуешь.

– У-у-у, голубки. Давайте расписание согласуем, и я покакал. Кстати, бороду и шубу я у вас оставлю, вы мне ее на тренинг занесёте.

Все сложилось так, как и планировала Лена: перебралась в родной город, но и мечтать не могла о том, что жизнь повернется именно так. Три года назад она считала, что в свои 47 лет повидала в этой жизни все и ничего нового она ей не преподнесет, ничем не удивит, остается только тихо доживать свой век рядом с престарелыми родителями.

Но судьба посмеялась над этими рассуждениями, и вот теперь, в свои 50, она неожиданно переживает расцвет, хоть и поздний, зато яркий, необычный, просто феерический. У них с Гришей не так много денег, зато куча друзей и единомышленников.

Теперь на всех своих тренингах она рассказывала, что когда-то была богата, имела влияние на людей, которые действительно принимают решения в этой стране. Но это были самые ущербные годы ее жизни в мире притворства и страха, которые разрушают.

– Сейчас мне есть с чем сравнивать, и я счастлива без несметных богатств и частных самолетов на Мальдивы, – го-

ворила она. – Никогда не гонитесь за чужой мечтой, подумайте, чего хотите лично вы. Грезы о богатых и щедрых любовниках навязаны. Может, вы всю жизнь мечтали ухаживать за лошадьми?

Одним из самых сложных вопросов, который ей пришлось проработать внутри себя, а потом раз за разом отвечать на него своим подопечным дамам, оказался вопрос о бездетности.

– А как вы можете быть счастливой, если у вас нет детей? – беспардонно спрашивали они, прикрывая свое любопытство сочувствующей интонацией и вольготно расположившись полулежа на ковре после занятий танцетерапией. Они были расслаблены и доверчивы, как дети. И как дети жестоки.

– Никто из нас не может сказать, каков на вкус ананас, если ни разу его не пробовал. Я не знаю, каково это – иметь детей, поэтому и не страдаю. И уже давным-давно отучила себя гнаться за чужой мечтой, и вам, уже в который раз, советую. – Лена отвечала с улыбкой в такой же расслабленной манере.

Ну а Геркулес на ее вопросы еще в начале отношений просто ответил:

– Какие глупости. Зачем, сама посуди, мне бы были нужны твои взрослые дети? А те, кто говорит, что женщина, не имеющая детей – это недоженщина, милости просим к нам на психологическую терапию. Им нужно с собой разобрать-

ся, а не к другим приставать с такими вопросами.

И Лена успокоилась. Она вообще стала очень спокойной. Спасибо Геркулесу.

– Как будем годовщину отмечать? – спросила она, когда Леша наконец-то напился чаю, составил расписание, оставил бороду и удалился.

– Есть одна идея. Но сначала надо маленько отдохнуть. Может, приляжем? Ты же только что проснулась, можно еще чуть-чуть поваляться. Пошли, – Гриша потянул ее за руку в спальню.

Идея у него оказалась, как всегда, безумна, но интересна. Никаких банальных роз, ресторанов или домашних романтических ужинов при свечах. Никаких денег на карточку или походов в баньку под шашлычок. Это было бы слишком плоско для Геркулеса.

– Я тебе костюм Снегурочки привез. Одевайся. Я договорился.

Лена привыкла не допрашивать своего возлюбленного, чтобы заранее выяснить суть сюрприза, поэтому чмокнула его и выскочила из кровати, в которой они продолжали валяться, хотя на улице уже давно стоял тусклый зимний день. Он словно из всех своих последних болезненных сил освещал дома, серый снег, голые деревья, мечтая только об одном, чтобы ему наконец на смену пришла веселенькая новогодняя иллюминация вечера.

Лена привела себя в порядок, накрутила и облачилась в

серебристый костюм. Гриша оглядел ее со всех сторон, цокнул и сообщил:

– Ну кто даст этой стройной и обворожительной Снегурочке полтос? 35 лет – максимум.

– А сам-то будешь наряжаться?

– Буду.

И Гриша натянул поверх джинсов и джемпера костюм, который оставил Леша.

– Я вызываю такси, едем в больницу, – сообщил он.

Лена давно ничему не удивлялась, уже три года как ей нужно было только одно – чтобы Гриша всегда был рядом, а что уж он там за очередную проделку придумал, ей было все равно.

– В какую больницу?

– В перинатальный центр, будем беременных и рожениц поздравлять.

– Это к Быстрову?

– А то! Он сегодня в ночь дежурит.

Быстров был заведующим отделением патологии беременных и лучшим другом Гриши. Уже в машине выяснилось, что психологам предстоит устроить для заскучавших в больнице будущих мам легкий новогодний переполох с подарками и играми. Как сказал Быстров, «чтобы роды легче прошли. А то они у меня совсем скуксились взаперти. Так что работай, Григорий, выполняй свой профессиональный долг».

Другая бы на месте Лены могла даже обидеться, что вместо романтического свидания ей подсунули работу, а потом еще и посиделки в ординаторской с компанией акушеров-гинекологов. Но только нынешняя Лена была совсем не такой, как раньше. За годы, проведенные в состоянии страха преследования, такая яркая жизнь на виду казалась ей самой лучшей.

– А давай возьмем с собой еще и краски, знаешь, бывают такие для тела, которыми аквагрим рисуют, – предложила Лена.

– А где возьмем? – без тени сомнения и лишних расспросов с энтузиазмом отозвался Гриша.

В этом и была прелесть их отношений: они полагались друг на друга полностью, не боялись, что кто-то начнет действовать неправильно, принимать ошибочные решения, поэтому не выпытывали планы, не задавали вопросов. Им часто приходилось прорабатывать это с клиентами, которые заранее думали, что будущее несет только негатив, поэтому надо его предотвратить. Чаще всего это выражалось в нервных восклицаниях, адресованных близким: «Ты что, с ума сошел? Не смей так поступать!», «А что будет, если?..».

Как же было трудно продираться психологам сквозь этот дремучий лес ужасающих фантазий о будущем, возвращать людей на поляны настоящего, чтобы они что-то делали сейчас, а не тряслись в бездействии и бессмысленных причитаниях и заклинаниях. Ведь предотвратить будущее нельзя,

оно все равно наступит.

– У меня девочка одна занималась, она с аквагримом работает, сейчас у нее попрошу. Устроим с тобой картинную галерею, предложим женщинам разрисовать друг другу беременные животы. Это будет весело, им точно понравится.

В итоге Гриша с Леной не просто взяли краски, художница с аквагримом захотела поехать в перинатальный центр вместе с ними, чтобы раскрасить животы профессионально.

– Надо же что-то девчонкам в соцсети выкладывать, а это самое то, – весело заметила хозяйка красок.

– Жалко, на тебя у нас нет костюма, – сказал Гриша.

– У меня есть нос.

– Какой нос, Ксюша? – оживилась Лена.

– Клоунский, красный, на резинке. С какого-то детского праздника остался.

В общем, у уважаемого акушера-гинеколога Быстрова даже мускул на лице не дрогнул, когда на пороге приемного покоя перед ним предстали Дед Мороз, Снегурочка и женщина с клоунским носом. Дежурная неодобрительно смотрела в спины компании, когда заводделением повел гостей к лифту.

– Антисанитарию разводят, тоже мне, артисты. – Полная женщина советской закалки еле сдержалась.

В отделении патологии беременности в новогодние выходные находилось всего пять женщин, остальных отпустили домой к родным. Эта пятерка вызывала у врачей опасения, поэтому им не разрешили покидать стены больницы.

В столовой сидело четыре пациентки. Они ужинали, когда в дверях появилась живописная компания во главе с заведующим отделением.

– Дамы, к вам в гости пришли наши хорошие друзья, – сообщил Быстров, который имел гипнотическое влияние на своих подопечных, его боготворили.

– Девочки! С Новым годом вас! – поздравила Лена в костюме Снегурочки.

Женщины смущенно переглянулись.

– Здравствуйте, – произнесла одна из них.

– Не смущайтесь, доедайте, мы вас подождем у медсестер на посту. Будет весело, – попыталась Лена навести мосты.

– О-хо-хо-хо! – пробасил Гриша. – Какие красавицы тут собрались! Дедушка Мороз вам подарочки принес!

Лед растаял, женщины заулыбались.

– А вы с нами чаю? – предложила одна.

– Борода мешает, – отшутился Дед Мороз, – да и Снегурочка моя растает. Может, Ириска? Хочешь горяченького?

Ириской Гриша назвал Ксюшу с носом.

– Я с вами, дедушка, – подхватила художница.

– А где Тахтачи? – спросил Быстров, оглядев компанию беременных, смиренно ковырявших ложками в студенистого вида каше, размешивая в ней масло.

– Она в палате, – отозвалась одна из женщин.

– Надо бы ее тоже позвать, – сказал заведующим отделением и вышел.

Катерина, дочка Галины и Бориса, уже три года как носила турецкую фамилию Тахтачи. Екатерина Тахтачи. Они с Ясином ждали первенца, беременность оказалась сложной, поэтому Катя решила приехать под наблюдение врачей в Россию, да и к маме хотелось быть поближе. Она лежала одна в платной палате, Быстров вел ее беременность лично. Поэтому за спиной Катерины шептались, ревновали и завидовали. Женщины быстро разузнали, что она дочь влиятельных в городе людей, замужем за иностранцем. За ней приглядывали, подмечая все: одежду, выражение лица, манеру общаться. В столовую вместе со всеми Катерина не ходила, ела что-то свое, особенное, это тоже вызывало острые приступы неприязни. Примерно так же вели себя и медсестры. Ох уж эти женские коллективы!

Так что звать Тахтачи развлекаться с психологами совершенно никто не спешил.

Когда шумная компания уже весело сидела в фойе отделения на мягких диванах, выставив свои округлившиеся животы из пижам и халатов, а Ксения старательно выводила на них бабочек, цветы и младенцев, из палаты вышла Катерина.

Она рассеяно заулыбалась.

– Ой, а что это тут?

Гриша-Дед Мороз спохватился, он и не знал, что в палатах кто-то еще остался.

– Доченька, красавица, подходи! Тебя Дедушка Мороз пришел с Новым годом поздравлять.

Катя села на диванчик. Пациентки сделали вид, что не заметили ее появления.

– Аквагрим? Как интересно! Я тоже хочу.

– Надо очередь соблюдать. Ты последняя будешь, – мстительно произнесла будущая мама в голубой пижаме. Было видно, что она ждала от опоздавшей на вечернику ответной колкости. Но Катерина промолчала.

Снегурочка, то есть Лена, посчитала своим профессиональным долгом разрядить ситуацию.

– Ой, а у вас такое лицо знакомое! – радостно произнесла она.

Катя улыбнулась и неопределенно пожала плечами, эта смешная женщина была ей совершенно не знакома, ну а многие могли узнать ее по давнишней рекламе, когда-то висевшей по всему городу.

А Лена вдруг узнала в ней себя в дни своих мытарств: внешнее спокойствие и достоинство, которое прикрывает внутреннее смятение, ну и зеленый туман зависти вокруг.

– А давай, доченька, я тебе погадаю, – предложила она, искренне пожалев девчонку.

Компашка беременных оживилась, и опять мелькнул хвост мстительной зависти: как это так, им погадать никто пока не предлагал.

Лена взяла теплую руку Кати в свои, наморщила лоб, делая вид, что задумалась и изучает линии жизни, а потом загадочно произнесла:

– Вижу, будет у тебя здоровенький ребенок, спокойный и послушный. А когда вырастет, он станет... – Тут Снегурочка сделала театральную паузу: – ...Президентом.

Катя засмеялась, и кто-то с дивана продолжил:

– ...президентом Турции.

Уже в ординаторской, когда они пили чай с дежурным зав-отделением, Быстров заметил:

– А ведь пацан Тахтачи вполне себе может стать президентом корпорации. Она же дочь Галины Сергеенко, а как замуж вышла, так они бизнес расширили, теперь у них и в Турции несколько фабрик, там у них зять главный. До сих пор ума не приложу, зачем они ее к нам рожать отправили, вполне могли в Москву или даже в США.

– Ого, – только и сказала Лена.

Хоть она и жила теперь в одном городе со своей бывшей школьной подругой, отношения у них после той памятной встречи под Новый год так и не сложились, так что Лена не следила и не знала, что происходит в семье Галины. Она закружилась в своей новой жизни, с новыми друзьями и знакомствами.

А вот Галя, по своему обычаю, заиклилась. Она украдкой посматривала соцсети Лены, иногда раздосадовано поджимала губу, когда видела очередные фото то с тренинга где-то на Алтае, то с психологической сессии у подножия Кавказских гор. Ее раздражало смеющееся лицо бывшей подруги без косметики, с морщинками и веснушками, она их не

стеснялась. И Галя получала очередной удар. Она стремилась всеми силами сохранить лицо, уже два года как делала уколы красоты и собиралась лечь под нож пластического хирурга, а Лена не следила за своей внешностью, но все равно оставалась очень привлекательной.

«Как всегда, вокруг нее мужики так и выются», – с раздражением думала Галя, глядя на групповые фото школьной подруги.

А та продолжала увлеченно скакать, словно молодуха, на занятиях по своей танцетерапии и совершенно не замечать, что где-то тут, рядом с ней, живет ее бывшая подруга – обладательница немаленького состояния, устроительница благотворительных вечеров, владелица теперь уже международной корпорации.

Лена и знать не знала, что всего этого Галина добилась во многом благодаря главному топливу своей жизни – бесконечному соревнованию лично с ней. Странному забегу, в котором соперница даже не принимала участия.

Время от времени Гале приходили в голову странные мысли: а что если прекратить этот бессмысленный забег? Остановиться, начать жить только свою жизнь, тем более что она такая плотная и насыщенная. Но без невидимой тени Лены вся эта бесконечная внутренняя игра теряла для Гали смысл и жить становилось неинтересно.

Галина

1.

Огромный круизный лайнер подходил к берегам острова Сицилия.

Как гласила рекламная туристическая брошюрка, город-порт Катания украшают широкие бульвары, пышные парки и просторные площади. Заслуживает внимания и лабиринт улиц вокруг рыбного рынка под открытым небом, где «прилавки заполнены блестящей свежей рыбой и моллюсками», а в мясных лавках «товар выкладывают так, чтобы продемонстрировать: животные были забиты всего несколько минут назад».

От этих животноводческих подробностей Галину замутило. Она лежала в белом шезлонге на самой верхней палубе, снизу доносился монотонный шум моря, разбавленный кухонными звуками ресторанчика, находившегося палубой ниже: звякали вилки-ножи, несло жареной рыбой.

Она в бессилии опустила загорелую руку, из которой выскользнула и упала брошюра.

– Фу, больше не могу! Тошнит! – простионала она.

– Ты давай вставай. Скоро можно в город собираться, – бодро ответил Борис, делая вид, что не замечает хандры Галины.

За последние пару лет он покрылся благородной сединой,

согнал живот и теперь выглядел гораздо лучше, чем пять лет назад, хотя годы шли вперед, и он вовсе не молодедел. Борис знал, что нравится дамам, и впервые в своей жизни решил распробовать свои чары, распечатать, так сказать, ящик Пандоры. Примерная семейная жизнь, успешный бизнес теперь казались ему само собой разумеющейся деталью судьбы, словно не было тех лет, что он провел, стоя на рынке.

– Может, пойдешь в каюту полежишь? – с напускной заботой предложил он.

– А ты?

– Ну, я прошвырнусь. Сойду, так сказать, на берег. Мы тут стоять будем двое суток. Так что сегодня я могу один погулять, а завтра оклемаешься, пойдем вместе.

– Проводи меня только. – Галина неловко начала выбираться из шезлонга. В последнее время она слегка располнела.

Боря подал ей руку и резко выдернул ее из кресла, чтобы поставить на ноги.

– Осторожнее, а то меня стошнит прямо здесь.

Он отвел жену в каюту с видом на Средиземное море. Галина со стоном плюхнулась на кровать, свернулась калачиком, поджав колени к животу. Борис сделал над собой усилие, чтобы скрыть рвущееся наружу жизнелюбие, было как-то неудобно радоваться морю, солнцу и красивым девушкам, когда рядом стонет жена.

– Может, вызвать врача?

– Иди гуляй. Я завтра с тобой. Сегодня что-то нехорошо, – в подушку пробурчала Галя. – Если что, сама до медпункта доберусь, пока попробую выпить таблетку и уснуть.

Борис осторожно прикрыл дверь со страдальческим выражением лица, которое тотчас стерлось, когда он оказался в мягком свете коридора. Беззаботно закинув за спину парусиновый рюкзачок, он двинулся навстречу приключениям, которые готовил ему самый кровожадно-романтический остров. Сделав пару шагов, он вдруг остановился, крутанулся на пятках так, что чуть не слетели сандалии, и вернулся к двери каюты. Просунув голову в щель, он прокричал внутрь:

– Галя, тебе что-нибудь купить на берегу? Что-нибудь принести?

– Нет, не надо. Я завтра сама все, что хочу, куплю. Не беспокойся, спокойно погуляй.

И только после этого Борис окончательно глубоко и с облегчением выдохнул. Спустя 10 минут заглянул в лаундж-бар на палубе, выпил шот виски, подумал, выпил еще один, рассеянно глянул по сторонам, взял горсть орешков с барной стойки и, жуя на ходу, последовал к трапу. Можно было отправляться на берег, который так и манил седовласого и загорелого российского бизнесмена средней руки 53 лет от роду. Вполне возможно, он сошел бы за двойника или брата какого-нибудь местного воротилы мелкого клана: те же белые брюки слегка старомодного кроя, та же гавайская рубашка, золотая цепочка на шее и обручальное кольцо. Вид

портил рюкзачок – это не по сицилийскому канону, так ходят только туристы.

Ну а Галя растроганно думала, лежа в кондиционированной каюте: «Какой все-таки Боря у меня заботливый. Повезло мне с ним». И, как всегда, привычный внутренний голос насмешливо подметил: «Ты тут лежишь, от морской болезни маешься, а он по Италии гуляет. Неудачницей ты была и осталась. Все нормальные люди жизнью наслаждаются, а ты тут стонешь. Вечно тебе не везет». И Галина привычно согласилась с этим голосом: «Да уж, куда мне». Знали бы ее многочисленные подчиненные и работники фабрик в России и Турции, дочь и иностранец-зять, да даже обслуга здесь, на лайнере, что она страдает от такого дикого комплекса неполноценности, они бы очень удивились. Даже Борис бы поднял бровь, он знал, что жене свойственно преуменьшать свои достижения, но не до такой же степени.

Галину опять замутило.

«Эх, сейчас бы свекольного кваса, мне бы полегчало», – вдруг вспомнила она давно забытый напиток голодных 90-х. У нее аж кисло во рту стало.

«Вот ведь мы жили, конечно. Мама как могла крутилась, царствие ей небесное».

Она редко думала о маме, которая ушла пару лет назад. А сейчас вот захотелось кваса.

«Я тоже всю жизнь кручусь, как ты, мама. – Галина гоняла мысли, вертясь на кровати. – Нам с тобой почти одинаковая

судьба досталась. Только ты на заводе всю жизнь пахала, а я вот как влезла в этот бизнес, так и вылезти не могу, все время как белка в колесе: проверки, налоги, конкуренты, разборки, кризисы, кредиты, долги и должники. Вот знаешь, не были мы с тобой обе счастливыми. С папой тебе, конечно, повезло, мне с Борисом тоже, но разве жили мы хоть один день в спокойствии? Вот сейчас я тут в отпуске. И что мне от этого? Только тошнота одна».

Галине даже в голову не приходила старая присказка: «Не гневи Бога!». Она всегда жила с ощущением ущербности, какие бы подарки не преподносила ей судьба в виде успеха, хорошего мужа, удачной жизни детей, она этого искренне не замечала. Ей казалось, что где-то рядом у кого-то всё иначе, счастье сыплется бриллиантовым дождем, а она, Галя, как в школе, бедная и несчастная, стоит в сторонке и смотрит на этих избранных везунчиков.

Судьба не прощает таких неблагодарных. Этого Галина пока не знала, поэтому, повздыхав да повертевшись на белоснежных элитных простынях, в очередной раз позавидовала тем, кто спустился на берег солнечной Сицилии.

Среди них был и ее Борис. Слегка навеселе, он размашистой походкой решил дойти до местной достопримечательности – площади со слоном, где располагалась мэрия Катании, которую называли «слоновый дворец», а все из-за того, что на площади стоял фонтан со слоном из черной вулканической лавы, ведь город находится у подножия Этны.

Он слился с толпой туристов, задиравших головы к шпилям старинных зданий, и с удовольствием втягивал морской воздух, отдающий йодом. Было так непривычно чувствовать себя одиноким волком.

– Чао, коме ста? – раздался женский голос за его спиной.

Борис обернулся и увидел лоток. На зонтике было написано «джелато» – то есть мороженое. А коме ста – это «как дела», он точно знал, потому что смотрел разговорник. Только в голове шумел виски, и он забыл, как нужно правильно ответить. Пришлось широко улыбнуться и, ткнув пальцем в витрину, произнести:

– Джелато, пер фа воре.

Совершенно белокожая итальянка средних лет полезла в морозильник.

– Шоколадное, – произнес Борис международное слово, которое, как он надеялся, даже итальянец поймет.

– Из России? – по-русски чисто спросила женщина.

– Да, – радостно и пьяно подтвердил Борис. – Вы русская?

Она слегка ударила себя в грудь, совершенно по-итальянски.

– Уже 25 лет здесь живу. А так с Украины, в 90-х приехала из-под Сум.

– Хотите мороженого? Я вам тоже куплю.

– Меня уже от него тошнит, – призналась продавщица.

– Что ж вас всех сегодня тошнит? – иронично заметил Борис.

– Кого еще?

– Да жену мою на лайнере.

– А, так вы с «Амадея».

– Так и есть.

Борис был в игривом настроении, а бывшая соотечественница казалась приятной и миловидной.

– Сейчас. – Он полез в рюкзак и достал оттуда небольшую фиолетовую коробочку, на которой были выведены два золотых инициала – Б & Г. Он всегда во все путешествия брал с собой сувенирную продукцию собственной фабрики. Б и Г означало «Борис и Галина». – Это вам от меня, с моей личной фабрики.

Продавщица зарделась.

– Прямо так и с личной?

– Да, в конце концов, я же сюда на «Амадее» приплыл. Да, личные фабрики в России и в Турции. Занимаюсь всем спектром женского нижнего белья и чулочно-носочными изделиями. – Слегка пьяный Борис не мог остановиться и зачем-то хвастался перед этой простой женщиной, которая явно зарабатывала себе на жизнь не самым благодарным трудом.

– А сколько стоит все это мороженое?

Она пожала плечами, а потом взяла калькулятор, что-то в нем потыкала и продемонстрировала Борису.

– Нормально, – хмыкнул он. – Покупаю. Пошли гулять по Катании вместе, считай, смена закончена. Как тебя зовут?

– Галина, – ответила продавщица.

«Блин, что за хрень», – подумал про себя Борис, а вслух спросил:

– Где тут у вас можно выпить?

Вечерний воздух у моря похож на уху – теплый, пахнет водорослями и рыбой. Асфальт Катании отдавал весь накопленный дневной жар, поэтому сумеречные улочки были погружены в густое марево. Они сидели перед кафешкой в этом неостывшем воздухе за шатким столиком, накрытым клеенкой в бело-красную клетку. На нем стояла бутылка вина, явно не первая, потому что вся поверхность была в липких кругляшах от предыдущих бутылок. Борис заплетающимся языком пытался объяснить новой знакомой, почему он оставил жену на лайнере и какие у них прекрасные отношения.

Галя из города Сумы улыбалась и кивала головой. Кстати, в Италии она представлялась вовсе не Галиной, потому что так тут называется курица. На Сицилии уже давно она была Лючией. В чем со смехом и призналась Борису. В туманной голове туриста опять замаячили странные совпадения. Мало того, что он встретил в Италии Галину, так еще она, точно так же, как и его жена, имеет непростые взаимоотношения со своим именем.

У Галины-Лючии под ногами стояло четыре красивых бумажных пакета. В одном из них лежал планшет (новый знакомый купил гаджет для ее сына), во втором – пара прекрасных туфель от Сальвадоре Феррагамо, в третьем – шикарный комплект от Валентино, а в четвертом – флакон парфюма

от Гуччи. Такой добрый русский турист попался ей впервые. Обычно даже за менее щедрые подарки от нее требовалось помочь джентльмену во всех отношениях приятно провести время в курортном городишке. Сейчас же нужно было просто слушать о его жене и все. Борис не просил о большем.

– Ты так ее любишь, – почти искренне говорила она ему.

– Да! Она самая лучшая. Другой такой нет.

Она улыбалась и сильнее наваливалась загорелой грудью в тесном сарафане на ненадежный столик, вот-вот готовый подломиться под весом симпатичной уроженки Советского Союза.

– Ты тоже красивая, – пьяно хвалил ее Борис. – Ты просто восхитительная, но, прости, моя Галя все-таки есть моя Галя, а ты – Лючия.

Он попытался подмигнуть, но вышло плохо, лицо перекошило.

– Давай я тебя провожу до пристани. Темно, сам не дойдешь, – предложила его собутельница. Она поняла, что Борис ничего не потребует у нее за подарки, просто не сможет.

Он задумчиво повесил голову на грудь и прикрыл глаза.

– Не засыпай, вставай, – тронула Галя его за плечо.

– Да, да, да, – пробормотал Борис уже в полусне.

Новая знакомая обернулась, увидела на той стороне улицы такси.

– Альмино и сольди римасти? (У него деньги-то остались?), – с недоверием крикнул ей усатый таксист, после то-

го, как она махнула рукой.

– Э рикко (Он богатый), – с усмешкой ответила Галина.

– Допья тариффа (Двойной тариф), – не унимался усачь.

– Аютами (Помоги мне), – Галина встала и попыталась подсунуть руки под мышки Борису, спящему на ненадежном трехногом стуле.

– Аллонтанарси (Отойди), – скомандовал таксист и чувствительно подпихнул под бок пьяного. Тот что-то промычал, разлепил глаза и бессмысленно посмотрел на усача.

– Такси! – громко крикнул таксист международное слово.

– Да, да, да, лайнер «Амадей», – послушно пробормотал Борис, встал и пошел к машине на автопилоте.

Усач подмигнул Галине.

– Иди, давай, иди, – по-русски проворчала она на итальянца, подхватила обновки и села в такси вместе с Борисом.

В темноте «Амадей» белой громадиной нависал над набережной. Было поздно, никто не собирался пускать пьяного Бориса обратно на борт. Лайнер спал, трап был убран.

– Вот, блин, – расстроилась Галина, ей уже надоело возиться с новым знакомым. – Что делать-то будем, а?

– Присядем, – выдохнул он. – Тяжело стоять.

Они сели на пирс, прямо на нагретые за день каменные блоки.

– Мне домой надо, завтра на работу. Ты жене позвонить можешь? Предупреди, что до утра вернуться не сможешь,

она волноваться будет. А я пошла. Ты вон на скамейке посиди, жандармы только утром появятся.

– Телефон, телефон... – бормотал Борис, обстукивая себя по карманам, потом неловко полез в рюкзак. – Ага.

Он держал в руках трубку, но никак не мог сосредоточиться, чтобы позвонить.

– Давай, последнее усилие, и я пошла, – Галя теряла терпение.

– Галя, милая, поговори ты с ней. Она меня убьет за то, что я такой пьяный.

– Она тебя еще сильнее убьет, если я с ней поговорю, – усмехнулась новая знакомая.

– Ты ее не знаешь, она просто золотая женщина! – с жаром забормотал Борис.

– И правда, золотая. Ты же как ребенок наивный, как она с тобой столько лет протянула?

– Вот не говори про нее так! – Он мгновенно обиделся. – Уходи! Ничего ты в этой жизни не понимаешь!

– Давай, не скучай, – Лючия бодро поднялась, подхватила пакеты и пошла как можно быстрее, пока Борис опять не начал свои тягомотные разговоры о прекрасной жене.

«Вот ведь повезло бабе. Мужика такого себе нашла. И богатый, и верный, и любит ее. И не приходится ей, как мне, на итальяшек батрачить. Знай только, на своего благоверного покрикивает, небось, а он ей тапки в зубах приносит. Ничего, мы тоже с него слегка поимели, и на нашей улице сегодня

праздник», – Галя ощупала в лифчике твердый квадрат – это были евро, которые Борис заплатил за весь остаток товара.

2.

Утром Борис смог, наконец, попасть на борт. Он уже протрезвел и страшно мучился от головной боли.

– Вот за что мне с тобой такое наказание? – Галя смотрела на него со смесью презрения и жалости.

– Галочка, я случайно, – стонал муж с кровати.

– Что случайно? Как я теперь, по-твоему, должна гулять по Сицилии? Мы же вместе договаривались сегодня пойти. Совсем обо мне не думаешь. Я тут больная весь вечер провалялась, а ты напился, как свинья, теперь что мне прикажешь делать? Сидеть тут сторожить тебя, а?

Борис морщился от голоса жены, потому что он казался слишком громким.

– Чего молчишь? Где ты так умудрился напиться и, самое главное, с кем? Не один же.

Муж тяжело молчал и сопел. Признаться, он плохо помнил подробности вечера, поэтому испытывал серьезное чувство вины. Память отказала на том месте, где они с Люцией ходили по магазинам.

«Что было-то? – судорожно соображал он. – Может, и не было ничего. Подумаешь, помог соотечественнице деньгами. Благотворительность называется».

– С кем ты пил? – Галина строго глянула на мужа.

– С мужиком одним познакомился, он 20 лет живет в Ита-

лии уже, переехал в начале 90-х с Украины. Жалко мне его стало, в чужой стране даже по-русски поговорить не с кем.

Галя недоверчиво посмотрела на своего Бориса. Сейчас он был не в лучшей форме: волосы торчали в разные стороны, под глазами надулись мешки, он вообще был каким-то опухшим. В общем, картина маслом. Еще и несло от него за три метра.

«Точно, с мужиком каким-то бухал, кто ж на него такого позарится?», – подумала она и решительно встала с кресла.

– Устроил ты мне круиз, конечно. Вечно так! Невезучая я! Приехала в Италию и теперь должна смотреть на тебя, такого красивого!

Она нервно ходила по каюте, то и дело больно стучаясь о ножку маленького столика.

– Да, черт! – в очередной раз ударившись, вспыхнула она.

– Не мельтеши, – трагически пробормотал Борис.

– Вот всю жизнь у меня так! Только поманит меня чем-то прекрасным – и облом. А некоторым все на блюдечке с голубой каемочкой. Только чего левая пятка захочет – и раз! Это появляется! А я? То с младенцем одна на руках остаюсь, то трусами на рынке торгую, то бизнес с колен поднимаю, то вот в Италии даже погулять нормально сходить не могу, чтобы как у людей – романтика, подарки. Лежишь тут, как мешок с картошкой, только глаза мозолишь.

Борис не выдержал и приподнялся на локте, его взъерошенный седой бобрый угрожающе ошетинился:

– Ох, Галина, Бога-то не гневи. Чего тебе в этой жизни не хватает? Чего у тебя нет? Яхты? Самолета? Ну, извини, пока не заработал для тебя. А так, как сыр в масле катаешься. Да, не досталось тебе brutального мужика, так только, челнок с рынка. Ты же такого себе хотела, да? Твой же первый благоверный такой был? Браток, с пистолетом ходил, народ пугал. Хорошо ты с ним жила, а? Наверное, лучше, чем со мной! Чего молчишь? Вечно всем недовольная ходишь, все тебе не так. Ну, выпил один раз в сто лет. Чего орешь?

Борис в бессилии упал на подушки и уже тихим голосом пробормотал:

– Ладно, дай оклематься. Посплю часа три, и пойдем гулять до вечера.

Галина прикусила губу и уже ровным голосом ответила:

– Я на палубу загорать, жду тебя. Аспирин развела тебе в стакане, выпей.

На берег они сошли уже после обеда. У мэрии Катании, рядом с фонтаном, все так же стоял лоток с мороженым. За ним, как ни в чем не бывало, пряталась от солнца под зонтиком Лючия. Цепким взглядом мороженщица тут жехватила из толпы Бориса с женой. Больше всего ее поразило выражение лица Галины. Парочка подошла к кафе, та сняла солнечные очки, в которых казалась очень надменной, и за темными стеклами вдруг обнаружился затравленный взгляд, нахмуренные брови.

«Вот ведь, сколько денег ни заработай, сколько дорогих

шмоток на себя ни нацепи, а советская печать так и остается на лице», – думала уроженка Сум, которая вытравливала из себя все эти 20 лет вечное ожидание подвоха и не без труда заменяла его на итальянскую расслабленность.

Парочка села за столик, к ним тут же подскочил официант. Женщина посмотрела на мужа тяжелым взглядом и слабо махнула рукой: «делай, что хочешь». Тот потыкал пальцем в меню, мальчишка в белом фартуке удалился.

Галина рассеянно осмотрела площадь. Вдалеке алел зонтик с надписью «Джелатто», под ним сидела загорелая женщина в ярко-желтом сарафане.

«Вот ведь везет этим итальянкам: родились у моря, такие гладкие да сладкие. В этом климате-то и проблемы у них – не проблемы», – уже по привычке позавидовала Галина.

Борис с тревогой перехватил ее взгляд и вздрогнул.

– Ты чего? – как можно более беззаботно спросил он.

– Да вот думаю, что кому-то вечно везет.

– Кому?

– Да всем.

– А тебе что, значит, не везет?

– Даже не знаю. Помнишь, мою одноклассницу Ленку Шарафееву? – Галя вспомнила о подруге детства, глядя на загорелую Лючию, словно пропитанную морской водой и ветром.

– Ну? – выдохнул с облегчением Борис, он-то со страху подумал, что Галя каким-то немислимым образом догада-

лась, сколько денег вчера он спьяну потратил на эту нимфу.

– Она всегда была красоткой, имела доступ к самым богатым мужикам. А сейчас скачет на каких-то психологических курсах, ездит на Байкал, чудит, увязалась за всем этим балаганом. В общем, блаженная какая-то стала.

Она зло оглядела площадь, облизанную солнцем, словно пыталась найти в ней какой-нибудь изъян. Но журчание фонтана, море и итальянская речь околдовали местность, она казалась просто сказочной.

– И что? Ты это к чему?

– Ну вот ей, наверное, не повезло, могла бы как сыр в масле кататься.

– Не как сыр, а как ты, моя дорогая, – мрачно сыронизировал Борис. У него даже шея затекла, так он сильно старался не смотреть в сторону лотка с мороженым. – Может, пойдём отсюда?

– Ну нет, нам еще заказ не принесли. Ты вчера напился, а я тоже, между прочим, хочу итальянского вина.

Борис безропотно вздохнул.

«Ну зачем я здесь вспомнила про эту Шарафееву?», – с раздражением подумала Галя. Призрак школьной подруги так и не оставлял ее, он уже давно приобрел самостоятельные черты, отдельные от его реальной хозяйки. Это был фантом всего самого желанного и самого недоступного для Галины. Казалось бы, пора было уже давно успокоиться, тем более, что Лена давно перестала отвечать идеалам благополу-

чия по меркам бизнеследи провинциального пошиба, но нет. Галина почти привычно завидовала ей. На данном отрезке своей жизни завидовала истинной свободе Лены от всего, даже от материальных благ.

Она глянула на мужа, тот сидел, как нашкодивший школьник, слишком прямо, слишком напряженно.

К красному зонтику с мороженым подошли покупатели, солнечная продавщица потянулась вниз к холодильнику, даже издали было видно ее декольте. Лючия злила Галину, она была словно родня Лене, как будто их обучали в одном пансионе для самых свободных женщин мира.

– Она тебе нравится?

– А? Кто? – Борис надел солнечные очки. – Ну и жара здесь. Пошли внутрь, там хоть кондиционеры работают.

– Кто-кто, вон та торговка.

Борис, наконец, повернул свою затекшую шею в сторону Люции.

– Простовата. Пошли внутрь, а?

Вчера он в пьяном угаре распинаясь перед мороженщицей, какая у него Галя, самая лучшая и самая любимая. Сегодня он дико боялся, что Люция-Галина выкинет из женской ревности какой-нибудь фортель и разрушит его годами возводимое личное счастье и спокойствие. Сегодня и следа не осталось от вчерашнего желания куролесить.

Галина сжалась над мужем, и они зашли внутрь кафе. Там, от переизбытка чувств, он даже поцеловал жене руку,

что в Италии выглядело само собой разумеющимся, а в России бы его посчитали за придурка.

Елена

1.

В последнее время Лена путешествовала мало, на выездные психологические сессии Гриша ездил без нее. Она очень уставала со своей маленькой дочкой. В 49 лет возиться с пятилетним ребенком, который многое повидал, потому что с младенчества воспитывался по детдомам, – сложное занятие. Уже год как у них с Гришей была настоящая семья.

Аня часто болела, их предупреждали, что на адаптацию уйдет гораздо больше года. Она была черненькая и глаза-стенькая. Все называли малышку «цыганка» и не только из-за внешности. Девчонка в свои пять лет была пластичная, как ртуть, голосистая, как птичка. У нее под матрасом находили то деньги, то конфеты, которые она выуживала из карманов наивных интеллигентных гостей Лены с Гришей. Эти распахнутые глазки могли хоть кого убедить в том, что ангел не умеет воровать. Но, увы, детдомовские привычки и недоверие к миру просто так не испаряются. Новым родителям Ани приходилось подключать все свое профессиональное мастерство, чтобы затащить девочку в нормальную жизнь.

Они отдали Анюту в детский сад, но очень скоро поняли, что зря. В коллективе девочка словно возвращалась в свое трудное младенчество: начинала драться, отбирать еду и иг-

рушки. Воспитатели сумрачно качали головами и прямо советовали заняться психологам своим ребенком самим.

Так что весь этот год Лена была намертво привязана к приемной дочке.

Однажды, уже лежа в постели, та вдруг выдала ей:

– Мама, а у меня была еще до тебя другая мама.

Лена не смутилась:

– Как ее звали?

– Я не помню.

– Может, тебе приснилось?

Аня с хитрецей посмотрела на Лену. Она лежала рядом на детской кровати поверх одеяла, пришлось неудобно поджать ноги, чтобы поместиться.

– Ты все равно лучше. У тебя волосы красивые. А та все время ходила в платке.

– Ты лисичка-подлиза, – улыбнулась женщина.

– Нет, мам, правда. Она веселая, и еще у нее кольца золотые красивые на пальцах были.

Мама ничего не ответила. Она знала, что девочка действительно родилась вне брака у очень молоденькой цыганки, почти подростка. К сожалению, в медкарте Аниюты Лена увидела отметку, что мать ребенка – вич-положительная. Прошло много времени, пока врачи убедились, что вирус не передан ребенку.

– Хочешь, я тебе одну вещь покажу? – Анюта завозилась, как маленькая мышка, под одеялом, а потом вынырнула из-

под него со взлохмаченными волосами. – Смотри!

На смуглой и тонкой ладошке лежало золотое колечко – Ленино колечко, подаренное Гришей.

– Это тебе, дарю, – радостно сообщила Аня.

– Но оно же и так мое.

– Ты его оставила на раковине, значит, ничье. А теперь я тебе его дарю.

Лена глубоко вздохнула.

– А ты видела, что я его ношу?

– Видела, но ты же его сняла, – малышка очаровательно надула губки.

– Я боялась его испортить, когда мыла посуду.

– А чего не надела после?

– Забыла.

– Раз забыла, значит, оно тебе и не нужно, оно тебе разонравилось.

– А раз оно мне разонравилось, чего же ты тогда мне его даришь?

Анюта задумалась. Для своего возраста и обстоятельств, в которых она росла, девочка была очень сообразительная и говорливая.

– Я больше так не буду, – со вздохом сказала она. – Ты добрая.

– Что не будешь?

– Не буду брать твои вещи.

– А зачем тебе вообще это кольцо понадобилось? Оно же

на тебя велико.

– Я хотела тебе его потом подарить, чтобы тебе приятно стало.

В такие моменты Лене хотелось плакать, она чувствовала свою беспомощность и как родитель, и как психолог. И слеза действительно поползла по щеке.

– Мама, не плачь, не расстраивайся, я люблю тебя, – искренне испугалась девочка.

Когда спустя час домой вернулся Гриша, Лена сидела на кухне, Аня спала.

– Как тут у вас?

– Опять все то же самое.

Он обнял жену.

– Мы знали, на что шли.

Но как же они вместе радовались, когда их Анюта делала успехи, каждая мелочь казалась глобальным достижением. Дочка была очень самостоятельным ребенком, могла без проблем остаться дома одна, бесстрашно пойти в магазин. А однажды пятилетняя кроха сама сварила пельмени, пока Лена вела онлайн-консультацию. Аня с гордостью поставила перед мамой на стол тарелку со слипшейся массой.

– Очень вкусно. – Лена пыталась проглотить комки разварившегося теста и с ужасом думала, как девчонка умудрилась не обжечься.

– Ой, я посолить забыла! – озабоченно, как взрослая, воскликнула пятилетка и кинулась к солонке.

– Давай теперь папе сварим пельмени, – предложила мама. И показала, как надо правильно это делать. Аня с очень серьезным видом ждала, пока вода забурлит, потом осторожно солила, кидала в нее пельмени. Лена мешала все это дело ложкой и приговаривала:

– Кидаем по одному, очень осторожно, чтобы горячие капли на руки не попали, мешаем, не даем пельменям прилипнуть ко дну.

– Мама, я теперь всегда буду варить пельмени, – пламенно сообщила Аня.

– Давай лучше я научу тебя печь печенье, только плиту без меня больше не включай, пожалуйста. – Лена решила, что разложить кусочки теста на противне гораздо безопаснее, чем кидать их в кипяток.

– Я, когда вырасту, стану поваром.

Лена покосилась на свою приемную дочку: «Было бы очень хорошо».

Ее жизнь теперь была похожа на качели. Они то взмывали высоко в небо, как сегодня, когда Аня была такой милой, то со свистом летели вниз, как в тот день, когда девочка взяла без спроса кольцо.

Но, если честно, жизнь Лены Шарафеевой, так уж распорядилась судьба, всегда была похожа на аттракцион. Взлеты и падения сменяли друг друга, но ничто не выбивало ее из седла. Такой уж она родилась, способной на многое. Когда они с Гришей брали Аню из приюта, Лена знала, что впереди

ждет очередной крутой поворот, что будет сложно. И поворотов этих будет достаточно.

Со здоровьем у Анюты в целом все было хорошо, но в последний раз на приеме у педиатра врач как-то озабоченно подняла глаза на Лену, когда убрала стетоскоп от худенькой спинки девочки.

– Что-то мне ее сердечко не нравится, давайте я вам дам талон к детскому кардиологу и талон на УЗИ сердца.

– Что такое?

– Я не могу сказать точно, но давайте исключим порок сердца.

– Порог? У меня сердце, как лестница? – заинтересованно сверкнула агатовыми глазами Анюта.

Женщины переглянулись.

– Вот сходишь на УЗИ, и врач посмотрит, на что похоже твое сердечко: на лестницу или на что-то еще, – убедительно сказала врач.

Ее опасения подтвердились, более того, кардиолог рекомендовал операцию.

Лена проявила выдержку, ни один мускул не дрогнул на ее лице, пока они были на приеме, пока шли домой, и Анюта пыталась сосчитать на улице все красные предметы. Ей уже было шесть лет, она ходила на подготовительные курсы к школе и умела бойко считать до двадцати.

– Красная машина – раз, красное пальто – два, красный светофор – три, – вслух считала она.

День шел своим чередом: обед, работа онлайн, занятия с Аней, возвращение Гриши с работы, ужин, чтение книжки на ночь. И только когда девочка заснула, Лена сообщила мужу:

– У нее порок сердца, врач подтвердил. Нужна операция.

– Надо везти в областной кардиоцентр, попробую узнать, какие там лучшие врачи.

– А может, в Москву?

– Туда только по направлению из области, если случай сложный и сами они справиться не могут. Ну или можно ехать в Москву на платную операцию.

– Едем в Москву, – решительно поставила точку Лена.

– Надо деньги найти. – Гриша почему-то перешел на напряженный шепот.

– Не доверяю я местным врачам, может, никакой операции и не нужно.

Гриша кивнул, встал и вышел на балкон подышать. А Лена включила телевизор. Местный телеканал передавал городские новости. Вдруг в кадре мелькнула школьная подруга, она занималась благотворительностью, помогала детскому медицинскому центру. «Галя? Как вовремя!» – подумала Лена и еле дождалась утра, чтобы ей позвонить.

– У тебя есть ребенок? Давненько же мы с тобой не общались.

– Да, девочка Анята, мы ее удочерили. Местные врачи ставят ей порок сердца и настаивают на операции. Но надо

ее показать в Москве, вот звоню тебе, ты же разбираешься, можешь подсказать, куда обращаться, как действовать.

В трубке повисло молчание. Затем Галина веско произнесла:

– Вам нужно в Московский исследовательский институт педиатрии, в отделение детской кардиологии. Посмотри в интернете адрес и все узнаешь сама. Если не сможешь, звони. – Галина произнесла это так, чтобы Лена прочувствовала всю глупость своего звонка: беспокоить занятых людей по такой мелочи.

Лена так и осталась сидеть, тупо глядя на телефон: «Вот это благотворитель, называется». Потом взяла себя в руки и полезла в компьютер, довольно быстро нашла не только телефоны, но и расценки. Вместе с консультацией профессора – детского кардиолога, повторными исследованиями и УЗИ нужно было минимум 20 тысяч, плюс добраться до Москвы, плюс снять там жилье.

«Где-то 100 тысяч надо, – подсчитала Лена. – Справимся, все будет нормально».

И тут же полезла заказывать билеты, рассчитывая расплатиться с кредитки.

«Ничего, пусть кредит, зато, может, врач скажет, что все поправимо без операции. И зачем я сгоряча позвонила Гале. Испугалась. А зря», – мелькали мысли, пока Лена искала билеты и гостиницу.

А ее подруга после звонка не могла прийти в себя. Ее по-

разила новость о том, что Лена теперь мама какой-то девочки, причем нездоровой девочки.

«Это ей бог за все ее давние грехи дает», – с затаенным злорадством святоши думала она.

«Конечно, я помогу, ребенок все-таки. Пусть только еще раз попросит. Как я за ней когда-то бегала, в рот заглядывала», – не унимался внутренний змей у Галя.

Ни через три дня, ни через неделю ей так никто и не перезвонил. Благотворительница обиженно закусила губу: «Вот всегда она такая гордая была. Могла бы и поблагодарить, это ведь я ей подсказала, куда надо звонить».

А у Лены было полно забот, подготовка к поездке шла полным ходом, о Гале она уже не думала. Выяснилось, что в Москву нужно везти заключения от местных врачей и желательно из областной клинической больницы, так что пришлось везти Анюту и туда. Местный диагноз тамошние врачи подтвердили.

Галя устала ждать спасибо и сама наконец позвонила Лене. И опять ее кольнуло, что озабоченная мать настолько углублена в дела дочери, что даже и не думает благодарить свою бывшую подругу. И ей захотелось поиграть в благородство, потому что только так она могла выманить из Лены заветные слова.

– Сколько денег вам нужно?

– Ой, что ты, Галя! Спасибо, ничего не нужно! – прозвучало заветное слово, которого добивалась бизнес-леди.

– Ну все же скажи, сколько вы планируете потратить?

В голосе благотворительницы зазвучали слегка металлические нотки. И Лена вдруг поняла, что, уступи сейчас она Галине, согласишься взять у нее деньги, придется принять правила игры «бедная просительница и великая благодетельница».

– Это не так много, Галя, не беспокойся. Если нам придется делать операцию, тогда понадобятся действительно приличные суммы. И я тебе позвоню, хорошо?

– К кому вы записались на прием? – менторским тоном поинтересовалась Галина, игнорируя вопрос Лены.

– Профессор Хециа.

– Это хороший врач. – Галина говорила так, словно сама была профессором медицины. – Мы к нему мальчика новорожденного направляли тоже с пороком сердца.

Лена слушала рассказ благодетельницы о собственных подвигах во имя больных детей и все никак не могла избавиться от мысли, что делает это все Галина не ради спасения чьих-то жизней, а ради самой себя, копит очки добрых дел, мало ли, а вдруг их действительно кладут на весы и взвешивают. Она решила переключить разговор.

– А как там твоя дочка Катя? Ты же уже бабушка? Кто у вас родился?

– Ой, у нас родился мальчик Искандер, наследник турецкой империи, что называется. Ему уже тоже, кстати, четыре года.

– Часто они к вам приезжают? – Лена через силу вела светскую беседу, у нее горело множество дел, которые нужно было завершить до отъезда, но очень хотелось быть с Галиной на равных, а не в роли человека с протянутой рукой.

– В основном мы к ним. Там большое производство, Ясин уж такой человек, не может ни на минуту оставить бизнес. Ну и мы ездим его проверять, все-таки наши деньги вложены, сама понимаешь, – понизив голос, ответила бывшая подруга.

– Как будешь в Турции, передай Кате от меня привет. Как-то я ей нагадала, что ее малыш станет президентом.

– Серьезно? Когда ты успела? – ревниво спросила Галя.

– А когда она на сохранении в нашем перинатальном центре лежала.

– Ну ты правильно нагадала, по документам он действительно в итоге должен стать полноправным членом правления нашего бизнеса и руководителем турецкого направления.

Профессор Хециа оказался пожилым невысоким абхазцем.

– Ничего особенного я не вижу, – с характерным акцентом проговорил он после того, как внимательно изучил бумаги и осмотрел Анюту. – Израстется, не мой случай, хирургия не нужна.

– А что нам делать?

– Спокойно жить, умеренные физические нагрузки без

фанатизма, нормальный режим. Поняла? – обратился он к Анюте, которая не могла спокойно усидеть на месте, вертела головой, качала ногой и закатывала глаза к потолку.

– Поняла, – бойко повторила девчонка.

Из клиники Лена не вышла, а вылетела, словно оставила за ее порогом огромный тяжелый рюкзак проблем.

– Мам, пошли гулять, пошли в зоопарк, ты обещала, – потянула ее дочка за рукав пальто.

И они провели замечательный день в Москве. Был зоопарк, планетарий, музей мороженого, характерный запах метро, блеск витрин и иллюминации на Никольской улице, торжественность Красной площади. Ворох впечатлений обрушился на маму с дочкой. Именно эта поездка сделала их по-настоящему родными.

– Мам, я точно знала, что никаких порогов в моем сердце нет. Оно у меня нормальное, без ступенек, – шептала в самолете Анята засыпающей Лене.

– Ты у меня будешь большая и сильная, самая красивая и самая умная, – шептала ей в ответ мать в полутьме.

– Мы поедем еще раз в Москву? – Анята говорила куда-то в иллюминатор, на котором расплывалось запотевшее пятнышко от ее слов, закрывая огни никогда не спящего города.

– Конечно, только теперь с папой и не на два дня. Летом, – пообещала Лена.

Аня порывисто обняла мать. Так они и летели два часа – заснувшая немолодая женщина и маленькая девочка, словно

приклеившаяся к ней.

Эпилог

Чем старше человек становится, тем быстрее летит время, желания становятся все более скромными, впрочем, как и возможности. А исчезают ли чувства? Если бы об этом спросили Галю, она бы ни на минуту не задумываясь ответила – да, чувства мельчают. Привязанность к мужу заменяет привычка, любовь к детям и внукам – страх за них.

Она точно знала, что вечером будет видеозвонок от Кати, они поболтают о том о сем, Галя попросит подойти к смартфону Искандера. Мальчик неохотно, из вежливости, выполнит просьбу своей русской бабушки и будет односложно отвечать на ее скучные вопросы. Ему не интересно, ведь в 10 лет есть дела поважнее, чем разговоры со старшими, тем более на далеком неродном языке.

Потом вернется Борис, в последнее время он не едет сразу после работы домой. У него занятия с тренером. Галя, в свои 57 лет, превратилась в раздобревшую даму. Только на работе, в любимом офисе, она ощущала себя живой, ей не хотелось уходить домой, поэтому она часто засиживалась, просматривала отчеты, сверяла цифры. Борис появлялся в семейном гнезде только после восьми вечера, веселый и подтянутый. Все разговоры теперь сводились к обсуждению его физической формы. Вот это Галя в последнее время терпеть не могла. Ее ровесники словно свихнулись на красоте и здо-

ровье. Приятельницы не вылезали от косметологов, щебетали о филлерах, подтяжках, ботоксе и диете. А дома еще и Борис добавлял масла в огонь, рассуждая о белках, жирах и углеводах.

– Ты же раньше на дух не переносил брокколи, – мстительно напоминала она ему за столом. Теперь он ел только овощи на пару, рыбу и морепродукты. Никакого мяса, сала, картошки и солений.

У Галя в тарелке была как раз картошка.

– Брокколи очень полезны. Ты знаешь, что они даже способны блокировать развитие раковых клеток?

Галя закатила глаза:

– Ты же иссох совсем!

– Не иссох, а имею нормальный индекс массы тела. Для моего возраста – идеальное соотношение мышц и жира. А ты не хочешь заняться здоровьем? Пропадаешь в офисе, все сидя да сидя. Из-за компьютера не вылезает.

– Боря, что бы мы сейчас ни делали с собой, все равно конец один, и он у всех одинаковый. Завязывай со своими нравоучениями. И, кстати, если бы не мои посиделки в офисе, нам бы налоговая в прошлом месяце такое устроила, что никакие твои брокколи не помогли бы.

– Это да, ты молодец. Бухгалтерии даешь прикурить. Но и за здоровьем надо следить. Хоть бы на массаж ходила, а то вон – спина, как колесо.

Галя поперхнулась картошкой.

– И чем тебе моя спина не нравится? Знаешь, мне не 20 лет, между прочим.

– Я же не о красоте, а о здоровье, – примирительно пробубнил Борис. Вообще-то и о красоте тоже, он все чаще смотрел на жену как завсегдатай спортзала и был недоволен ее внешностью. Ему требовалось некоторое усилие, вроде как настройка внутренних очков, чтобы за обрюзгшей скучной женщиной увидеть свою Галину.

И она это понимала, а еще точно знала, что мужу приятно предъявлять ей свою святую веру в, прости, господи, биоактинг, как теперь по-модному называлась вся эта суета вокруг здоровья. Ему хотелось быть рядом с ней молодцеватым мужчиной без возраста, чтобы все с удивлением за их спиной шептались: «А что, правда, они ровесники?». И она дала Боре такую возможность.

Галя уже давно никому сильно не завидовала, это чувство с возрастом тоже измельчало.

– Давай хоть вместе в парк по утрам будем ходить. Я бегать, а ты гулять, – не унимался муж.

– Поражаюсь тебе: откуда столько энергии? Ты бы с таким энтузиазмом на работе чаще появлялся. – Галя уже складывала тарелки в посудомойку.

– Там и без моего участия все работает, как часы. Тем более что я появляюсь.

Этот ленивый обмен давно известными упреками всегда сходил на нет после ужина.

Так они и жили: Галя раньше времени растеряла свое женское обаяние, зато слыла железной леди, Борис, наоборот, рабочую хватку ослабил, зато превратился в гуру здорового образа жизни и образец мужского благополучия.

Свою коралловую годовщину свадьбы – 35 лет, они решили не отмечать. Галина потому, что ей не хотелось лишних хлопот, Борис – потому что в последнее время не любил всех этих традиционных застолий с «вредной едой». Тем не менее они продолжали любить друг друга, хотя оба были уверены, что это слишком сильное слово для их чувств.

Галя истратила свою натуру и жила, словно вылинявшая вещь. Даже змей зависти больше не будоражил ее воображение, он тоже измельчал, похудел и побледнел. А может, было наоборот: сначала выдохся змей, а вслед за ним и Галина растеряла свое жизненное топливо и теперь лениво посматривала по сторонам на суетящихся ровесниц, пытающихся удержаться на краю зрелости и страшась старости.

А вот у Лены была совсем другая жизнь. В 57 лет быть матерью 15-летней девочки-подростка – довольно хлопотное занятие. И это было причиной, по которой она просто вынуждена была находиться в постоянном тонусе, расслабляться было некогда. То синие волосы, то вызовы к директору школы, то сигареты в кармане. В общем, Лене понадобились все знания и опыт, которые она приобрела за последние 15 лет своей новой жизни.

А ведь еще она продолжала вместе с Гришей вести прак-

тикумы, ездить на Алтай с группами психологических тренингов и даже выступать на местном радио в передаче «Утренний кофе с психологом». Эти передачи, кстати, иногда слушала и Галина, пока ехала в офис на своем BMW.

Она даже не удивлялась, что бывшая одноклассница опять сумела забраться на гребень жизненной волны, по крайней мере, так казалось Галине. Ее змей зависти лишь лениво приоткрывал глаз и чуть шевелил хвостом, реагируя на голос Лены Шарафеевой, как будто даже только по привычке.

– И чего же ты, рыба моя, не учишь народ, как так извиваться, чтобы опять быть самой успешной и самой лучшей, – усмехалась вслух Галина, подрезая какого-то работника на «Ладе», пока Лена рассказывала что-то слушателям про то, как нужно принимать решения.

– Вот прямо сейчас, – вещала психолог, – если у вас есть вопрос, на который надо дать ответ «да» или «нет» – уезжать или оставаться, делать или не делать, встречаться или не встречаться, попробуйте подбросить монетку...

– Ну ты даешь, Ленка, продавать такие элементарные вещи, надо талант иметь, конечно. – Галина кому-то посигналила энергичнее, чем обычно, и даже не заметила, как по привычке позавидовала Лене.

– ... и если ответ, который вам дает монетка, вызывает в вас бурю возмущения, знайте, что ваше подсознание уже приняло за вас решение, оно противоположно подсказке ор-

ла и решки.

– Хитро, хитро, – продолжала разговаривать сама с собой, а может быть, и с бывшей подругой, Галина. – Ты лучше расскажи, как тебя психологом стать угораздило.

Внутренний змей одобрительно шевельнул хвостом, вяло поддерживая свою хозяйку. А она уже притормозила перед офисом и грузно выбиралась из машины.

За стеклянными дверями, в фойе, привстал охранник из-за своих мониторов, уважительно и слегка подобострастно приветствуя хозяйку.

– Доброе утро!

Она проплыла мимо, лишь слегка кивнув головой. Уж чему-чему научилась Галина за всю свою жизнь, так это манерам настоящей владычицы морской. А ведь за ними все так же пряталась девочка, которую когда-то пророчески дразнили в школе Панталоны, которая мерзла на рынке, торгуя как раз панталонами и трусами. Это ее так бережно овивал внутренний змей и шептал: «Ну что за имя у тебя такое уж-ужасное – Галина. Фу, у тебя мама свекольный квас делает, а у нормальных людей дома кока-кола». И девочка соглашалась, что и имя у нее никудашнее, и свекольный квас – это самый отвратительный бедняцкий напиток на свете.

– Доброе утро, Галина Александровна! – Ее секретарь приподнялась из-за стола и надела на лицо самую радушную улыбку.

– Доброе. Сегодня будет общее собрание менеджеров.

Всех ко мне в кабинет в 9 утра собери. – Галина зашла к себе и закрыла дверь.

А секретарь, собрав брови к переносице, уже писала своей подружке в отдел:

– Шеф сегодня не в настроении, готовьтесь.